

А. К. Кушкумбаев

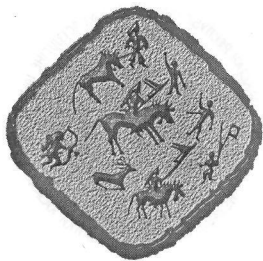
Военное дело казахов в XVII-XVIII веках

INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
BY THE NAME OF R. B. SULEIMENOV
MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

A. K. Kushkumbayev
**Military Affair
of the Kazakhs
in the
XVIIth-XVIIIth Centuries**

Almaty "Daik-Press" 2001

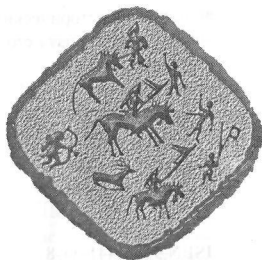

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИМЕНИ Р. Б. СУДЕЙМЕНОВА
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

А. К. Кушкумбаев

**Военное
дело казахов
в XVII-XVIII веках**

Алматы "Дайк-Пресс" 2001

ББК 68.4

К 96

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
“КАЗАХСТАНСКИЕ ВОСТОКОВЕДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ”

И. Н. Тасмагамбетов (председатель),
М. Х. Абусейтова, Б. Е. Кумеков,
Ю. Г. Баранова, К. Т. Талипов, Б. А. Казгулов
(Казахстан);
Б. А. Ахмедов (Узбекистан)
С. Г. Кляшторный (Россия);
А. М. Хазанов (США);
Винсент Фурньо (Франция)

Научный редактор

доктор исторических наук, профессор **М. Х. Абусейтова**

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **Ж. К. Касымбаев,**
кандидат исторических наук **Э. Ж. Валиханов**

К $\frac{1301000000}{00(05)-01}$

ISBN 9965-441-44-8

© Кушкумбаев А. К., 2001
© Издательство “Дайк-Пресс”,
оформление, 2001

Светлой памяти отца
Қайрсыям Қошқымбай ұлы
посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Война и военное дело имели огромное значение в истории древних и средневековых кочевников обширного евразийского региона. Кочевые народы были создателями оригинальной военной системы, с помощью которой на протяжении ряда веков они получали бесспорное военно-политическое превосходство над своими противниками за пределами Великой Степи. Своеобразная военизация кочевого образа жизни нашла адекватное отражение в предметах материальной и духовной культуры кочевников древности и средневековья. Многоаспектные проблемы военной истории кочевничества достаточно плодотворно изучаются за пределами республики, свидетельством чему являются многочисленные монографии, статьи, заметки, сообщения историков, археологов, этнологов. По военному делу кочевников Казахстана только недавно стали появляться отдельные значительные труды. Военно-историческая тематика остается пока одной из недостаточно изученных проблем в казахстанской историографии. XVII—XVIII вв. относятся к числу сложных и поворотных моментов в истории Центральной Азии и Казахстана. Научных работ по этому периоду,

затрагивающих военные аспекты, незначительно, поэтому изучение истории военного дела казахов является актуальной задачей. Как отмечают авторы "Концепции становления исторического сознания в Республике Казахстан", одним из основных приоритетов современного исторического знания должно стать "раскрытие вклада кочевников в мировую цивилизацию, места и роли номадизма в истории Казахстана" и, в частности, изучение "воинского искусства"¹.

Военно-организационная модель кочевников была положена в основу общественно-политического устройства всех крупных кочевых объединений на огромном историческом отрезке времени. Осмысление роли военного фактора в эволюции кочевых обществ имеет прежде всего научно-познавательную значимость в контексте общей истории номадизма. Исследование истоков формирования военного дела номадов позволит углубить современные концепции и представления о цивилизационно-стадиальной характеристике кочевых социумов.

С самого начала зарождения кочевниковедения военно-историческая тематика относилась к числу главных ее направлений. Еще в XIX в. по военному искусству монголов были выпущены первые общие труды². Среди них надо отметить известный в прошлом очерк, написанный генерал-лейтенантом М. И. Иваниным, который, по существу, положил начало изучению военной истории кочевников³. Слабостью его работы, как и всей литературы этого периода, была ограниченность источниковой базы. Вместе с тем он подробно остановился на характеристике военной организации, способах и формах ведения военных действий средневековых монголов и их преемников,

¹ Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан. 1995.

² Гринев А. С. Конница Чингис-хана и Батыя. Спб., 1885; Марков М. Н. История конницы. Тверь, 1896. Ч. 2.

³ Иванин М. Н. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. Спб., 1875.

предпринял попытку увязать причины военных успехов кочевников с подвижным образом жизни и их “природной” способностью к истребительной войне. Особый интерес в этом отношении представляют рассуждения М. И. Иванина об организации движения больших воинских соединений в период длительных степных походов.

Значительный интерес представляет книга доктора Э. Хара-Давана “Чингис-хан как полководец и его наследие”⁴. Хотя данный труд заимствует многие сведения и факты из работ предшественников и современников автора и носит в целом компилятивный характер, но в то же время в отличие от них в нем более широко охватывается круг военных вопросов и на уровне знаний своего времени сделана попытка объяснить военную систему монголов XIII—XIV вв. Очень важными представляются данные о большом значении зверовой охоты в структуре военного дела кочевников.

Существенное значение имеют аналитические наблюдения, зафиксированные и обобщенные Б. Я. Владимирцовым по особенностям функционирования кочевого хозяйственно-культурного типа⁵. Изучая общественный строй монгольских племен, он акцентировал внимание на вопросе о воздействии охоты на военную и социально-политическую жизнь кочевого общества.

В научной литературе XIX — начала XX в., посвященной военной истории кочевников, монгольская военная тематика занимала господствующее положение, что объясняется значимостью тех всемирно-исторических событий и изменений, которые были обусловлены монгольскими завоеваниями; грандиозные же победы кочевников в основном приписывались полководческому таланту Чингиз-хана и его последователей.

В 40—50-х гг. “военно-кочевая историография” пополнилась одной публикацией С. М. Абрамзона по военной органи-

⁴ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Алма-Ата, 1992 (переиздание).

⁵ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934.

зации кыргызов и несколькими статьями А. А. Рослякова⁶. Первый, занимаясь военным прошлым кыргызского народа, в качестве основного источника использовал историко-этнографические материалы и героический эпос “Манас”, дал наиболее общую описательную характеристику уровня развития военного дела в кыргызском обществе и тем самым пришел к локальным выводам. В работах А. А. Рослякова объектом исследования стали различные стороны военного дела среднеазиатских народов (главным образом туркмен). Он рассмотрел такие аспекты, как формирование войска, состав армейских подразделений, военная тактика и стратегия, оружие, оборона и т. д., вычленил ведущие моменты военной системы кочевников Азии. Недостаток и, возможно, неудовлетворительное состояние источников не позволили ему осветить военную историю Казахстана, сделать результативный сравнительно-сопоставительный обзор эволюции военного дела в кочевом мире. С другой стороны, вызывает интерес его точка зрения в отношении причин появления некоторых тактических приемов и господства ручного метательного оружия в боевых средствах кочевников.

В эти же годы выходит малоизвестный среди широкого круга специалистов доклад В. Н. Куна “Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии”⁷, где разбираются военизированные операции облавной охоты и впер-

---

⁶ Абрамзон С. М. Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса “Манас” // Труды ин-та языка, лит-ры и истории. Фрунзе, 1945. Вып. 1; Росляков А. А. Из истории военного искусства туркмен (организация преследования в войсках туркмен в XI—XII веках) // Труды Ашхабад. гос-го пед. ин-та им. А. М. Горького. Ашхабад, 1947. Вып. 1; Он же. Основные черты военной системы азиатских степняков // Изв. Туркмен. филиала АН СССР. 1951. № 2; Он же. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI—XV веках // Учен. зап. Туркмен. гос-го ун-та им. А. М. Горького. Ашхабад, 1962. Вып. 21.

⁷ Кун В. Н. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии // Учен. зап. Ташкент. пед. ин-та им. Низами. Сер. обществ. наук. Ташкент, 1947. Вып. 2.

вые сделаны серьезные сопоставительные обобщения о взаимосвязи охотничьего промысла и военного дела в кочевом обществе. Именно В. Н. Кун, на наш взгляд, наиболее последовательно проводил мысль о влиянии природных условий на военную тактику кочевников и определил вектор будущих поисков по этой проблеме.

В 60—90-х гг. в СССР было издано большое количество работ по военному делу евразийских кочевников древности и средневековья. Значительная их часть посвящена скифо-сарматской кочевой культуре⁸. По центральноазиатскому региону в 70—80-х гг. стали выходить специализированные крупные монографии, сборники и статьи⁹. В большинстве из них основной объект анализа — предметы вооружения, и поэтому они, естественно, носят ярко выраженную оружейведческую направленность. По-видимому, такой характер литературы объясняется тем, что материальные артефакты (остатки оружия) стали главным источником в реконструкции военного прошлого кочевых социумов. Из современных оружейвед-

---

⁸ Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М., 1964; Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. М., 1961; Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971; Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968; Он же. Скифские лучники. Киев, 1981; Горелик М. В. Оружие Древнего Востока. М., 1993.

⁹ Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей (по сведениям из "Ляо ши") // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975; Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв. Новосибирск, 1980; Он же. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986; Он же. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991; Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981; Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987; Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990; Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М., 1990; Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа, 1994; Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995; и др.

ческих работ необходимо выделить чрезвычайно насыщенную аутентичным фактическим материалом монографии Ю. С. Худякова — ведущего специалиста по вооружению древних и средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии, который обратил внимание на “облавные” методы ведения военных операций киданей и монголов. Большинство исследователей, изучая военное дело кочевников, не ставят вопрос о происхождении оригинальной военной системы и становлении базовых принципов специфической военной тактики nomadov. Ознакомление с обширной историографией по военной тематике кочевников последних 40 лет показывает, что в постановке проблемы генезиса военного дела главное внимание сосредоточено на появлении отдельных видов оружия и вопросах формирования комплекса предметов вооружения.

Что же касается зарубежной литературы (особенно англоязычной), то изучение конкретных проблем военной истории и развития военного дела в кочевых обществах (а казахов в частности) отдельно практически никогда не предпринималось, а рассматривалось в связи с другими вопросами истории кочевничества. Тем не менее среди исследований западных ученых стоит перечислить работы К. Д'Оссона, Х. Ховорта, Е. Паркера, Ф. Скрайна, Е. Росса, Дж. Скэнлона, А. Хазанова¹⁰.

В казахстанской историографии первой, наиболее общей работой по военной истории казахов можно считать статью А. Рязанова, опубликованную в 1924 г. в журнале “Советская Кир-

---

¹⁰ D'Ohsson C. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour bey on Tamerlan, t. I—IV, ed. 3. Amsterdam, 1892; Howorth H. H. History of the Mongols from the 9-th to the 19-th century. pt. 1: The Mongols proper and the Kalmuks, London, 1876; pt. II. The SO-called Tartars of Russia and Central Asia. Division. I—II. London, 1880; Parker E. H. The Kalmuks // The China review: or notes and queries on the Far East., v. XXIII, 1898—1899. Hongkong-London; Skraime F. H., Ross E. D. The neart of Asia. London, 1899; Scanlon G. T. Source material for history of Madiewal Muslim Warfare // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1963. Т. 2. С. 53—57; Khazanov A. M. The Nomads and the Outside World. Wisconsin, 1994.

гизия”¹¹. Интерес к этой теме в те годы был обусловлен насущной задачей создания из казахов отдельных воинских частей. В связи с этим А. Рязанов обратился к военному прошлому казахов, подчеркивая особые черты, присущие социально-политическому строю казахского общества, указывая на образ жизни и род занятий, которые в целом предопределили специфику военного искусства казахов.

В конце 60-х гг. вышла статья Г. И. Семенюка по военному делу казахов XVIII—XIX вв., которая полностью основывается на русских источниках¹². В ней содержатся сведения по оружию, родоплеменному ополчению и боевой тактике казахов, вошедших в состав Российской империи. Из приведенных данных не совсем ясны степень вооружения и механизм действия казахской военной организации. Но заметным преимуществом работы стало выдвинутое автором положение о природно-хозяйственной обусловленности способов ведения войны казахами-кочевниками.

В 1971 г. появилось небольшое по объему сообщение К. Смагуловой “Оружие казахов XVI—XIX вв.”, опубликованное в сборнике студенческих научных работ КазГУ. Она подразделила боевое вооружение казахов на три группы: холодное, метательное и огнестрельное, причем доминирующее положение в системе вооружения этого периода, по ее мысли, занимало холодное оружие.

Проблемы казахского оружиеведения разрабатывались в публикациях А. Т. Кайдарова и В. П. Курылева¹³.

¹¹ Рязанов А. Исторические предпосылки к вопросу о формировании национальных киргизских частей // Советская Киргизия. 1924. № 3—4.

¹² Семенюк Г. И. Оружие, военная организация и военное искусство казахов в XVIII—XIX вв. // Вопросы военной истории России XVIII и пер. пол. XIX века. М., 1969.

¹³ Кайдаров А. Т. Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском героическом эпосе и их этнолингвистическое объяснение // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1973. № 6; Курылев В. П. Оружие казахов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана: Сб. МАЭ. Л., 1978. Т. 34.

А. Т. Кайдаровым проштудирован большой пласт казахских источников, что позволило ему найти многочисленные названия видов (типов) личного боевого оружия, вспомогательных предметов военного снаряжения, воинской экипировки воина-батыра и дать этому явлению этноязыковое толкование.

Работа В. П. Курьева посвящена вооружению казахов, которое хранится в фонде Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге. Он одним из первых провел тщательный оружейведческий анализ казахских боевых топоров, булав, наконечников стрел, нагаек, ружей, показал материал их изготовления, формы использования отдельных предметов оружия.

В последние годы можно говорить о заметно возросшем интересе к казахской военной тематике.

Н. Ж. Шаханова¹⁴ рассмотрела традиционные элементы походной пищи казахов, детально остановилась на составе консервированных продуктов питания, способах приготовления мясных блюд в боевых условиях, что явилось заметным продвижением вперед в раскрытии такой важной проблемы, как обеспечение продовольствием воинов-кочевников в период войны.

Э. Ж. Валиханов¹⁵ описал основные этапы военных действий в период джунгаро-казахских войн, сделав основной упор на выяснение стратегических и тактических приемов, применяемых казахами. Малозатронутыми оказались структура военной организации и комплекс вооружения.

В работе "Казахстан: Летопись трех тысячелетий"¹⁶, написанной на основе первоклассных восточных нарративных источ-

¹⁴ Шаханова Н. Ж. Специфика пищи в военно-кочевом быту казахов XVII—XIX вв. // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М., 1990. Вып. 2.

¹⁵ Валиханов Э. Ж. Вооружение и тактика военных действий казахов в период борьбы против джунгарской агрессии // Освободительная борьба казахского народа за свою свободу и независимость в первой половине XVIII века: (Матер. науч.-практ. конф., посв. 300-летию батыра Богенбая). Целиноград, 1991.

¹⁶ Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

ников, Т. И. Султанов приводит ценную информацию о казахском войске и его численности в XV—XVII вв., воинской символике (боевые знамена, ураны), характерных сторонах военного быта воинов-кочевников, что весомо дополняет военно-политическую панораму позднесредневекового Казахстана.

Статья Ж. М. Жетыбаева¹⁷ построена на обследовании сохранившихся изображений казахского оружия, которые неоднократно встречаются в памятниках погребально-культовой архитектуры казахов Западного Казахстана. Автор сделал общее сравнение и деление предметов оружия на группы, привлекая различные письменные источники XIX в.

Безусловно, самым крупным достижением в историографии военного дела казахов можно назвать исследование К. С. Ахметжанова¹⁸. На основе богатого устного героического эпоса казахов в сочетании с включением большого наглядного материала (вещественно-изобразительные, а также письменные источники) он воссоздал боевой набор предметов вооружения батыра, провел интересную классификацию защитного доспеха казахских воинов, высказал свое мнение по достаточно сложным аспектам развития военной организации и боевого искусства кочевников.

К числу последних крупных работ относятся "Очерки военного дела кочевников Казахстана" Т. К. Алланиязова, которые представляют собой обзор военной истории Казахстана с древнейших времен до середины XIX в.¹⁹ Эта книга в какой-то мере закрывает существующий пробел в изучении истории эволюции военного дела древнего и средневекового населения Казахстана.

Динамику международных отношений, внутри- и внешнеполитическое положение в отдельных странах Центральной Азии XVII—XVIII вв. освещали следующие исследователи: М. Х. Абу-

¹⁷ Жетібасев Ж. М. Манғыстау және Үстірт қазақтарының халық суреттеріндегі қару-жарақтар // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. 1993. № 5.

¹⁸ Ахметжанов К. С. Жараған темір кигендер (батырлардың қару-жарағы, әскери өнері, салт-дәстүрлері). Алматы, 1996.

¹⁹ Алланиязов Т. К. Очерки военного дела кочевников Казахстана. Алматы, 1996.

сеитова, Н. Г. Алполова, Ж. О. Артыкбаев, В. Я. Басин, Б. П. Гуревич, И. В. Ерофеева, И. Я. Златкин, Ж. К. Касымбаев, В. С. Кузнецов, К. Мамырулы, В. А. Моисеев, Р. Б. Сулейменов, А. Сабырханов, С. В. Тимченко, К. Ш. Хафизова, А. Ходжаев и др. Среди этих многочисленных исследований следует выделить работу В. А. Моисеева²⁰. Автор на базе огромного количества архивных документов восстановил историю и ход развития достаточно сложных казахско-ойратских отношений позднего средневековья и нового времени. Заслуживает внимания также монография К. Мамырулы, в которой задействован обширный пласт собственно казахских источников, описаны основные сражения между джунгарами и казахами, показано активное участие казахских ханов, султанов, биев и батыров в борьбе против джунгарской агрессии²¹.

Таким образом, вопросы генезиса базовых принципов военного дела в кочевых обществах не получили достаточного отражения в историографии. В отношении же истории военного дела казахов хотя и имеется своя определенная историографическая традиция, но она находится, как нам представляется, в начальной стадии процесса изучения, а по периоду XVII—XVIII вв., за исключением нескольких статей, отсутствуют комплексные специальные работы по военной истории Казахстана.

В процессе работы автором были привлечены самые различные по форме и внутреннему характеру источники: письменные (литературные), устноэпические, этнографические и изобразительные материалы, в которых имеются достаточно репрезентативные фактические данные.

Сведения и факты, касающиеся военного дела кочевников и проливающие свет на отдельные периоды военно-политической истории, разбросаны в многочисленных разноязычных письменных источниках и никогда не представляли единого целого. Это создало определенные трудности в выявлении и извлечении первичного базового материала.

²⁰ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи: XVII—XVIII вв. Алма-Ата, 1991.

²¹ Мамырулы К. Қазақ халқының жоңғар басқыншыларына қарсы күресі. Алматы, 1994.

Основными источниками для исследования стали переведенные и систематизированные письменные сообщения восточных авторов, сборники и документы материалов, которые неоднократно и успешно привлекались специалистами. Прежде всего, это китайские источники из собрания сведений Н. Я. Бичурина, Н. В. Кюнера, В. С. Таскина, Сборник документов по цинско-казахским отношениям в XVIII в., “Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана”; монгольские — “Сокровенное сказание монголов 1240 г.”, “Алтан Тобчи”, образец монгольского права XVII в. “ИХ ЦААЗ”; древнетюркские рунические памятники, “Материалы по истории туркмен и Туркмении”, “Материалы по истории киргизов и Киргизии”, записки Плано Карпини и Гильома де Рубрука, книга Марко Поло и др.

Среди них следует отметить специальные тематические собрания источников: “Прошлое Казахстана в источниках и материалах”, “Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII вв.” (сочинения “Михман-Наме-йи Бухара” Рузбихана, “Шараф-Наме-йи шахи” Хафиза Таныша, “Шайбани-Наме” Бинаи, “Тар’их-и Абу-л-Хайр-хани” и др.), “Материалы по истории Средней Азии X—XIX вв.”, а также русские архивные источники, сосредоточенные в двух томах по вопросам казахско-русских отношений XVI—XIX вв., “Международные отношения в Центральной Азии XVII—XVIII вв.” (2 т.), “Материалы по истории каракалпаков”.

К числу древних источников, использованных автором, относятся устнопоэтическая литература и героический эпос казахов — “Батырлар жыры”²². Устный фольклор донес до нас очень интересные сведения о вооружении казахских батыров, сцены описания военного быта, воинских традиций и т. д. Уникальная информация степной устной историологии содержится в многочисленных сочинениях М. Тынышпаева²³.

²² Магауин М. Кобыз и копье. Алма-Ата, 1970; Поэты пяти веков: Казахская поэзия XV — начала XX в. / Пер. с каз. Алма-Ата, 1993; Кобланды-батыр. М., 1975; Ер Едиге. Алматы, 1995.

²³ См.: Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы, 1993.

Ценный эмпирический материал был накоплен в дореволюционный период во многих трудах российских авторов XVIII—XX вв.: В. Бакунина, И. Унковского, П. И. Рычкова, П. С. Палласа, И. Г. Георги, И. П. Фалька, И. Г. Андреева, Ф. С. Ефремова, Я. Гавердовского, С. Броневского, А. И. Левшина, А. К. Гейнса, В. Потто, Н. И. Гродекова, К. К. Абазы, В. фон Герна и др., отразивших чрезвычайно важные этнографические данные по военному делу казахов. Достоинством этого круга источников является то, что интересующая нас информация отличается достоверностью и точностью, так как они были очевидцами и наблюдателями тех событий или социальных явлений.

Особо хотелось бы выделить работы выдающегося исследователя истории казахского народа Ч. Ч. Валиханова: “Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи”, “Исторические предания о батырах XVIII в.”, в которых собран представительный фактологический материал по вооружению и военному искусству казахов.

Важные сведения и отдельные факты были почерпнуты из работ западноевропейских авторов, посетивших казахскую степь в разные периоды (С. Герберштейн, А. Дженкинсон, Дж. Кэстли, Т. Аткинсон).

В заключение я бы хотел высказать самые теплые слова благодарности моему научному руководителю — известному специалисту-востоковеду, доктору исторических наук Меруерт Хуатовне Абусеитовой.

Неоценимы роль и значение Нурбулата Эдигеевича Масанова, который бескорыстно помогал практическими замечаниями и советами в моем научном поиске.

Глубокое уважение и признательность выражаю также директору издательства “Дайк-Пресс” Булату Ахметжановичу Казгулову, взявшему на себя нелегкий труд по выпуску серии работ по истории древнего и средневекового Казахстана.

ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА ВОЕННОГО ДЕЛА НОМАДОВ

1.1. Облавная охота и ее значение в становлении и развитии кочевой военной организации

Как нам представляется, “ключ” к познанию феномена традиционной военно-организационной структуры кочевых народов Центральной Азии лежит в практиковании и функционировании коллективной облавной охоты.

Исследователи констатируют, что до периода неолитической революции господствовал хозяйственно-культурный тип (ХКТ) охотников и собирателей¹. В Казахстане и смежных с ним регионах охотничий промысел вплоть до эпохи бронзы занимал ведущее место в хозяйственной жизни² и носил ярко выраженное “мясное” направление (свыше 90 процентов костей диких видов животных принадлежит ко-

---

¹ Андрианов Б. Г. К методологии исторического исследования проблем взаимодействия общества и природы // Общество и природа. М., 1981. С. 256.

² Казахи. Алматы, 1995. С. 47.

пытным)³. Несомненно, что охота, являясь важным компонентом экономической структуры древних этносов, оказывала заметное воздействие на некоторые стороны общественной жизни, в том числе и на военную.

Охота была характерной чертой ХКТ кочевников-скотоводов умеренного пояса Евразии. В историографии кочевничества достаточно аргументированно обосновывается мысль о детерминирующей роли охоты в генезисе номадизма. Например, В. Н. Кун отмечает, что появлению содержания и выпаса скота "предшествовало непрерывное следование охотников за стадами животных, которыми они питались", соответственно "долгие тысячелетия человек должен был прожить охотником и собирателем, прежде чем накопил опыт, позволивший ему стать пастухом"⁴. Действительно, освоение и познание природных ресурсов и экологической ниши кочевничества у скотоводческих народов евразийской аридной зоны происходило вначале посредством передвижения за дикими животными, в процессе которого охота совмещалась со скотоводством. Тем самым занятие охотой стало особой ступенью, обеспечивающей переход скотоводов-пастухов к кочевому образу жизни, которая одновременно явилась и особым способом освоения этой экологической ниши⁵, считает Н. Э. Масанов. К такому пониманию становления номадизма примыкают точки зрения, высказанные и другими исследователями⁶.

³ Макарова Л. А. Материалы к охотничье-промысловой фауне эпохи неолита и бронзы Казахстана // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 130—139; Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С. 84—104, 105—119; Ахинжанов С. М., Макарова Л. А., Нурумов Т. Н. К истории скотоводства и охоты в Казахстане. Алма-Ата, 1992; и др.

⁴ Кун В. Н. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии // Учен. зап. Ташкент. пед. ин-та им. Низами. Сер. обществ. наук. 1947. С. 20.

⁵ Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов. Алматы; М., 1995. С. 35—37.

⁶ Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М., 1979. С. 273; Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991. С. 283—290.

Древние и средневековые источники достаточно часто упоминают практикование кочевыми народами Центральной Азии облавной охоты. Так, у Н. Я. Бичурина можно встретить, что хунну “по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевою охотою и тем пропитываются”, “следуя за травкою и водою, занимаются звероловством”, “они (хунну) в несколько тысяч конницы занимались охотою”⁷. Более подробное описание облавной охоты сообщают материалы по истории средневековых монголов. Г. де Рубрук пишет: “Когда они хотят охотиться на зверей, то собираются в большом количестве, окружают местность, про которую знают, что там находятся звери, и мало-помалу приближаются друг к другу, пока не замкнут зверей друг с другом как бы в круге, и тогда пускают в них стрелы”⁸.

В Монгольской империи облавные охоты принимают стройную государственную организацию. В период правления Хубилай-хана назначаются специально два “князя-куничи” (смотрители собак), которые отвечали за организацию императорской охоты. У каждого из них под началом было 10 тыс. человек. Одни из них были одеты в красный цвет, а другие — в голубой. “Когда великий хан едет на охоту, по одну его сторону едет один брат со своими десятью тысячами ловчих и со своими пятью тысячами собак, а по другую — другой со своими десятью тысячами и со своими собаками. Идут вплотную, один за другим, растянутся на целый день пути и всякого зверя излавливают. Любо посмотреть и на охоту, и на собак, и на охотников, заглядишься, скажу вам, на великого хана, когда он и князья кругом его скачут с кречетами по равнине, а собаки, смотришь, гонят с той и с другой стороны медведей, оленей и всяких зверей”⁹. Такие ги-

⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 40, 79, 84, 254, 275, 292; Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 62.

⁸ Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993. С. 85.

⁹ Книга Марко Поло. Алма-Ата, 1990. С. 105.

гантские облавные охоты занимали большую территорию и носили в Юаньской империи характер узаконенных государственных традиций.

О значении охоты в империи свидетельствует то, что хан специальным распоряжением заставлял проживающее вокруг население в радиусе шестидесяти дней пути охотиться на зверей в течение зимы и присылать к ханскому двору добытую дичь¹⁰. О проведении кочевниками Казахстана облавной охоты говорят персо-тюркоязычные источники XV—XVI вв.¹¹ Традиции больших облавных охот сохранились в Китае и Монголии вплоть до XIX в.¹²

Как видно из приведенных данных, особенной чертой облавы являются два момента: 1) в охоте участвует большой контингент людей, 2) собственно сам принцип облавы — окружение, охват определенной территории. Именно на этих двух основных элементах основывается вся сущность облавной охоты.

Естественно-географические условия обитания кочевников Центральной Азии обусловили в течение длительного периода параллельное функционирование охотничьего промысла и кочевого скотоводства.

Б. Я. Владимирцов в труде по общественному строю монголов неоднократно указывал, что монгольские племена подразделялись по образу жизни и хозяйства на две группы: 1) лесные (звероловные), 2) степные (скотоводческие). Были отдельные племена, которые принадлежали и к тем и другим, так что “в некоторых случаях довольно трудно провести грань между “лесными” охотниками и “степными” скотоводами: были племена, стоявшие на переходной стадии, были племена или ветви племен, ответившиеся роды и семьи, которые то вели скотоводческое хозяйство, то занимались рыбной ловлей”. Такое

¹⁰ Книга Марко Поло. Алма-Ата, 1990. С. 104.

¹¹ Тарихи Абу-л-Хайр-хани // Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. Алма-Ата, 1969. С. 151, 154 (далее: МИКХ).

¹² Ковалевский Е. Путешествие в Китай. СПб., 1853. Ч. 1. С. 27—29; Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. М., 1969. С. 96.

переплетение охоты и кочевого скотоводства позволило ему охарактеризовать средневековых монголов как “номадов-охотников”¹³.

О тесной связи и взаимообусловленности охоты и кочевничества говорит также то, что “идеальный вариант кочевка, особенно зимних и осенних, представлялся в синтезе пастбищ, удобных для тебеневки скота и богатых охотничьих угодий. Мотивами перекочевок становились поиски благоприятного для ведения комплексного хозяйства сочетания”¹⁴. Материалы по древним и средневековым кочевникам Центральной Азии показывают, что кочевые маршруты проходили строго по территории, где была возможна охота, преимущественно облавная¹⁵.

Вплоть до 20-х гг. XX в. виды, формы и организация коллективной охоты хорошо сохранились у бурят. Материалы по бурятской облавной охоте дают наиболее достоверные сведения по интересующему нас вопросу. В бурятском языке имеется ряд названий массовой облавной охоты: “зэгэтэ аба, аба хайдак (хайгта аба), хушуута аба, галшата аба”. Как легко заметить, общим для всех этих видов охоты является слово “аба”, которое переводится как “облава”. В древнетюркском языке термин “аба” имеет значение охоты вообще¹⁶. Разные названия бурятской облавы были связаны с количеством участников облавы. Если в охоте участвует до 300 человек, то она называется “зэгэтэ аба”, при участии 500 охотников — “хушуута аба”, более 1000 — “галшата аба”¹⁷.

Здесь следует обратить внимание также на то, что эти названия зависели от принципов, структуры и организации об-

¹³ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. С. 33—35, 41, 58—59.

¹⁴ Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск, 1991. С. 25.

¹⁵ Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 94; Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 24.

¹⁶ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 1.

¹⁷ Жамбалова С. Г. Указ. соч. С. 87.

лавной охоты. Так, существенной особенностью “зэгэтэ аба” было то, что район охоты специально огораживался кольями, которые были соединены между собой волосяными веревками. К последним привязывались разноцветные куски материи, чтобы звери не перешли линию ограждения¹⁸. Этот вид облавы существовал издревле у кочевников¹⁹. Такие облавы в ту эпоху приносили немало добычи охотникам. “Аба хайдак” была небольшой облавой (группой до 300 человек), которая проводилась непосредственно перед большой (главной) облавой, т. е., иными словами, по времени она являлась короткой, одноразовой, отслеживающей охотой, очень похожей на разведку местности и местопребывания зверей²⁰. Другой распространенный способ проведения облавной охоты — “хушуута аба”. Ее структура имела следующее построение: впереди стоял центр (туб), напоминающий авангард, чуть дальше располагались правый и левый фланги. Как видно, такое построение имело треугольную форму. Само слово “хушуут” означает “двигаться клином, построение клина или морды”²¹. Не лишена оснований вероятность того, что при “зэгэтэ аба” центр имел арьергардную (тыльную) позицию по отношению к крыльям, а при “хушуута аба” наоборот. Эти две организационные структуры указывают на то, что в первом случае центр имел главное значение, так как при замыкании кольца животных он заканчивал облаву, а во втором варианте крылья, состыковавшись, завершали окружение. Третьей, наиболее значительной по числу участников и грандиозной по масштабам облавой являлась “галшата аба”. Такое наименование было связано со словом “галша” — вождь, предводитель, шаман. Как считает С. Г. Жамбалова, “это дает основание предполагать существование шаманской облавы, т. е. облавы под руководством шамана, которая, по всей вероятно-

¹⁸ Жамбалова С. Г. Указ. соч. С. 89—90.

¹⁹ Линь Кюн-и, Мункуев Н. Ц. “Краткие сведения о черных татарах” Пэн Да-я и Сюй-тина // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 138—140.

²⁰ Жамбалова С. Г. Указ. соч. С. 91.

²¹ Там же. С. 90.

сти, была широко распространена в ранней истории бурят²², а следовательно, и у многих других кочевых народов. Данная охота продолжалась длительное время и была ориентирована на решение определенных задач.

В бурятских облавах можно выделить несколько иерархических ступеней: 1) основная масса облавщиков — “абын зон”, которая делилась на группы по 20 человек и подчинялась “малгаю”; 2) следующими выше по положению были “захулы”, отвечавшие за порядок линии облавы и соблюдение определенной дистанции между охотниками; 3) “газарша” (гар бар-яша) командовали крыльями облавы; 4) в центре находился “тобша”; 5) всей облавной охотой руководил и управлял главный распорядитель — “галша”²³, “во время религиозных обрядов он — верховный жрец, в военных действиях — главный полководец”²⁴.

Средний слой иерархической лестницы облавной охоты, состоявший из “захулов”, был непосредственно связан с рядовым составом участников. В каждом крыле находилось по два “захула”. Один располагался впереди фланга, а второй замыкал линию облавы. Интересно, что слово “захул”, подчеркивает С. Г. Жамбалова, выступает здесь в значении “распорядитель, устроитель, часовой, офицер”. Окончание этого слова — “ул” — указывает на его военное значение²⁵. По всей видимости, слово “захул” первоначально имело смысл “устройство, усмотрение, распоряжение” в охотничьей практике, а затем трансформировалось в значение военного термина в связи с изменением его функций (военная деятельность).

Следующий уровень внутренней структуры облавы — “гар баряша”. Термин “гар” переводится с монгольского языка как “рука, крыло”. Как известно, у кочевых народов (монголов, ойратов) понятие “гар” входит в терминологию военного дела. Например, “зюн гар” — левое крыло, “барунгар” — правое

²² Жамбалова С. Г. Указ. соч. С. 91.

²³ Там же. С. 92.

²⁴ Хангалов М. Н. Собр. соч. Улан-Удэ, 1958. Т. 1. С. 69.

²⁵ Жамбалова С. Г. Указ. соч.. С. 95—96.

крыло; “он гар” — правый фланг, “сол гар” — левый фланг войска — в тюркских языках²⁶. Следует полагать, что данное деление на крылья по своему происхождению было связано с облавой, а в последующем перешло в разряд основных военно-организационных частей кочевого войска.

Во главе всей организационной пирамиды облавной охоты стоял руководитель — “тобша, галша”. Слово “тоб (туб)” означает “центр, центральный” и содержит в себе характеристику этого действующего лица как центрального, находящегося в центре облавы²⁷. Задачей центра на охоте было заключить, замкнуть, “поставить точку” в кольце облавы. “Тобша” тем самым выполнял роль координатора, регулятора “механизма” облавы, отдавая непосредственные приказы и распоряжения нижестоящим. “Галша” — хранитель священного огня — располагался позади линии облавной охоты. Его значение в обществе неизменно усиливалось, так как он совмещал в себе сразу три функции — шамана, вождя, военачальника. М. Н. Хангалов писал, что “ему беспрекословно подчинялись все участники зэгэ-тэ аба. Когда облава кончалась, галша оставался управителем в обыденной жизни на летних стоянках”²⁸. “Галша” избирался на родовых собраниях, и в его назначении большую роль играли личные качества: ум, сила, выносливость, умение метко стрелять из лука и ориентироваться на местности. Власть таких выборных вождей распространялась в основном на период облавной охоты, но в некоторых экстремальных случаях и на более длительный срок. Б. Я. Владимирцов указывал, что у средневековых монголов хан также избирался только для ведения войн и организации облав, а власть его зависела от могущества и силы рода, который его выдвигал.

Облавные охоты имели важное значение в процессе появления кочевых объединений, может быть, как подчеркивал Б. Я. Вла-

²⁶ Жамбалова С. Г. Указ. соч. С. 94.

²⁷ Там же.

²⁸ Хангалов М. Н. Указ. соч. С. 15.

димирцов, даже большее, чем войны²⁹. В системе облавы место и функции участников охоты были связаны с положением и статусом того или иного рода, племени и конкретного человека. В структуре облавной охоты наиболее привилегированными считались позиции, расположенные в центре, на концах крыльев и в засаде. В облавной охоте могли участвовать только те члены общины, у которых был конь. Безлошадные бедняки не участвовали в облаве и выполняли вспомогательную, подсобную работу (ношение туш, разделка мяса). “Тот ээгэтэ — облавщик, который имел коня, имел право голоса в делах, принимал участие в облавах на зверей и различных военных действиях и получал свой пай (хуби) из общего раздела”³⁰. Несомненно, что сам ХКТ кочевников-скотоводов, обусловивший охоту, и структура вооруженных сил (конница) способствовали появлению и господству конного охотника и воина-всадника.

Право принятия участия в облавной охоте принадлежало главным образом мужчинам, достигшим соответствующего возраста. У кочевников полноправным охотником становились с 12—14 лет, т. е. именно с такого периода в жизни молодого человека, когда он вступал на военное поприще. Особое внимание придавалось подготовке охотничьей лошади. Существовал специальный принцип их отбора. Лошадь должна быть сильной, чтобы участвовать в гоне зверей, у нее должен быть мягкий и широкий шаг, так называемая “переступь”³¹. На крупные облавы брали 2—3 лошадей.

На охоте существовали строгая дисциплина и порядок. Об этом говорят прежде всего данные по бурятской охоте: “Тех, кто опаздывал, привязывали за секретные органы тела к поводу узды и водили вокруг толпы”³². В памятнике монгольского права XVII в. — “Великое уложение” (“ИХ ЦААЗ”) — имеется ряд статей, касающихся нарушения порядка облавной

²⁹ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 79, 82.

³⁰ Хангалов М. Н. Указ. соч. С. 180—181.

³¹ Жамбалова С. Г. Указ. соч. С. 64.

³² Там же. С. 102.

охоты. Так, за неумышленное (случайное) убийство человека во время охоты провинившийся платил половину штрафа за убийство человека, а при нарушении строя облавы виновный должен был отдать пять лошадей³³. По Яссе Чингиз-хана “охотников, упустивших зверей в облаве, подвергали наказанию палками, иногда и смертной казни”³⁴. Такие жесткие правила дисциплины и порядка облавы заставляют думать, что эти провинности и нарушения приравнивались к воинским преступлениям в период военных действий.

Сравнивая полученные сведения по организации облавных охот кочевников Центральной Азии с материалами по охоте других народов, в частности индейцев Северной Америки, мы пришли к выводу, что они идентичны. Вычленив сходные черты, легко обнаружить, что принципы функционирования коллективных охот “наших” номадов и индейских кочевых племен одинаковы. Так, индейская летняя охота на бизонов носит тот же общеплеменной характер. Структура индейской облавы аналогична вышеприведенным данным: выделяются специальные руководители 2 крыльев — “акацнты”, “блюстителю порядка”, следопыты бизоновых стад и т. п. В индейской облаве действовали такие же жесткие правила и порядок, как у кочевников Центральной Азии³⁵. Данные по способам проведения современных групповых охот показывают, что организационные принципы облавных охот остались без изменений³⁶. Такое сходство облавных охот у разных народов и их “долготельство” позволяют полагать, что облава была универ-

³³ ИХ ЦААЗ (“Великое уложение”): Памятник монгольского феодального права XVII в. М., 1981. С. 21, 27.

³⁴ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Алма-Ата, 1992. С. 94.

³⁵ Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970. С. 29—31, 35—37.

³⁶ Охота на копытных (биологические основы промысла). М., 1976. С. 46—47, 148—149; Марков Б. И. Охота на рысь, кабана, лося, косуль // Русская охота с гончими. М., 1992. С. 236—237.

сальным видом охоты, которая была широко распространенным явлением.

Практически все исследователи, касавшиеся в той или иной степени вопросов, связанных с охотой, постоянно указывали на большую роль облавной охоты в военном деле кочевников³⁷. Общим для всех этих работ является, на наш взгляд, то, что в проведении регулярных облавных охот кочевниками они усматривали прежде всего военные маневры (подготовка к боевым действиям, отработка тактических приемов и т. п.). С этим необходимо полностью согласиться.

Если сопоставить организацию и формы функционирования института облавной охоты с военной системой кочевых объединений древности и средневековья, то просматриваются такие параллели, которые наталкивают нас на мысль о их близком, "родственном" происхождении. Стержневым сопоставительным элементом здесь является триальная организация (правое, левое крыло и центр). Ее традиционное (постоянное) присутствие почти во всех крупных кочевых военно-политических образованиях Евразии не вызывает сомнения. Триальная структура деления войска и народа впервые встречаются у хунну³⁸, зафиксирована у сяньби³⁹, древних тюрков⁴⁰, средневековых монголов⁴¹, в Средней Азии и

³⁷ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 33, 82; Кун В. Н. Указ. соч. С. 19—29; Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 69—70, 139, 257—262; Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989. С. 255; Плетьева С. А. Половцы. М., 1990. С. 137; Гордеев А. А. История казаков. М., 1991. Ч. 1. С. 38—39, 75; Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун. 1127—1142. М., 1986. С. 28; Егоров В. А. Золотая Орда: Мифы и реальность. М., 1990. С. 36—37; и др.

³⁸ Материалы по истории сюнну. М., 1968. Вып. 1. С. 11—12.

³⁹ Материалы по истории кочевых народов группы дунху. М., 1984. С. 36, 311.

⁴⁰ Кюнер Н. В. Указ. соч. С. 192; Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII вв. М.; Л., 1946. С. 101.

⁴¹ Сокровенное сказание. Улан-Удэ, 1990. С. 111—115.

Казахстане⁴², джунгар⁴³, киргизов⁴⁴ и многих других. Некоторые исследователи даже считают, что и казахские жузы возникли на триальной основе⁴⁵.

Появление трехчленной военной организации ряд специалистов объясняют постоянными вооруженными конфликтами, которые постепенно "...приводили к накоплению опыта в военном построении"⁴⁶. Н. Н. Крадин предполагает, что это "...связано с усилением власти верховного вождя, с его стремлением сформировать собственную властную структуру, могущую конкурировать с традиционными органами и с аристократией"⁴⁷. На наш взгляд, более ясно и обоснованно по этому вопросу высказался В. Н. Кун: "Порядок этот исстари применялся и выработан был облавной охотой"⁴⁸. Думается, именно здесь можно найти истоки происхождения данного явления.

Непременным атрибутом триальной военной организации кочевых народов была десятичная система деления войска (10, 100, 1000, 10 000). Этот военно-иерархический принцип был характерен для многих кочевников: хунну⁴⁹, жуужаней⁵⁰, древ-

⁴² МИКХ. С. 73, 76, 88, 104, 142, 146, 153—154, 156—157, 161, 166, 165, 175; Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния. М., 1992. С. 40—41, 151—157.

⁴³ Моисеев В. А. О военном деле и войнах Джунгарского ханства // Из истории международных отношений в центральной Азии. Алма-Ата, 1990. С. 77.

⁴⁴ Абрамзон С. М. Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса "Манас") // Труды Ин-та языка, лит-ры и истории. Фрунзе, 1945. Вып. 1. С. 169.

⁴⁵ Зуев Ю. А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С. 65—78.

⁴⁶ Стратанович Г. Г. Военная организация триадного типа и ее судьба // Проблемы алтаистики и монголоведения. Элиста, 1974. С. 230.

⁴⁷ Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992. С. 139.

⁴⁸ Кун В. Н. Указ. соч. С. 29.

⁴⁹ Таскин В. С. Материалы по истории сюнну: по китайским источникам. Вып. 1. М., 1968. С. 40.

⁵⁰ Материалы по истории кочевых народов группы дунху. С. 269.

них тюрок⁵¹, уйгур⁵², енисейских кыргызов⁵³, киданей⁵⁴, монголов⁵⁵, узбеков XVI в.⁵⁶, джунгар⁵⁷, киргизов⁵⁸, казахов XIX—XX вв.⁵⁹ Как указывает Н. Н. Крадин, из 307 первобытных народов 146 использовали десятичную систему счета и соответственно здесь также можно говорить об универсальном явлении⁶⁰.

По поводу возникновения десятичной системы высказывались различные мнения. Б. Я. Владимирцов предполагал, что это связано с разделением племен на более мелкие роды, кланы и айлы, которые должны были выставлять в то же время десятки, сотни, тысячи и т. д. воинов⁶¹. Другие исследователи связывают ее происхождение с объединением племен и родов на военной основе, когда такая армейская структура, как десятичная система, организовывала и упорядочивала эту массу людей⁶².

Если обратиться к материалам бурятской облавы, то можно заметить, что отряды облавщиков, помимо вышеуказанных

⁵¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 232, 235, 250.

⁵² Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 33, 41.

⁵³ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980.

⁵⁴ Он же. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. С. 92.

⁵⁵ Сокровенное сказание. С. 100—101, 111—115; Путешествие в восточные страны... С. 43—44 и др.

⁵⁶ Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Записки бухарского гостя. М., 1976. С. 90 (далее: Рузбихан).

⁵⁷ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII—XVIII вв.). Алма-Ата, 1991. С. 34.

⁵⁸ Абрамзон С. М. Указ. соч. С. 169.

⁵⁹ Бекмаханов Е. Казахстан в 20—40-е годы XIX века. Алма-Ата, 1992. С. 186, 194; Нуркамысов А. Административное и военное управление в стане Амангельды Иманова // Светлый образ батыра. Алма-Ата, 1986. С. 132.

⁶⁰ Крадин Н. Н. Указ. соч. С. 140.

⁶¹ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 104.

⁶² Крадин Н. Н. Указ. соч. С. 140—141.

крупных единиц, делятся на более мелкие группы по 20, 50 человек⁶³. Такое мелкогрупповое дробление было связано с системой организации облавы, так как охотники должны были равномерно охватить территориальное пространство охоты, предельно соблюдая определенную дистанцию между собой. Вместе с тем это деление также было обусловлено механизмом управления и общей координацией действий в средних и высших звеньях охоты. В источниках имеются косвенные сведения о присутствии десятичной структуры в облавной охоте. Так, М. Н. Хангалов указывает, что у бурят на охоте "от каждых десяти выходит один конный"⁶⁴. Интересно отметить, что и современные облавные охоты в большинстве случаев проходят в количестве 10 человек⁶⁵. Возможно, это связано с реминисценциями о бывших облавных охотах.

Таким образом, можно выделить следующие сходные признаки облавной охоты и военно-организационной структуры кочевников: 1) участие больших масс людей; 2) триальная организация (правое, левое крыло и центр); 3) иерархический принцип деления; 4) наличие руководителей. Именно сочетание кочевничества и охоты стимулировало создание традиционной военной организации номадов.

1.2. Специфика военного искусства кочевников

Материалы по военной истории и военному делу кочевников предоставляют возможность выявить истоки возникновения принципов военного искусства номадов древности и средневековья. Именно в эту эпоху военное дело кочевников динамично развивалось по восходящей линии и перешло за рамки их исконного места обитания, стало непосредственно знакомо соседним оседло-земледельческим регионам, явилось оригинальным вкладом во всемирную историю военного искусства. Изу-

⁶³ Жамбалова С. Г. Указ. соч. С. 97.

⁶⁴ Хангалов М. Н. Указ. соч. С. 100.

⁶⁵ Охота на копытных. С. 46—47.

чение формирования и становления военного искусства кочевников Евразии позволяет понять причины их грандиозных военных успехов. Кроме того, исследование возникновения военной тактики кочевников имеет значительный познавательный интерес, так как в обобщающих трудах по военному делу народов мира проблемы военного искусства кочевников не были достаточно отражены.

Специальные работы по охотничьему спорту в армии подчеркивают, что “некоторые зверовые охоты — на барса, медведя, волка, на рысь — как бы содержат в себе элементы боевых действий”, тем самым “охотник — это готовый опытный разведчик, меткий стрелок, выносливый и способный в любых условиях переносить трудности походной жизни”⁶⁶. Более того, существует даже мнение, “что охота — сестра войны”⁶⁷. Как видно, между охотой и войной поставлен знак равенства. Попытаемся рассмотреть этот вопрос более подробно.

В экологической литературе появление массовой общественной охоты объясняется рядом факторов: борьба человека с окружающей суровой природой (фауной), увеличение численности первобытных общин, наблюдение за стайной охотой хищников⁶⁸. Думается, наиболее важным в отношении рассматриваемой нами темы является последний фактор. По всей видимости, основное детерминирующее значение в развитии приемов и методов коллективной охоты людей имели практический опыт и наблюдения за охотой млекопитающих животных, в частности волков. Заимствование и широкое использование экологического опыта, накопленного представителями животного мира, очень активно проходило на ранних этапах формирования и возникновения хозяйственно-культурных типов. Так, достоверно известно, что кочевой ритм кочевников аналогичен характеру

⁶⁶ Еременко А. И. Охота — школа воинской закалки // Охотничий спорт в Советской Армии. М., 1960. С. 7.

⁶⁷ Рахилин В. К. Общество и живая природа. М., 1989. С. 56.

⁶⁸ Там же. С. 10.

миграций диких парнокопытных животных аридной зоны Евразии (сайран, джейран, кулан — дикая лошадь)⁶⁹.

Зоологи выделяют разнообразные виды стайной охоты волков. Обычно волчья стая, выходя на охоту, как правило, делится на две группы: загонщиков и ловцов. Волки-загонщики окружают и гонят стадо зверей (олени, лоси, косули и т. п.) в определенном направлении. Другая группа — ловцы — в это время незаметно и быстро переходит на этот участок территории и караулит дичь. При приближении гонимого стада волки-ловцы из засады неожиданно и молниеносно нападают на животных⁷⁰. Другой известный волчий прием — охват, или “атака веером”. В данном случае волки, двигаясь цепью, стараются интенсивно гнать стадо, постепенно уничтожая отставших обессиленных животных⁷¹. Среди волков довольно распространены являются тактика скрадывания, загон, пастьба, заманивание, эстафетная передача жертвы и т. д. Охотничьи приемы волков разнообразны и зависят от видовой специфики животных, характера местности и сезонно-временных особенностей. Естественно, встает вопрос: почему именно волков и их охотничью практику мы избрали в качестве предмета сравнения с охотничьим промыслом человека? Ведь существуют и другие виды охоты у хищников (тигров, львов, шакалов и т. п.). Объектом нашего внимания волчья охота стала не случайно. Как показывают зоологические наблюдения, именно волчьи стаи при добывании пищи действуют сообща, проявляя при этом координацию и слаженность действий, четкое внутригрупповое деление, которое имеет аналогичные принципы организации проведения облавных охот у людей, в частности кочевников Евразии. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что ночная казахская барымта напоминает волчью охоту с разделе-

⁶⁹ Масанов Н. Э. Указ. соч. С. 35.

⁷⁰ Охота на копытных. С. 77; Бибииков Д. И. Волки (взгляд эколога) // Охотничьи просторы: Альманах. Вып. 48. М., 1991. С. 73; Моуэт Ф. Не кричи, волки. М., 1992. С. 102.

⁷¹ Бибииков Д. И. Указ. соч. С. 75, 77; Моуэт Ф. Указ. соч. С. 109—110.

нием на загонщиков и засаду⁷². По данным дореволюционного исследователя Ю. Шмидта, казахи-барымтачи “подъезжают незаметно к намеченному для угона табуну, несколько всадников спешиваются и ползком, крадучись, обходят табун сзади, пуливые животные становятся ночью впечатлительными к малейшему шороху, табун устремляется в сторону конных барантачей, последние тычат коней батиками и союлами, производят еще больший переполох, и кони со всех ног бросаются вперед, а конные барантачи направляют их к намеченному заранее месту”⁷³. Не случайно в идеологии и духовной культуре кочевников наиболее глубоко запечатлен образ хищника-волка⁷⁴.

Таким образом, волчьи стаи показывают высокоорганизованную структурированную охоту, которая, возможно, послужила моделью поведения человека на охоте.

Историки XIX в., изучавшие полководческую деятельность Чингиз-хана и завоевательные походы монгольских войск, обратили особое внимание на значение охоты в военном искусстве кочевников⁷⁵.

Доктор Э. Хара-Даван, пытаясь разобраться в причинах грандиозных военных успехов монголов XIII—XIV вв., отмечал,

⁷² Ермоленко Л. И. О роли образа волка у древних тюрков // Маргулановские чтения. М., 1992. Ч. 1. С. 186.

⁷³ Шмидт Ю. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области // Записки Западносибирского отделения императорского Русского географического общества. Омск, 1894. Кн. 18. Вып. 2. С. 116—117.

⁷⁴ Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 66; Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 229; Бернштам А. Н. Указ. соч. С. 83—84; Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 26; История Казахстана. Алматы, 1996. Т. 1. С. 426; Плетнева С. А. Указ. соч. С. 102; Манас. Киргизский героический эпос. Алма-Ата, 1975. С. 235, 246, 375; Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992. С. 206—208; и др.

⁷⁵ Д’Оссон К. От Чингис-хана до Тамерлана. Алматы, 1995. С. 143; Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875. С. 17—18.

что “монгол, воспитавший свою воинственность на звериной охоте, и на войну смотрит отчасти как на охоту”, “с малых лет занимаясь охотой на зверя с луком и борзыми и на птиц с соколами, он развил в себе страсть к ней, приучил себя к преодолению препятствий и достижению цели путем выдержки и знания природы”, так что “из монгола-охотника только и мог создаться монгол-завоеватель”⁷⁶. Есть все основания считать, что это именно так. Для того чтобы составить наглядное представление о взаимообусловленной связи охоты и войны у кочевников, следует обратиться к историко-этнографическим материалам, характеризующим “технологию” функционирования облавной охоты.

Как следует из достоверных сведений, время проведения облавы обсуждалось на специальных общественных сходах за полмесяца или месяц до начала охоты и назначалось, например, у бурят на пятнадцатый день “первой зимней луны”⁷⁷. Активными участниками охоты являлись следопыты (газарчи), выполнявшие функцию разведки. Они, как правило, прекрасно знали территорию, где должна была проходить облава. В их задачу входило найти место для охоты (обнаружить местопребывание зверей) и охотничьих стоянок. Способы, методы, приемы облавы зависели во многом от местности, и поэтому особо важное значение для плана и структуры будущей охоты имело предварительное знакомство с ландшафтом. Газарчи — знатоки местности — были незаменимыми специалистами, рекомендациями которых пользовались руководители охоты. Фактически ни одна крупная облава не могла пройти благополучно без их деятельного участия.

Как только разведка обнаруживала стада животных, отдавался приказ по родам о сборе отрядов охотников. Каждая группа облавщиков, прибыв на сборную точку, отдельно разжигала свой родовой огонь, а “шаманы совершали моления и гадания. Молились “заянам” — духам-покровителям — о даровании обиль-

⁷⁶ Хара-Даван Э. Указ. соч. С. 108—109, 154, 32.

⁷⁷ Хангалов М. Н. Указ. соч. С. 16.

ной дичи, хорошей погоде и благополучном окончании; руководители договаривались о расположении, движении, сближении крыльев и быстроте движения”⁷⁸.

Облава начиналась рано утром и шла целый день до вечера. По специальному сигналу главного начальника охоты на первом этапе крылья (правое и левое) растягивались в противоположные стороны в разреженный круг, полукруг (полумесяц) или цепь и занимали “боевые” исходные позиции. На втором этапе крылья охватывали местность и, постепенно сближаясь, замыкали кольцо облавы. Это был самый ответственный этап облавной охоты, от которого зависел успех всей операции. Командиры крыльев должны были стараться одновременно двигаться, придерживаясь определенной скорости и темпа движения, следить за порядком внутри своих отрядов. Общая координация и слаженность действий возлагались на главного руководителя облавы. Его распоряжения и приказы беспрекословно выполнялись. Нарушение порядка облавы и несоблюдение дисциплины жестко карались охотничьими правилами (вплоть до исключения из состава охотничьего сообщества). На последнем этапе круг плотно суживался, приближаясь к центру, где и происходило массовое истребление животных⁷⁹.

В средневековую эпоху в облавных охотах участвовал большой контингент воинов-охотников, который охватывал значительные пространства. По продолжительности охоты варьировались от месяца до полугода и устраивались обычно в осенне-зимний сезон. В таких облавах воины не имели права использовать против животных холодное оружие. Считалось позором пропустить зверя через цепь облавы. “Охотники должны были внимательно сохранять свои ряды и не выпускать добычи, малейшая небрежность влекла наказание палками”⁸⁰. На облавных охотах было категорически запрещено разговаривать, и охотники могли объясняться только условными знаками. У каждой группы был

⁷⁸ Кун В. Н. Указ. соч. С. 21.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Д’Оссон К. Указ. соч. С. 193.

свой пароль (чаще всего крик птицы). Причем название пароля зависело от видовой специфики объекта охоты. Иногда, как на боевом марше, "приходилось совершать трудные переправы через реки, не нарушая непрерывности цепи". Через некоторое время "бессчетное" количество различных видов животных оказывалось внутри гигантского круга. Охотникам "приходилось нести настоящую сторожевую службу: зажигать костры, выставять часовых. Давался даже "пропуск"⁸¹.

После замыкания круга только хану предоставлялась возможность метания первой стрелы. Затем в охоту вступали его приближенные — сыновья, нойоны, темники, тысячники и т. п. После них все остальные рядовые воины могли продолжить истребление животных. Это было традиционное правило, которое строго соблюдалось. У кочевых народов Центральной Азии этот древний обычай носил ритуальный характер.

Методы проведения облавных охот позволяют, на наш взгляд, провести прямую параллель с тактическими принципами кочевого военного искусства. Военно-тактическая структура кочевников состояла из трех главных боевых частей: центр, правое и левое крыло. Подобно тому как в центре линии охоты находился главный распорядитель облавы, в военно-организационном построении здесь располагалась ставка хана, выполнявшая функцию управления и командования войсками. Командиры крыльев подчинялись непосредственно главнокомандующему. Правое и левое крыло — ударные боевые единицы, которые несли всю основную тяжесть боя. Очень важная роль отводилась в походном движении авангарду — передовому отряду. В его задачу входили обнаружение противника и наблюдение за ним, обследование местности, нахождение удобных стоянок и воды для главного войска — функций, сходные с функциями разведки на облавной охоте. В сражении авангард, как правило, первый начинал бой с противником. В тылу боевого строя кочевников находился специальный отряд (засада, резерв) действовавший в самый решитель-

⁸¹ Хара-Даван Э. Указ. соч. С. 113—114.

тельный и ответственный момент. Эволюция военного искусства кочевников привела к усовершенствованию и усложнению тактической структуры. Наивысшего этапа военно-тактическое построение кочевников достигло в войсках Тимура. Впереди и по сторонам авангарда и крыльев появляются дополнительные войсковые соединения — фланговые охранения. Боевой строй доходит в глубину до трех и более линий⁸². Тактическое войсковое деление кочевников практически полностью отражает структуру организации облавной охоты.

Ценные сведения о тактике ведения боя древними и средневековыми кочевниками Центральной Азии оставили китайские письменные источники: «Искусно заманивают неприятеля, чтоб охватить его; почему, завидев неприятеля, устремляются за корыстью подобно стае птиц»⁸³, — пишет о хунну летописец. Как видно, в ходе боя хунну старались вывести противника на открытое место и охватить его фланги с целью окружения. Естественно, для такого способа сражения были необходимы оперативный простор и тактический маневр. Здесь уместно напомнить, что главной причиной поражения армии Мамай в Куликовской битве 1380 г. было грамотное боевое построение русских войск, фланги которых прикрывали естественные преграды (болотисто-речная местность, лес) и соответственно «нехватка» открытого и широкого пространства для боевых операций золотоордынской конницы.

Излюбленными приемами у хунну (и не только у них, а фактически у всех кочевников) было притворное бегство. «При превосходных силах неприятеля они притворяются побежденными и, отступая, заманивают преследующее их войско неприятеля»⁸⁴ под удар заранее подготовленной засады, которая неожиданно атаковала его с двух сторон, так что противник оказывался под двойным или тройным ударом. Засады-ловушки устраивались

⁸² Уложение Тимура // Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния. М., 1992. С. 151—157.

⁸³ Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 50.

⁸⁴ Там же. С. 51.

после предварительного ознакомления с местностью будущего сражения и с учетом всех особенностей ландшафта. Для засады, как правило, выбирались естественно-природные укрытия (лес, холм, горы и т. д.). Такие формы и методы ведения военных действий говорят о том, что кочевники в своей боевой практике активно применяли прежде всего приемы, отработанные на облавной охоте.

По мнению одного из авторитетных специалистов по военной истории кочевников Центральной Азии Ю. С. Худякова, кидани в войнах с Китаем, используя преимущество своей конницы в мобильности, вели наступление по нескольким направлениям, рассекая оборону и глубоко проникая в тыл противника. "Моделью такого наступления являлись облавные охоты"⁸⁵. То же самое было присуще и монгольской военной стратегии⁸⁶.

В военной тактике монгольских армий XIII—XIV вв. наиболее эффективно использовались методы облавной охоты. При покорении Дешт-и Кыпчака, преследуя предводителя повстанцев Башмана, "Менгу-каан с левого крыла шел облавой по берегу моря (Каспийского)", "он же (сам) с братом Бучеком шли облавой по обоим берегам реки"⁸⁷.

Преемник монгольского военного искусства Эмир Тимур во время пятого похода в Могулистан (1388—1389 гг.) отправил отборное войско на розыски противника. Войско, подойдя к Иртышу, разделилось на два крыла, двигавшихся параллельно по обоим берегам реки. В этой военной кампании на курултае "вышел приказ, чтобы... войска поотрядно отправились различными дорогами и, охватив все местности... и степи той страны, являющейся местом кочевий народа Джете, не оставили бы и следа от

---

⁸⁵ Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников... С. 94; см. также: Е Лун-ли. История государства Киданей. М., 1979. С. 48, 62, 75, 122, 125—126.

⁸⁶ Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников... С. 158.

⁸⁷ Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 24, 35—36.

того, что где-либо обнаружат". Всего было задействовано 5 отрядов общей численностью 120 тыс. человек⁸⁸. Такую тактику войск Тимура вполне можно назвать широкомасштабной "облавной охотой" на людей противника. Не случайно средневековый автор Насир-Хусрау подчеркивал: "Всякого чужеземца, которого видят, они (т. е. кочевники. — А. К.) называют дичью"⁸⁹.

Сигизмунд Герберштейн в начале XVI в. писал о татарах: "Когда им приходится сражаться на открытых пространствах и они имеют врагов на расстоянии полета копья, то вступают в бой не стройными рядами, а изгибают войско в виде круга и разъезжают в таком направлении, желая открыть себе более надежный и свободный путь стрелять во врага. При их наступлении и отступлении наблюдается до известной степени удивительный порядок. Правда, для этого они имеют опытных в их делах вожатых, за которыми следуют; но если эти вожаки или падут от удара вражеских копий, или случайно, под давлением страха, ошибутся в соблюдении своих распоряжений, то всем войском овладевает такое сильное замешательство, что они не могут более ни вернуться к порядку, ни метать копий против врага. Этот способ боя, по сходству предметов, они называют пляскою"⁹⁰. Как видим, боевое построение в виде круга — обычный военный прием кочевников, который был перенесен из организации облавы. В процессе непрерывной военной деятельности способы и приемы тактики совершенствовались и развивались в зависимости от конкретной боевой ситуации, цели и задач войны, но неизменными оставались принципы, на которых базировалось военное искусство кочевников. Так, Джон Кэстли,

⁸⁸ Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1. С. 138—140; Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков. Алма-Ата, 1977. С. 77.

⁸⁹ Росляков А. А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI—XV веках // Учен. зап. Туркмен. гос. ун-та им. А. М. Горького. Ашхабад, 1962. Вып. 21. С. 207.

⁹⁰ Герберштейн С. Записки о Московитских делах. Спб., 1908. С. 142—143.

находясь в Младшем жузе с посольской миссией, отмечал, что казахи на войне стремятся окружить врага, по необходимости спешиваются и “ползут” к нему, как при ловле животных⁹¹. Можно говорить о том, что основу военной тактики кочевников составляли методы облавной охоты.

Специфика военного искусства номадов — “военно-охотничья тактика” — нашла отражение в Монгольской Яссе Чингиз-хана: “Старшие беки, которые будут начальствовать, и все воины должны, подобно тому, как, занимаясь охотой, отличать имена свои, означать имя и славу свою, когда занимаются войной...” Другая статья настоятельно подчеркивает, что “мужчинам разрешается заниматься войной и охотой”. Важное внимание Ясса уделяла сохранению высокого уровня боевой готовности войск. “Чтобы поддерживать боевую подготовку армии, каждую зиму надлежит устраивать большую охоту. По этой причине воспрещается кому бы то ни было убивать от марта до октября оленей, козлов, коз, зайцев, диких ослов и некоторые виды птиц”⁹². Характерно в этом плане высказывание киданьского императора Тайцзуна: “Мои облавные охоты — не забава, а обучение военному делу”⁹³. Здесь достаточно четко сформирована мысль: облавные охоты — это подготовка войск к военным действиям. Сходные сведения сообщают и арабские источники. У Ал-Фахри тюркская “охота — серьезное занятие объемлет много значительных выгод, высшая из которых упражнение ратников в скачке, в нападениях, в

⁹¹ Матвиевский П. Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // История СССР. 1958. № 4. С. 143.

⁹² Хара-Даван Э. Указ. соч. С. 92, 187, 172—173.

⁹³ Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей (по сведениям из “Ляо ши”) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 101; см. также: Юнусов А. С. Военное дело тюрков (по арабским источникам) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 99—100, 102.

набегам, в искусстве приучиться к верховой езде, метать дротики, бить саблей и булавой. Другая выгода охоты заключается в испытании коней”⁹⁴.

Как можно легко заметить, облавные охоты выполняли полифункциональную роль в военном деле кочевников. На охоте полководцы отрабатывали и выполняли основные боевые операции кочевой конницы: атаки с флангов, тыла, обходной маневр, обманные движения, прорыв боевого строя противника, активное беспокойство его на марше и отдыхе, на переправах через реки, днем и ночью, большие длительные марш-броски, разведка, заманивание в засаду, активное стратегическое и тактическое преследование и т. п. Охота способствовала тренировке в стрельбе из лука, выработке умения владеть различными видами холодного оружия, выучке лошадей движению в строю, повышению мастерства воинов-всадников. Военная молодежь отбывала на облавной охоте своего рода воинскую повинность. Здесь же происходило обучение военному делу молодых воинов, которые узнавали секреты воинского мастерства в условиях, максимально приближенных к боевой обстановке.

Войска кочевников в период дальних походов, особенно если маршрут проходил по степной и пустынной зоне, в обязательном порядке проводили облавы, и не только в целях военных маневров, но и для пополнения продовольственных запасов. Об этом неоднократно говорят источники: “Тоорил-хан, двигаясь с войском, попутно совершал облавы”, воины Чингиз-хана после понесенного поражения от Ван-хана и Джамухи “по дороге продовольствовались облавой”, во время похода монголов на найманов “облавы шли вокруг Тулкин-геуд”⁹⁵. Тимур, совершая длительный

⁹⁴ Гусейнов Р. А. Сельджукская военная организация // Палестинский сборник. М., 1967. 17(80). С. 146—147; см. также: Мандельштам А. М. Характеристика тюрок IX в. в “Послании Фатху ибн Хакану” ал-Джахиза // Труды ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т. 1. С. 232; Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939. Т. 1. С. 150.

⁹⁵ Сокровенное сказание. С. 42, 73, 84 и др.

рейд против Тохтамыша в мае 1391 г., приказал “эмирам правого и левого крыла выставить войска цепью. Они окружили эту необъятную равнину и согнали неисчислимое количество дичи, которую они в течение двух дней убивали... и армия некоторое время кормилась мясом... а войска набрались свежих сил”⁹⁶.

Такие военные облавы имели строго продуманные организацию и порядок движения войска на место охоты-маневров, а также поведение во время охоты и при возвращении обратно. Массовые охоты служили поднятию и поддержанию боевого духа воинов. Зрелищность, стремительность, драматичность, сила, ловкость, богатая и престижная добыча — все это создавало атмосферу праздника и высшего удовольствия. С другой стороны, такая охота была ритуально-магическим воспроизведением предстоящей битвы: воины-охотники преследуют бегущего зверя (врага), окружают и поражают будущего противника и тем самым одерживают над ними полную победу⁹⁷.

“Военно-охотничье мировоззрение” тюрко-монгольских кочевников опосредованно выражено через образы и характерные качества хищных зверей и птиц. Древнетюркский рунический памятник в честь героя Кюльтегина гласит следующее: “(12). Так как небо даровало (им) силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам”. Другая надпись сообщает: “Когда было сраженье, он (т. е. каган. — А. К.) предводительствовал (направлял) войсками, когда была охота (на

⁹⁶ Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Алма-Ата; М., 1935. Сб. 1. С. 78.

⁹⁷ Симаков Г. Н. Охота с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана (по собраниям МАЭ) // Памятники традиционной-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Л., 1989. Т. 43. С. 35; Он же. Соколиная охота и военное дело у кочевников Средней Азии и Казахстана // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1995. Вып. 5—6. С. 64—72.

⁹⁸ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 37; Он же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 28.

зверей), он был... как...(?)”⁹⁸. Хотя последние слова остались неизвестными (из-за дефектов), но мысль писавшего для нас понятна. Автор, по-видимому, сравнивает полководца-кагана с хищным зверем (птицей), который идет на добычу. Возможно, поэтому вожди тюрков говорили омейядскому наместнику Хорасана Насру ибн Сейиару: “Великому и достойному полководцу нужно обладать десятью свойствами из свойств зверей — мужеством петуха, склонностью к спору курицы, сердцем льва, натиском дикого кабана, лукавством лисы, терпением пса, высотой полета сокола, чуткостью журавля, алчностью волка, жиром нугайра, а это животное в Хорасане, которое жиреет, несмотря на трудности и бедствия”⁹⁹. Е. В. Бертельс доказал, что этот список животных восходит к достоверным традициям. Варьируется следующий список животных: лев, кабан, волк, медведь, як, лиса, сойка, ворон, верблюд, сова, тигр¹⁰⁰.

Таким образом, собранная информация убедительно доказывает, что в становлении и эволюции военного искусства (стратегия и тактика) кочевников Евразии ведущее значение имели способы, приемы и методы облавной охоты.

Регулярное проведение облавных охот и появление на этой базе особого военно-охотничьего института внутри кочевого общества способствовали созданию военных объединений уже на основе триальной военной организации и десятичной системы деления войска, которые в то же время, возможно, обусловили появление достаточно крупных военно-потестарных структур. Генезис военного дела кочевников находился под постоянным воздействием кочевого ХКТ и был порожден совместным сосуществованием кочевого образа жизни и звероловной (облавной) охоты.

⁹⁹ Бертельс Е. А. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов // Советское востоковедение. 1947. Вып. 4. С. 73. Аналогичные сведения сообщают и другие источники, см.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 292—293; Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание). М., 1973. С. 196.

¹⁰⁰ Бертельс Е. А. Указ. соч. С. 74—75.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОМПЛЕКСА ВООРУЖЕНИЯ КАЗАХОВ

2.1. Оружие дальней дистанции (лук и стрелы)

Развитие военного дела кочевников Евразии было теснейшим образом связано с системой вооружения и его эволюцией. Появление кочевников на мировой арене в начале I тыс. до н. э. показало соседним оседло-земледельческим народам и государствам, что кочевники являлись для них не только носителями совершенно другой культуры, но и прежде всего серьезными соперниками в военном деле.

Еще задолго до появления скифов, сарматов и других кочевых народов I тыс. до н. э. археологи отметили в степях Евразии (XV—XI вв. до н. э.) увеличение в захоронениях предметов оружия: бронзовых наконечников стрел, копий, ножей, кинжалов. Это объясняется ростом межплеменных стычек и войн, которые привели к динамичному росту производства вооружения¹.

---

¹ Акишев К. А. Древние кочевники и мировая цивилизация: генезис, проблемы, перспективы // Вестник АН КазССР. 1991. № 10. С. 6.

Оружиеведческий аспект подразумевает характеристику и классификацию комплекса вооружения (средства нападения и защиты, формы, классы, группы, типы и т. д.), а также проецирование этой суммы данных на другие стороны военного дела — военное искусство и военную организацию. Данная работа не претендует на всестороннее и полное освещение всего спектра вопросов казахского оружиеведения². Думается, такой труд — дело будущего. Задача этой главы — на основе письменных свидетельств, этнографических данных, музейных экспонатов, археологических и изобразительных источников воссоздать основной боевой арсенал казахских воинов, дать его общую характеристику, попытаться найти сходные черты с предметами вооружения предшествующих кочевых объединений, показать некоторые способы применения отдельных видов оружия.

В структуре вооружения казахов XVII—XVIII вв. ведущее положение занимали лук и стрелы — ручное метательное оружие дистанционного боя. В персo-тюркоязычных письменных источниках XV—XVII вв. по истории кочевников Средней Азии и Казахстана неоднократно упоминаются лук и стрелы, отряды стрелков-лучников³. В устнопоэтическом фольклоре казахов непреременный атрибут вооружения воина-батыра — лук и стрелы⁴. В одном из документов Русского государства конца XVII в. оружие казахов охарактеризовано следующим образом: “А бой де у них лушной и копейный, а пушек де нет и мелкого, а длинного огненного де ружья и

² Имеется в виду исследование развития конструкции оружия, технологии изготовления, типологический анализ. Для такой работы требуется сбор всех сохранившихся материальных артефактов археологических памятников, музейных и частных экспонатов. Автор считает, что для такого исследования необходимы группа исследователей (археологов, этнографов, историков), значительные средства и время.

³ Фатх-наме; Шараф-Наме-йи шахи // МИКХ. С. 74, 76, 88, 261, 291; Фазлаллах ибн Рузбихан Исфгани. Записки бухарского гостя. М., 1976. С. 123, 125, 127, 128 (далее: Рузбихан).

⁴ Поэты пяти веков: Казахская поэзия XV — начала XX в. / Пер. с каз. Алма-Ата, 1993. С. 28, 29, 35, 37, 48, 50, 51, 98, 103, 105; и др.

порох и свинец и луки привозят из Большой Бухарии..."⁵. Как видно, в первую очередь выделены луки и копья, что подтверждается и другими источниками⁶. С. Герберштейн писал в начале XVI в. о ногайцах — ближайших соседях казахов: "Оружие их — лук и стрелы, сабля у них редка"⁷. Его дополняет А. Дженкинсон, лично проезжавший ногайские степи в 1558—1560 гг: "Татары никогда не выезжают без лука, стрел и меча, будь то на соколиную охоту или для какого-нибудь увеселения; они очень хорошие стрелки, как будучи на коне, так и пешие"⁸. Приведенные данные, на наш взгляд, можно распространить и на казахов. Вплоть до конца XVIII — начала XIX в. лук и стрелы имели первостепенное значение в боевых средствах казахов⁹.

Судя по сохранившимся вещественно-изобразительным источникам мемориально-культовых памятников Мангышлака и Устюрта, казахские луки (садак) по своей конструкции относились к классу сложносоставных¹⁰. О их конкретных размерах пока в точности ничего сказать невозможно. Основываясь на рисунках англичанина Дж. Кэстли, можно отметить, что неко-

⁵ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932. Ч. 1. С. 265.

⁶ Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Алма-Ата; М., 1935. Сб. 1. С. 152; Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках: (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1964. С. 153; Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб., 1832. Ч. 3. С. 34, 45, 47; и др.

⁷ Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908. С. 142.

⁸ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937. С. 178.

⁹ Ефремов Ф. Десятилетнее странствование. М., 1952. С. 30; Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. // Вестник РГО. 1851. Ч. 1. С. 7.

¹⁰ Аджиалиев С. И. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана. Алматы, 1994. Рис. 25 (4), 30 (2, 4), 34 (8); см. также: Самашев З. Монументальное искусство казахов Северо-Восточного Прикаспия // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы, 1993. Рис. 1, 3.

торые образцы казахского лука достигали довольно больших размеров¹¹ — предположительно 120—130 сантиметров. О правомерности такого суждения говорит прежде всего то, что изображения лука и фитильного ружья на рисунках автора приблизительно одинаковы. Известно, что казахские ружья были длиной до 150 и более сантиметров.

С эпохи мезолита и до начала массового применения огнестрельного оружия лук и стрелы были важнейшим оружием дистанционного боя. Историю сложносоставного лука следует, по всей видимости, начинать с находок А. П. Окладникова в Прибайкалье. Обнаруженные остатки лука (длинные костяные пластины 30—60 сантиметров) относятся к серовскому времени III тыс. до н. э. Этот древнейший лук имел симметричную форму и был снабжен с внутренней стороны стержнем-основой, на которую накладывались эти пластины. Длина лука колеблется в пределах 100—150 сантиметров¹². Возможно, что родиной сложносоставного лука были пограничные районы Южной Сибири и Центральной Азии.

Археологические материалы показывают, что население срубной культуры Поволжья II тыс. до н. э. наряду с простым использовало и сложный лук. Как известно, “срубники” — это предшественники скифов (саков) и сарматов, и есть все основания считать, что именно от них представители нарождающейся кочевой культуры могли позаимствовать некоторые варианты сложносоставного лука. Об этом свидетельствует, прежде всего, сходство форм наконечников и древков стрел “срубников” и скифов-кочевников¹³.

Одной из тенденций эволюции сложносоставного лука является усовершенствование конструкции и уменьшение его раз-

---

¹¹ Есмагамбетов К. А. Что писали о нас на Западе. Алма-Ата, 1992 (иллюстрации).

¹² Окладников А. П. К вопросу о происхождении и месте лука в истории культуры // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. М., 1940. V. С. 106—112.

¹³ Шишина Н. И. О сложном луке срубной культуры // Проблемы археологии Евразии. М., 1990. С. 23—37.

меров. Так, уже в середине I тыс. до н. э. появляется М-образный лук скифского типа, который быстро распространяется на широких просторах евразийских степей, в том числе и на территории древнего Казахстана. Размеры скифских луков достигали 60—70 сантиметров, хотя не исключено, что его параметры могли быть и больше¹⁴. Как доказывают специальные исследования, длина лука была связана с его мощностью (упругостью) и структурой материала (например, лук малой длины укреплялся в местах соединения роговыми накладками, что делало его тугим и соответственно увеличивало метательную силу), а также с условиями использования. Так, "...народы, обычно применявшие лук и стрелы для стрельбы с коня, имели, как правило, более короткие сложные луки, чем народы, пользовавшиеся луком в пешем строю", так как "длинный лук был большой помехой для эффективной стрельбы с коня, затруднял бы управление конем и быстрый переход к применению холодного оружия"¹⁵.

Наряду со "скифским луком" на востоке Евразии в конце I тыс. до н. э. возникает лук хуннского типа. Именно в хуннской кочевой среде была изобретена форма лука с тремя зонами жесткости и двумя зонами упругости, которая впоследствии определила дальнейшее развитие в кочевом мире ручного метательного оружия. На основе хуннского лука в I—II тыс. н. э. появляются его различные виды (древнетюркский, уйгурский, кимакский, монгольский)¹⁶, использовавшиеся в Центральной

¹⁴ Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М., 1964. С. 14; Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981. С. 21.

¹⁵ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. М., 1966. С. 15.

¹⁶ Савинов Д. Т. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1987. С. 161—162; Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в хуннскую эпоху // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Казахстана и Средней Азии. М., 1990. Вып. 2. С. 103; и др.

Азии и на сопредельных территориях (Южная Сибирь, Восточный Туркестан, Казахстан). Причем происходит его дальнейшая эволюция — появление усовершенствованных образцов, модификация и дифференциация. На данный момент оружиеведы выделяют среди хунну — 4 типа, древних тюрков — 7, енисейских кыргызов — 4, кимаков — 4, монголов — 4¹⁷. По мере увеличения археологических находок данная типология будет постоянно меняться. Интересное замечание по вопросам типологизации луков было сделано М. В. Гореликом, который считает, что так называемая “этническая типология” отражает особую взаимосвязь какой-либо конструкции с определенным этносом, но такая классификация является весьма условной¹⁸.

У евразийских кочевников оружие дистанционного боя достигает высшего этапа своего развития. Возможно, причину данного феномена следует объяснить тем, что в структуре кочевого ХКТ очень большую роль играла охота. Главным охотничьим оружием кочевников были лук и стрелы. В процессе охотничьей практики форма и конструкция лука закономерно подвергаются постоянным изменениям и дополнениям. В то же время лук и стрелы — основное оружие кочевника в бою. Перманентно приобретающийся военный опыт способствовал неуклонному изменению ручных метательных средств. Рост военных столкновений с оседло-земледельческим миром и знакомство с их военным делом, в частности с диверсифицированной оборонительной системой (латы, кольчуги, панцири, щиты и пр.), непосредственно обуславливали усовершенствование боевых возможностей кочевнических луков. Здесь следует также отметить, что именно в военно-технической области быстро и заметно шел и идет процесс инноваций, заимствований и взаи-

¹⁷ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980. С. 69—73; Он же. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1991. С. 26, 141, 181—187; Он же. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. С. 99—104.

¹⁸ Горелик М. В. Оружие Древнего Востока, IV тыс. — IV в. до н. э. М., 1993. С. 66.

мовляний. Казахские луки генетически восходят к многочисленным вариантам сложного лука, бытовавших среди тюрко-монгольских племен и народов средневековья.

В героическом эпосе встречаются названия сосновых — “карагай садак”, “кожаных” — “булгарды садак”, обтянутых кожей¹⁹ и изготовленных из талового дерева луков²⁰. Казахский лук состоял из нескольких основных деталей: середина лука — рукоять, упругие (рефлексирующие) части между рукоятью и концами — плечи лука и два конца. Можно предполагать, что составные части лука склеивались клеем, а чаще всего обматывались кожаными ремешками, возможно, укреплялись костяными или роговыми накладками. Размеры лука, по всей видимости, варьировались в пределах 70—120 сантиметров. Казахи использовали различные типы сложных луков, которые имели разное происхождение. Как показывают источники, казахи-кочевники часто приобретали луки у соседних народов: “бухарцев” (жителей Средней Азии), башкир, монголов и др.²¹

Казахи “из кишок делают тетиву для лука...”²², — сообщает Рузбихан. В качестве тетивы (адырна) употреблялись также тонко сплетенные конские волосы, шелк. В нерабочем положении лука кочевники оставляли тетиву свободной, ненатянутой, так как от чрезмерной и долгой натяжки тетива могла прийти в негодность. На эффективность работы лука сильное влияние оказывали климатические условия. Например, от дождя тетива

¹⁹ Кайдаров А. Т. Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском героическом эпосе и их этнолингвистическое объяснение // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1973. № 6. С. 27.

²⁰ Поэты пяти веков. С. 29.

²¹ Левшин А. И. Указ. соч. Ч. 3. С. 50; Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 37; Андреев И. Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков, с касающимися до сего народа, також и прилегающих к Российской границе, по части Кольванской и Тобольской губерний, крепостей, дополнениями. СПб., 1796. С. 78; и др.

²² Рузбихан. С. 103.

сырела и ослабевала, а в случае сильного мороза она могла лопнуть при натягивании. С целью предохранения от поврежденный луки хранились в специальных кожаных налучьях.

Довольно хорошо представлены стрелы (ок, жебе). В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Санкт-Петербург) хранится их большая коллекция (33 экз.). Казахские стрелы состоят из 4 основных деталей: наконечник, древко, оперенье и пятки, с помощью которой стрела крепится на тетиве лука. Наконечники по материалу изготовления подразделяются на железные и роговые. Железные наконечники сделаны по методуковки и делятся на три группы: бесчеренковые, треугольные черенковые (ушкырылы), четырехугольные черенковые (торт кырылы)²³. Ч. Ч. Валиханов, хорошо знакомый с казахским вооружением, выделяет среди наконечников “двухгранный для охоты или четырехгранный сауыт бузар для пробития панциря, или кузу джаурын в роде лопатки ягненка, чтобы сбивать с седла”²⁴. “Сауыт бузар” представлял собой ромбовидный наконечник, относящийся к классу бронебойных стрел. “Кузу жаурун” были разновидностью ромбовидных наконечников, по форме напоминающих маленькую лопатку более плоской формы и укороченных в отличие от “сауыт бузар”. В эпосе “Кобланды-батыр” встречается изречение: “Козы жаурын жебені”, что буквально означает “стрела, основание которой с лопатку ягненка”²⁵. Тяжелые бронебойные стрелы были достаточно известны у кочевых народов средневековья и нового времени. П. С. Паллас, проезжая земли волжских калмыков, в XVIII в. писал, что они использовали наряду с легкими (простыми) стрелами “большие военные стрелы с большим остроконечным копейцом”²⁶.

²³ Курылев В. П. Оружие казахов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана: Сб. МАЭ. Л., 1978. С. 16.

²⁴ Валиханов Ч. Ч. Указ. соч. С. 37.

²⁵ Кобланды-батыр: Казахский героический эпос. М., 1975. С. 69, 227; А. Т. Кайдарову на основе материалов эпоса удалось выявить 9 типов стрел. См.: Кайдаров А. Т. Указ. соч. С. 27.

²⁶ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Спб., 1809. Ч. 1. С. 477.

Высота наконечника колеблется в пределах от 9,2 до 3,5 сантиметра, а ширина основания от — 2 до 1,5 сантиметра. Некоторые наконечники стрел закреплялись на древке своеобразным способом: “его вставляли в разрез (глубина — 1,5 сантиметра), сделанный в верхнем конце древка, и для большей прочности обматывали это место тонкими нитками, изготовленными, как правило, из сухожилий»²⁷. В большинстве случаев наконечник, имевший втулку, надевался просто на древко стрелы.

Средняя длина казахских стрел, хранящихся в Санкт-Петербургском музее, — 60—77 сантиметров. Подавляющая часть экземпляров превышает 70 сантиметров. В. П. Курылев считает, что размеры лука соответствуют длине стрел²⁸. Такая длина стрел характерна и, по-видимому, традиционна для евразийских кочевников²⁹.

Все древки стрел, представленных в музее, сделаны из дерева. По способу обработки древки делятся на две группы: выточенные из дерева и выструганные из веток. “Из березового дерева [казахи], — подчеркивает Рузбихан, — весьма искусно делали очень прочные и крепкие стрелы...”³⁰. Для заготовки древков использовались ветки тополя, ивы, камыш. В. П. Курылев указывает, что “все стрелы с металлическими черенковыми наконечниками имеют внизу на древке (в месте оперения) украшение в виде красных полос, нанесенных спиралью и заканчивающихся широкой черной полосой, после которой древко до пятаки уже сплошь выкрашено красной краской. Это, очевидно, очень древняя традиция...”³¹. В казахском эпосе неоднократно говорится о раскрашенных стрелах — “сур жебе”, “кок жебе”, “сары жебе” и т. д. На наш взгляд, такая традиция связана не

²⁷ Курылев В. П. Указ. соч. С. 16.

²⁸ Там же. С. 19.

²⁹ Мелюкова А. И. Указ. соч. С. 14; Черненко Е. В. Скифские лучники. С. 21.

³⁰ Рузбихан. С. 28; см. также: Валиханов Ч. Ч. Указ. соч. С. 37.

³¹ Курылев В. П. Указ. соч. С. 19.

столько с украшением стрел, сколько с практической необходимостью. Особые красные, синие, желтые и тому подобные полосы, наносимые на древки стрел, были связаны с тем, что по этим условным обозначениям воин-лучник по мере необходимости вынимал нужную стрелу из колчана. На эту мысль нас наводит одно интересное выражение из казахской устнопоэтической прозы:

“Я был стрелою красной, стрелой, разящего врага”³².

Не исключено в то же время, что это были метки, символизировавшие собственность хозяина стрелы. “Странно, что по окончанию охоты каждый может узнать свои стрелы”³³, — удивленно констатирует Н. Витсен в сочинении “Северная и Восточная Тартария”.

Для устойчивости в полете стрелы снабжались птичьими перьями. Ч. Ч. Валиханов писал, что для этого употреблялись “перья снежного грифа, похожие на овечью шерсть, перья стервятника, похожие на шерсть жеребенка-стригунка”³⁴. В эпосе герой Едиге описан “...натягивающим двенадцати хвостую стрелу”, “с вороньими перьями, с наконечником, подобным бараньей лопатке...”³⁵. Птичьи оперения стрел были характерны для центральноазиатских кочевников, в частности, монголов, применявших для этого перья орла, коршуна, гуся³⁶. Причем “все такие стрелы опушивают они (т. е. калмыки. — А. К.) орлиными перьями, которые берут только из хвоста, — особо подчеркивает П. С. Паллас, — ибо перья из крыльев к тому неспособны, по той причине, что опушенные ими стрелы косо лета-

³² Поэты пяти веков. С. 15.

³³ Хамарханов А. З. О культуре и быте монгольских народов в труде Н. Витсена “Северная и Восточная Тартария” // Культурно-бытовая традиция бурят и монголов. Улан-Удэ, 1988. С. 150.

³⁴ Валиханов Ч. Ч. Указ. соч. С. 37.

³⁵ Ер Едиге. Алматы, 1995. С. 113, 119.

³⁶ Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (“Золотое сказание”). М., 1973. С. 269; Немеров В. Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII—XIV вв. // Сов. археология. 1987. № 2. С. 219.

ют"³⁷. Пятки (или, вернее, гнезда) казахских стрел делались непосредственно на древке в виде выемки или же специально изготавливались из рога.

Стрелы вкладывались в кожаные колчаны (корамсак, кылан), прикреплявшиеся к боевому поясу металлическим крючком. Внутри колчана для разных групп стрел имелись специальные перегородки. Казахские стрелы лежали острием наконечника вниз. Лук обычно находился в колчане вместе со стрелами и носился с левой стороны, но иногда располагался отдельно на правой.

Лук и стрелы для казахов-кочевников были особым, священным оружием. Существуют достоверные сведения об использовании стрел в ритуально-магических церемониях в качестве гадальных предметов³⁸. О бережном отношении к луку свидетельствуют рисунки Дж. Кэстля. На изображениях внутреннего убранства юрты лук, колчан со стрелами наряду с другим оружием (сабля, ружье) подвешены к верхней части стенок (кереге).

Как мы говорили выше, к числу закономерных явлений в военно-технической сфере относятся процессы заимствования, взаимовлияния, применение опыта и отдельных достижений соседей в военном деле. Так, известно, что высококачественные калмыцкие стрелы пользовались большим спросом у казахов в XVII—XVIII вв.³⁹ В качестве дополнения хотелось бы отметить, что джунгары в период своего могущества заставляли подчиненные народы Южной Сибири вносить в "счет ясака двадцать стрел и пять орлиных крыльев на их опушку", причем эту своеобраз-

³⁷ Паллас П. С. Указ. соч. С. 477. В то же время интересно, что у казахов орлиные перья "не уважались". См.: Валиханов Ч. Ч. Указ. соч. С. 37. Следует полагать, что формы оперения, возможно, могут быть этномаркирующим признаком.

³⁸ Кайдалов Е. Караван-записки во время похода в Бухарию российского каравана. М., 1827. Ч. 2. С. 74—76.

³⁹ Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII —XIX в.). Элиста, 1992. С. 21.

ную военную дань должен был нести каждый житель⁴⁰. Постепенно с развитием военной техники, появлением огнестрельного оружия лук как важнейшее средство боя переходит на второстепенное положение. Уже в середине XIX в. лук и стрелы в Казахстане становятся редкостью и почти не упоминаются⁴¹.

Об искусстве владения казахами оружием дистанционного боя в источниках встречаются различные суждения. И. Г. Георги пишет, что "из луков стреляют они (т. е. казахи. — А. К.) очень худо"⁴². Совершенно противоположное мнение высказал такой знаток казахской истории и этнографии своего времени, как А. И. Левшин⁴³. На наш взгляд, точка зрения А. И. Левшина более верно отражает реальную действительность, так как лук являлся одним из массовых видов оружия казахов. Для того чтобы добиться быстрой, точной стрельбы, большой дальности полета стрелы, необходимы длительное обучение и специальная подготовка. Тюркомонгольские кочевники с раннего детства (в основном с 7—9 лет) упражнялись в стрельбе и достигали высокого мастерства. Не случайно средневековый автор подчеркивал, что "тюркок стреляет по диким животным, птицам, мишеням, людям...Он стреляет, гоня во весь опор взад и перед, вправо и влево, вверх и вниз. Он выпускает десять стрел, прежде чем [араб]-хариджит положит одну стрелу на тетиву"⁴⁴. Такую характеристику кочевников можно неоднократно встретить в письменных источниках.

⁴⁰ Гейнс А. К. Киргиз-кайсаки // Собрания литературных трудов. Спб., 1897. Т. 1. Прим. 1. С. 30.

⁴¹ Адлер А. К. Лук и стрелы Северной Азии // Русский антропологический журнал. 1903. № 3—4. С. 188, 192; Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865. С. 250; Красовский М. Область сибирских киргизов. Спб., 1868. Ч. 3. С. 37.

⁴² Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Спб., 1799. Ч. 2. С. 122.

⁴³ Левшин А. И. Указ. соч. Ч. 3. С. 34; см. также: Гейнс А. К. Указ. соч. С. 73.

⁴⁴ Мандельштам А. М. Характеристика тюркок IX в. в "Послании Фатху ибн Хакану" ал-Джахиза // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т. 1. С. 230.

Американский исследователь Е. С. Морз выделил в конце XIX в. пять способов натягивания лука: "первобытный" (простой); второй; третий; "средиземноморский"; "монгольский". Последний более характерен для азиатских народов — персов, японцев, китайцев, маньчжур, монголов, тюрок (в том числе и казахов). "При этом способе тетива натягивается большим пальцем, а указательный палец только помогает первому, нажимая на него сверху. Большой палец при этом просовывается концом между указательным и средним, как в известном сложении пальцев — для отвращения дурного глаза, а стрела держится в глубине вырезки между большим и указательным пальцами. Такое держание стрелы содействует ее отклонению влево, поэтому при монгольском способе стрелы помещаются вправо от лука"⁴⁵. Для предохранения большого пальца от повреждений на него надевалось кольцо из рога, кости или камня. "Повсюду [Мухамед Шайбани-хан] с царским луком в руке появляется, крепко натянув тетиву кольцом, надетым на большой палец"⁴⁶. Как явствует из текста кольцо было необходимо не только для безопасной стрельбы, но и для более эффективного (удобного) натягивания тетивы. Скорее всего, кольцо было дополнительной деталью высококачественных "царских" луков и пользовались им только знатные воины (ханы, батыры).

При стрельбе лук в основном держался в вертикальном положении в левой руке. Правой рукой лучник доставал стрелу из колчана и натягивал тетиву. Особо важное значение придавалось наклону лука. Если задачей лучника была метнуть стрелу на большое расстояние, то лук держался в высокоподнятом положении. Одним из решающих факторов, обуславливавших успешное применение лука, были погодные условия. Во время метания стрелы лучники старались встать в такую позицию, чтобы полету стрелы сопутствовало движение ветра. Это было одним из решающих моментов точной и правильной стрельбы. Успешное попадание и

⁴⁵ Анучин Д. Н. Лук и стрелы. М., 1887. С. 35.

⁴⁶ Фатх-наме // МИКХ. С. 74.

дальность полета стрелы зависели также и от других условий: силы лука (гибкость, упругость), способа надевания тетивы на кибиты лука, качества тетивы, стрелы, позы стрелка (положение корпуса, ног и головы), положение рук на кибити (хват) и тетиве (захват), наконец, опыта и мастерства самого воина-лучника.

Стрельба из лука требует от всадника маневренности и подвижности. Верхом на лошади номады, как правило, сидели низко. Такая посадка позволяла воину легко поворачивать лук и способствовала более результативной стрельбе по противнику. Немаловажное значение для удобства стрельбы с коня имели стремена седла. Для казахской манеры посадки в седле были характерны короткие стремена. Чаще всего наездник-кочевник укорачивал одно стремя (левое или правое в зависимости от индивидуальных особенностей), что давало ему способность маневрировать при езде и тем самым облегчало стрельбу из лука. Секреты искусства стрельбы из лука передавались у кочевников от поколения к поколению. “Если, сильно натянув, резко спустишь тетиву, — говорит Шалкииз-жырау, — то согнется, сломается березовая стрела”⁴⁷. Приемы и способы стрельбы были самые различные, но, к сожалению, приходится признать, что древние методика и техника их безвозвратно утрачены.

Метание стрел производилось как одиночными, так и массовыми (организованными) залпами. “Воздух одело покрывало из орлиных перьев...”⁴⁸, — образно свидетельствует летописец. Другой очевидец сообщает:

“В аргамака попала стрела, прямо в пах,
И также в меня вошла стрела,
Застряв в позвоночнике, в костях”⁴⁹.

При удачном попадании стрелу очень трудно было вынуть из раны. Характерный пример — ранение в ногу знаменитого Тимура, от которого он на всю жизнь остался хромым.

⁴⁷ Магауин М. Кобыз и копье. Алма-Ата, 1970. С. 53.

⁴⁸ Фатх-наме // МИКХ. С. 88.

⁴⁹ Поэты пяти веков. С. 37.

В эпоху средневековья показателем качества стрельбы из лука, высшим мастерством было попадание в кольцо. Некоторые воины могли прострелить насквозь щит и кольчугу, а иногда и двойную броню. Мастера лучного боя пользовались уважением и почетом среди кочевников. Один из родоначальников казахских ханов — султан Ондан (отец известного Ораз-Мухаммеда) за свое искусство владения луком был прозван “Узын окты Ондан” — буквально Длиннострелый Ондан⁵⁰.

Лук и стрелы в системе вооружения казахов, как и других евразийских кочевников, имели приоритетное значение. Его более широкие боевые возможности по сравнению с другими видами оружия способствовали преобладанию у казахов принципов конно-лучного боя. Непосредственной задачей будущих изысканий и исследований должно стать выявление сохранившихся вещественных артефактов, что позволит повысить уровень классификации и типологизации оружия кочевников Евразии.

2.2. Предметы вооружения ближнего боя и огнестрельное оружие

Вторым после лука широко используемым боевым видом холодного оружия кочевников являлись копья и пики. Из фольклорных данных по вооружению воинов-батыров известны “толгамалы ак найза, емен сапты найза, алты кулаш ак найза”, всего 13 типов, а пик 5 типов⁵¹. Отсутствие вещественных источников не позволяют пока дать этому феномену (многообразию копий) какое-либо расширенное толкование. Не исключено, что их число было еще больше.

Для казахов характерны два типа копий: с длинным (ұзын сапты) и коротким (кыска сапты) древком⁵². По сведениям

⁵⁰ Валиханов Ч. Ч. Родословное древо казахских ханов и султанов // Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 177.

⁵¹ Кайдаров А. Т. Указ. соч. С. 26.

⁵² Жетібаев Ж. М. Манғыстау және Үстірт қазақтарының халық суреттеріндегі қару-жарақтар // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. 1993. № 5. С. 63.

Ч. Ч. Валиханова, казахские копыя первой половины XIX в. были средней длины от 150 до 195 сантиметров⁵³. Очень часто копыя не имели металлического наконечника. Конец древка просто заострялся и для твердости обугливался⁵⁴.

По форме наконечника казахские копыя можно подразделить на несколько групп: двугранные (екі кырлы), трехгранные (уш кырлы), четырехгранные (төрт кырлы)⁵⁵.

В Санкт-Петербургском музее находится один экземпляр казахского копия. Оно состоит из трех деталей: металлического четырехгранного наконечника грубойковки длиной 22,5 сантиметра, втулки диаметром 3,5 сантиметра и древка. Наконечник копия закреплен на древке гвоздем. В качестве украшения в месте соединения втулки и древка вставлен пучок конских волос длиной 24 сантиметра⁵⁶. Т. Атkinson, путешествовавший по землям Старшего жуза, видел несколько раз копыя "с пучком конских волос"⁵⁷. Иногда казахи использовали для этого кисти черного шелка. "Хвостатые копыя", по всей видимости, были символами власти.

Материалом для изготовления древка служило сосновое дерево⁵⁸. Некоторые образцы копий имели две кожаные ременные петли. Одна из них надевалась на руку, а другая крепилась к ноге у стремени. У известного сподвижника Кенесары — Агыбай-батыра любимым оружием была девятиузловая пика, украшенная кольцами, которая "висела у него на крепком кожаном ремне из кожи кулана"⁵⁹.

⁵³ Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз... С. 36.

⁵⁴ Андреев И. Г. Указ. соч. С. 63.

⁵⁵ Жетібаев Ж. М. Көрс. шығ. 63 б.

⁵⁶ Курылев В. П. Указ. соч. С. 15.

⁵⁷ Атkinson Т. Путешествие в казахские степи // Простор. 1972. № 3. С. 43, 46, 48.

⁵⁸ В эпосе "Кобланды-батыр" наряду с сосновым древком встречается и древко из дуба. См.: Кобланды-батыр. С. 36, 348.

⁵⁹ Бекмаханов Е. Казахстан в 20—40-е годы XIX века. Алма-Ата., 1992. С. 186.

В технике приемов обращения с копьем кочевники достигли высокого мастерства. Т. Аткинсон оставил интересное описание владения этим оружием сопровождавшего его казаха-проводника, бывшего участника восстания Кенесары. "Он пустил лошадь в галоп, одновременно быстро вращая копье над головой. Потом он опустил копье, укрепив его конец в стремя, и принял положение готовности к атаке. Издав боевой клич, он низко пригнулся к седлу и помчался вперед. Лошадь слушалась его великолепно: подняв ее на дыбы, он неожиданно повернулся и бросился на меня с копьем наперевес... Многие говорили мне, — продолжает автор, — что именно необычайная ловкость в обращении с копьем и боевым топором позволяла джигитам Кенесары столь успешно воевать с превосходящими силами противника. Имея хороших офицеров, киргизы могли бы составить лучшую кавалерию в мире. Им присущи все качества, прославившие в истории знаменитые полчища Чингис-хана"⁶⁰.

По расчетам дореволюционного военного специалиста М. Терентьева, длинное древковое оружие применяется в двух вариантах: при сомкнутой или рассыпной атаке и в одиночном бою. В первом случае копье крепко держится рукой. Сила удара зависит от скорости движения коня, соответственно главным здесь является мощь лошади. В одиночном бою всаднику приходится фехтовать копьем, т. е. показать свою ловкость и сноровку владения оружием и конем. Применение копья при массовой атаке показывает наибольшую эффективность при первом ударе, так как в процессе боя происходит смещение рядов противников и копье становится бесполезным оружием. Если при первом ударе враг не сокрушен, то отряд, вооруженный копьями, не может вести продолжительную схватку. Более рационально, считает автор, использовать копье в первом ряду атакующих, а во втором действовать саблями⁶¹. Выводы М. Терен-

⁶⁰ Аткинсон Т. Указ. соч. С. 43.

⁶¹ Терентьев М. Заметки о вооружении кавалерии // Военный сборник. 1860. № 2. С. 406—408.

твева, на наш взгляд, распространяются и на военное искусство кочевников.

Номады в большинстве случаев зажимали копье под мышкой, иногда приставляя конец древка к плечу, или держали обеими руками, при этом упирая конец древка в ладонь откинутой назад руки. Иногда практиковали такой прием, при котором конец древка упирался в луку седла или в углубление под лукой, куда вставлялись войлочные колпаки. В некоторых случаях для опоры древка использовали боковую часть ленчика седла и наносили удар силой скачущего коня. Для нанесения более мощного удара наездник привставал на стремянах⁶². Среди казахов были такие мастера копейного боя, которые могли действовать только одной рукой⁶³.

Значительное распространение в боевом арсенале казахских воинов получило ударное оружие. Боевые булавы и палицы относятся к числу древнейших видов холодного оружия. По предположению З. С. Самашева, "палицы-дубинки появляются в петроглифах Казахстана, по-видимому, примерно с середины II тыс. до н. э."⁶⁴. На данный момент известно множество типов древних булав: крестовидные с четырьмя выступами, шаровидные, овальные, яйцевидные, грушевидные и дисковидные⁶⁵. И тем не менее их типологизация до сих пор еще не закончена. В эпоху средневековья активно применялись булавы (с шарообразным навершием и без наверший)⁶⁶. Известное распространение они получили в системе монгольского во-

---

⁶² Симаков Г. Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX — начале XX в. Л., 1984. С. 53.

⁶³ Бекмаханов Е. Указ. соч. С. 213.

⁶⁴ Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992. С. 169.

⁶⁵ Федоров В. К. Ваджра Индры: проблемы идентификации (археологический аспект) // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа, 1994. С. 7—51.

⁶⁶ Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников... Рис. 68. С. 40—45.

оружия XIII—XIV вв. По описаниям С. В. Киселева и Н. Я. Мерперта, монгольские булавы сделаны из железа и имели в разрезе “форму неправильного круга, диаметром 11 сантиметров”⁶⁷. Монгольские воины пользовались булавами с длинной рукояткой и боевым навершием многолопастной конструкции, похожими на “шестопер”⁶⁸. Этот тип булав упоминается в персотюркских сочинениях XV—XVII вв.⁶⁹ Следует отметить, что понятия “булава” и “палица” в источниках четко разграничиваются: “От многих ударов, (наносимых) булавой и двуручной палицей, вдребезги разбивались головы героев”⁷⁰. Как видно, “двуручная палица” и “булава” несут различное значение. В казахском языке термин “булава” передается словом “курзі”, а “палица” переводится как “шокпар”. Интересно, что в работе русского дореволюционного исследователя П. фон Винклера “Оружие” также разграничивается и выделяется несколько типов ударного оружия — булава, шестопер, буздыхан, брус, пернач. По его мнению, термин “булава” восточного происхождения и появляется в актах не раньше XVI в.⁷¹

Казахские булавы представлены такими типами, как “отыз батпан курзі” (тяжелая булава), “алмас курзі” (“алмазная” булава); палицы — “агаш шокпар” (деревянная палица), “тас шокпар” (“каменная” палица)⁷², “кол шокпар тас жарган” (ручная палица, разбивающая камень)⁷³.

В МАЭ находится экземпляр палицы, изготовленный из дерева, общей длиной 135 сантиметров и диаметром рукояти

⁶⁷ Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965. С. 205.

⁶⁸ Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. Рис. 4, 1, 15, 16; 5, 3.

⁶⁹ Шараф-наме-йи шахи // МИКХ. С. 299.

⁷⁰ Фатх-наме // МИКХ. С. 76.

⁷¹ Винклер П. П. Оружие. М., 1992. С. 289.

⁷² Кайдаров А. Т. Указ. соч. С. 27.

⁷³ Курылев В. П. Указ. соч. С. 6.

3 сантиметра. Конец палицы имеет шаровидную форму окружностью 25 сантиметров с небольшим утолщением. У палицы на рукояти есть специальное отверстие для продевания ременной петли. Другой образец короче (длина 80 сантиметров) с утолщением диаметром 8—9 сантиметров и средним диаметром ручки 3 сантиметра⁷⁴. Казахи носили боевые булавы и палицы с помощью ремня, который забрасывался на локтевой сгиб руки. Перед боем воины зажимали палицу под коленом. Так, герой Кобланды, готовясь к бою с врагом, боевую палицу “под коленом зажал (у седла)”⁷⁵.

Совершенно неправомерно, на наш взгляд, мнение В. П. Курылева об использовании пастухами боевых палиц при охране стад⁷⁶. Для подобных целей казахи-кочевники употребляли такие особые виды оружия, как камча, курык, сойыл.

Применение нагайки (камшы) в качестве оружия довольно характерно для кочевников. А. П. Бородовский считает вполне обоснованным “рассмотрение плети в системе вооружения племен скифского времени как средства, иногда выполнявшего боевые функции в качестве специфического оригинального ударного оружия”⁷⁷.

Казахская камча состоит из трех основных деталей: рукоятки (сап), плетения (орім) и кожаной соединительной части (алакан). Рукоятка представляла собой длинную палку (40—35 сантиметров) круглой формы диаметром 1—2 сантиметра. Поверхность рукоятки была оплетена кожаными ремешками, с помощью которых соединительная часть (алакан) закреплялась на рукоятке. Для удобства держания конец камчи снабжался кожаной петлей, в которую просовывалась кисть руки⁷⁸. Толщина нагайки в обхвате

⁷⁴ Курылев В. П. Указ. соч. С. 6.

⁷⁵ Кобланды-батыр. С. 128.

⁷⁶ Курылев В. П. Указ. соч. С. 6.

⁷⁷ Бородовский А. П. Плети и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 38.

⁷⁸ Курылев В. П. Указ. соч. С. 8—10.

доходила до нескольких дюймов, и она была страшным оружием “в ловких и сильных руках киргиза”⁷⁹. Действительно, ударом нагайки-камчи конный воин мог оглушить и повалить из седла всадника, а также нанести смертельную рану на голове. Ловкость владения камчой позволяла выбить оружие из рук врага и тем самым нейтрализовать его на некоторое время.

Курык — длинный деревянный шест с прикрепленной на конце и в середине веревкой (арканом) в виде большой петли — был удобным боевым средством для стаскивания противника с седла. Эффективным ударным средством конного боя являлась длинная массивная дубина — сойыл. Курыки и сойылы казахи делали из березы. Данная группа оружия (камча, курык, сойыл) использовалась в большинстве случаев во внутренних междоусобных конфликтах, при барымте, в охране стад, на охоте. “Не мало ударов дубинками (сойыл) всегда попадет вору в случае, если его догонят... Часто на долю настигнутого преследователями вора достаются очень сильные удары, последствием коих бывают переломы рук, выбитые зубы и даже глаза, а иногда и пролом черепа, если с размаха сильный удар утолщенным концом палки придется по голове вора, который уже не в силах защищаться от массы преследователей и в особенности, если шапка или толстый платок уже не защищают головы его”⁸⁰, констатирует В. фон Герн. Часто это кончалось смертью барымтача.

В структуре вооружения казахов зафиксированы и кистени. Это оружие представляло собой короткую палку, с одного конца которой прикреплялись цепь или ремень с привешенной металлической тяжестью (шаром, гирей в виде звездочки), а с другой — петля для надевания его на руку. Кистень обычно носился сзади. О его боевых возможностях источники сообщают следующее: Бай-ходжа-бахадур, “взяв в руки кистень, ломавший гранит [и] повергавший человека, обратил лицо отваги в сторону

⁷⁹ Потто В. О степных походах // Военный сборник. 1873. № 4. С. 249; Мейер Л. Указ. соч. С. 250.

⁸⁰ Герн В. К. Характер и нравы казахов. Караганда, 1995. С. 20.

войска Са'ат-ходжи-оглана и ударом [этого] кистеня сшиб его с коня жизни и бросил во прах гибели”⁸¹. В конной схватке его эффективность возрастала. Особенностью применения кистеня был неожиданный удар из-за спины. Пораженным объектом в данном случае являлась голова.

Существенные позиции в боевых средствах казахов занимали топоры. У С. Б. Броневского, прекрасного знатока казахского кочевого быта, есть интересные сведения о боевых топорах⁸². На материале казахского героического эпоса выделены некоторые типы боевых топоров: “ак балта” (железный топор), “ай балта” (топор в виде луны), “ала балта” (вид бердыша), “кара балта” (простой топор), “тарак-балта” (топор с зубчатым лезвием) и др.; маленький топорик (чекан) — “келте шот” и его разновидности “айыр шот”, “балта шот” и др.⁸³ На погребально-культовых мемориальных сооружениях (кулыптасы, койтасы) видны отчетливые изображения секир — айбалта. Можно без труда заметить, что у них широкое лезвие и высокоподнятый обух⁸⁴. Боевые топоры с высоким обухом известны из комплекса вооружения древних тюрков, енисейских кыргызов I — начала II тыс. н. э.⁸⁵

Пять казахских боевых топоров собраны в фондах МАЭ. Казахский топор состоит из двух основных частей: металлической стальной лопасти с острым лезвием с одной стороны и обухом с другой, закрепленной на длинной деревянной рукоятке. Черенки топоров представляют собой деревянные палки эллипсо-

⁸¹ Та'рих-и Абу-л-Хаир-хани // МИКХ. С. 142.

⁸² Броневский С. Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. 1830. Ч. 42. № 121. С. 174—175; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках: (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961. С. 426; и др.

⁸³ Кайдаров А. Т. Указ. соч., С. 27; См. также: Поэты пяти веков. С. 38, 41, 51.

⁸⁴ Аджигалиев С. И. Указ. соч. Рис. 13 (11), 19 (4), 24 (4), 25 (4), 30 (4).

⁸⁵ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. С. 62—63; Он же. Вооружение средневековых кочевников... С. 157—158.

идной формы одинаковой длины. Один из топоров относится к чеканам. Это небольшой топорик с длинной рукояткой и острым округлым железным лезвием, который со стороны обуха имеет острый выступающий молот⁸⁶. Такой чекан, возможно, был знаком военачальника. Об этом косвенно говорят данные казахского фольклора⁸⁷.

Боевые топоры на концах рукояти снабжались кожаными ремнями. Они, видимо, прикреплялись к седлу лошади.

“Мы неслись, горяча своих сильных коней,
Топоры боевые из-под седел достав”⁸⁸, —

говорит казахский жырау.

В рукопашной схватке боевые топоры и чеканы были грозным оружием. Во время одной из стычек был смертельно ранен хан Младшего жуза Абулхаир⁸⁹. Удары топором наносились как по корпусу, так и по голове. Опытные воины с первого удара выводили противника из строя.

Известным холодным оружием рукопашного боя являлись сабли (кылыш) и мечи (семсер, алдаспан). В вооружении nomadов Евразии мечи известны с эпохи господства скифов и сарматов, хотя в погребениях они встречаются редко⁹⁰. Согласно последним подсчетам, они составляли около 20 процентов всех находок клинкового оружия скифов. Появление у скифов длинных мечей в качестве оружия тяжеловооруженного всадника, по мнению М. В. Горелика, связано с необходимостью ведения боя с противником, оснащенным панцирем, каковым в начале скифской истории были ассирийцы, мидяне, уарты и персы. С его точки зрения, приоритет использования длинных мечей принадлежит скифам, а не савроматам, как считалось ранее⁹¹.

⁸⁶ Курылев В. П. Указ. соч. С. 11.

⁸⁷ Поэты пяти веков. С. 38.

⁸⁸ Магауин М. Указ. соч. С. 53.

⁸⁹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 426.

⁹⁰ Мелюкова А. И. Указ. соч. С. 80; Черненко Е. В. Указ. соч. С. 3; Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 67—70.

⁹¹ Горелик М. В. Оружие Древнего Востока. С. 34.

Среди археологических памятников, оставленных кочевниками Центральной Азии I—II тыс. н. э., обнаружены две группы мечей: ромбические и линзовидные (по сечению клинка)⁹². Определенные радикальные изменения в системе вооружения кочевников произошли в связи с появлением такого эффективного рубяще-колющего оружия, как сабля. Некоторые исследователи связывают появление сабли с распространением жесткого седла, освоенного тюркскими племенами около VI в. н. э.⁹³ Несомненно, что это новшество сыграло большую роль в развитии военного дела. Как считает А. И. Кирпичников, “применение сабли требует устойчивости воина в седле и на стремянах и предоставляет ему большую маневренность в движениях, позволяющую дальше и вернее достигать противника. Скорость боя может быть весьма высокой, при этом целенаправленность ударов и поражающие качества оружия только повышаются. Этим объясняется неизменная связь сабли и конника, у которых она является значительно более выгодным и действенным оружием, чем у пехотинца”⁹⁴.

В казахском героическом эпосе представлены различные названия мечей: “ак семсер, кок семсер, алдаспан” и др. Особо подчеркивается их большой вес: “И тяжелый острый меч на бедре его висит”; “тяжкий меч в его руке”⁹⁵. Казахские семсеры, по-видимому, представляли собой прямые двухлезвийные клинки.

Наглядные изображения свидетельствуют, что казахам были известны разнообразные типы сабель: кривые, слабоизогнутые, с крутым изгибом на конце клинка⁹⁶. Почти все сабли снабжены

⁹² Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников... С. 100—101, 119, 153, 173, 191; Он же. Вооружение центральноазиатских кочевников... С. 39, 129—130.

⁹³ Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // Советская этнография. 1966. № 3. С. 78; и др.

⁹⁴ Кирпичников А. И. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 1. С. 62.

⁹⁵ Поэты пяти веков. С. 50.

⁹⁶ Аджигалиев С. И. Указ. соч. Рис. 13 (11); 19 (5, 7, 9); 24 (4); 30 (2, 4); 34 (8).

перекрестьем. Сабли показаны “в богато украшенных ножнах, подвешенных портупейными ремнями к боевым поясам”. Рукояти мечей и сабель знатных воинов украшались драгоценными камнями (жемчуг, золотая вязь). На одном кулыптасе некрополя Ушкан силуэт кривой сабли имеет короткую рукоять с инкрустированной обкладкой, прямое перекрестье с шаровидным утолщением на концах и ромбовидной накладной бляхой. Ножны украшены бляхами и двумя кольцами для портупейных ремней⁹⁷.

Письменные данные указывают на то, что сабли в своем большинстве завозились в казахскую степь⁹⁸. Высоко ценились сабли персидских и среднеазиатских оружейников. Среди них выделялись персидские “исфагани”, известные у казахов под названием “наркескен” (букв. “разрубающие верблюда”). Производство сабель у казахов не получило достаточно высокого развития, но, несомненно, среди кочевников имелись отдельные мастера-сабельщики, занимавшиеся их изготовлением. Ремесленно-металлургические центры, специализирующиеся на производстве оружия в Казахстане, располагались в присырдарьинском регионе, в частности в г. Туркестане⁹⁹, где местные кузнецы ковали обычные (простые) сабли. Дорогие клинки (хорасан, персидский булат) “в шагреновых и бархатных ножнах с богатой инкрустацией из драгоценных камней приобретались в Хиве, Бухаре, в Персии, в Китае и в Кашгарии”¹⁰⁰.

Ч. Ч. Валиханов сообщает, что казахи “делали длинные ножи, или лучше полусабли, прямые и называли их селебе или джекеауыз”¹⁰¹. Селебе — тип прямых сабель с чуть изогнутым концом, представляющий собой острое рубящее оружие длиной

⁹⁷ Самашев З. Монументальное искусство казахов... С. 66—67.

⁹⁸ Андреев И. Г. Указ. соч. С. 78; Левшин А. И. Указ. соч. С. 49—52; Мейер Л. Указ. соч. С. 250; и др.

⁹⁹ Парамонов И. А. О туземном оружии в Туркестанском крае // Русский Туркестан. М., 1872. Вып. 2. С. 217.

¹⁰⁰ Самашев З. Монументальное искусство казахов... С. 66—67.

¹⁰¹ Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз... С. 36.

до 1 метра и шириной лезвия до 5 сантиметров¹⁰². Сабли носились в деревянных ножнах (кын) и пристегивались кожаными ремнями к поясу.

Владельцами дорогих и высококачественных сабель, как правило, были представители верхних слоев кочевого общества казахов (ханы, султаны, бии, батыры). Сабли приравнялись к разряду почетных и высших воинских подарков. Так, в войске Кенесары самой ценной наградой для воинов являлась сабля¹⁰³. Примечательно, что сабли применялись в "лечебных целях" казахскими шаманами (баксы). Этнограф прошлого века И. И. Ибрагимов писал, что казахи "втыкают в землю саблю острием вверх в изголовье больной, предполагая, что злые духи, увидев обнаженную саблю, испугаются и оставят больную"¹⁰⁴.

Незаменимым оружием ближнего боя были ножи (бұйда пышақ, кездік) и кинжалы (сапы, қанжар). Ручки ножей выделялись из сайгачьего или козлиного рога. В зависимости от материала изготовления клинка и его размеров выделяли булатные (большие) и простые (малые) ножи. Боевые ножи и кинжалы клались в кожаные чехлы, которые крепились к поясу воина.

Таким образом, по степени применяемости боевых средств казахское вооружение ближнего боя можно представить в следующем порядке: 1) оружие средней дистанции (копья, пики), показывающие боевую функциональную эффективность в начальной фазе массового конного боя; 2) ударное оружие (булавы, палицы, кистени); 3) ударно-рубящее (топоры, чеканы, секиры); 4) рубяще-колющее (сабли, мечи) и колюще-режущее (ножи, кинжалы). Такие традиционные казахские виды оружия, как камча, сойыл, следует отнести, на наш взгляд, к отдельной группе оружия полифункционального назначения.

¹⁰² Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз... С. 395.

¹⁰³ Рязанов А. Ф. Восстание Кенесары Касымова (1837—1847). Алма-Ата, 1993. С. 28.

¹⁰⁴ Ибрагимов И. И. Этнографические очерки киргизского народа // Русский Туркестан. М., 1872. Вып. 2. С. 123.

На рубеже позднего и нового времени в военном деле казахов происходят определенные изменения.

Как известно, с XV—XVI вв. началось активное повсеместное распространение и использование огнестрельного оружия, что коренным образом изменило эволюцию всего военного дела во всемирно-историческом масштабе. Этот период характеризуется “общим кризисом номадизма” и “падением его влияния в военно-политической сфере”¹⁰⁵.

Первые сведения о существовании в Казахстане огнестрельного оружия, по-видимому, относятся ко второй половине XVI в. Хафиз-и Таныш пишет в “Шараф-наме-йи шахи”: “Они (т. е. степняки. — А. К.) прикрепили крепкими цепями, прочными канатами огромное число телег, которые еще раньше собрали из вилайетов Дашта (Дашт-и Кипчака), Туркестана, Сабрана, Ташкента, Андижана, Кагана, и установили их перед боевыми рядами. В них устроилось много стрелков из ружья (туфанг), бесчисленное множество стрелков из лука”¹⁰⁶.

Как нам представляется, были два канала поступления огнестрельного вооружения в Казахстан. Во-первых, насельники степи получали огнестрельное оружие через среднеазиатские ханства и Российское государство, путем военной помощи и развития торговли. Особенно активно и интенсивно это происходило во время обострения военно-политической ситуации в регионе. Так, казахский хан Таваккул, находясь в состоянии войны с бухарскими ханами, в 1594 г. просил у русского царя Федора Иоанновича “огненного боя”¹⁰⁷. Российский представитель в Казахстане Василий Кобяков сообщал в 1692 г.: “Ружья они, каракалпаки и Казачьей орды люди, покупают в Бухарах...”¹⁰⁸. Такой путь проникно-

¹⁰⁵ Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов. Алматы; М., 1995. С. 46.

¹⁰⁶ Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX. Ташкент, 1988. С. 226; см. также: Шараф-наме-йи шахи // МИКХ. С. 291, 303.

¹⁰⁷ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 3.

¹⁰⁸ Цит. по: Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966. С. 33.

вения оружия был весьма характерен для кочевников евразийского региона этого времени. Например, западные ойраты в первой половине XVII в. обменивали в сибирских городах промысловые шкуры на оружие¹⁰⁹. Калмыцкие тайши постоянно обращались к русской администрации с просьбами отпустить железо, свинец, порох¹¹⁰. Во-вторых, при ведении военных действий кочевники захватывали в качестве трофеев огнестрельное оружие и мастеров-оружейников. Наглядным примером может служить пленение шведского сержанта Рената джунгарами в 1716 г.

В письменных источниках XVIII—XIX вв. есть общие характеристики казахских ружей (мылтык). И. Г. Андреев, повествуя о казахах Среднего жуза, пишет: "Оружие имеют огнестрельное, по большей части турки длинная калмыцкая; а равно к оным покупают с позволения при портах и Российские, как простые, так и винтильные; замков у онных не имеют, а стреляют редко хорошо зверей, и птицы никакой, и имеют ружья довольно"¹¹¹. Другой информатор сообщает, что "оружие казахов — ружья мелкого калибра с фитилем и прицелом"¹¹². Наиболее распространенным видом огнестрельного оружия у казахов были фитильные ружья.

В МАЭ имеются два казахских ружья XIX в. Они состоят из нескольких основных частей: стального ствола, ударного механизма, деревянного ложа и приклада¹¹³. Из письменных описаний и изображений известно, что казахские ружья для удобства стрельбы снабжались специальными сошками, которые прикреплялись к верхнему концу ложа металлическим шарниром, позволявшим им легко складываться¹¹⁴. Сошки изготавливались из

¹⁰⁹ Мамырулы К. Қазақ халқының жоңғар басқыншыларына қарсы күресі. Алматы, 1994. 71 б.

¹¹⁰ Шовунов К. П. Указ. соч. С. 20.

¹¹¹ Андреев И. Г. Указ. соч. С. 78.

¹¹² Маданова М. Х. Казахстан — Франция. Малоизученные страницы истории общения народов в XIX веке. Алматы, 1993. С. 12.

¹¹³ Курылев В. П. Указ. соч. С. 21—22.

¹¹⁴ Аджигалиев С. И. Указ. соч. Рис. 19 (8), 25 (4).

различных материалов: дерева, железа, сайгачьих рогов. Ружья имели кожаный ремень для ношения за спиной, пристегнутый к началу и середине ложа крючьями. Длина стволов доходила до 140 сантиметров. Стальной круглый ствол клался поверх ложа и плотно прижимался в нескольких местах металлическими кольцами. Ударный механизм состоял из спускового крючка и курка, которые закреплялись на ложе с помощью винта.

В вооружении казахов-кочевников ружья не имели большого значения, и их количество было весьма ограниченным. Из героического эпоса казахов известны такие названия ружей, как “алты кырлы ак мылтык, ак берен мылтык, кара мылтык, кумісті мылтык, білтелі мылтык, орама мылтык” и т. д.¹¹⁵ Ч. Ч. Валиханов отметил некоторые виды казахских ружей: “коз кеч” (пробивающий глаз), “кулдур мамы” (даль бойней мамай). Он также указывал, что некоторые казахские султаны обладали тяжелыми и длинными среднеазиатскими ружьями-шамгалами, стрелявшими на 700 шагов¹¹⁶. Русский купец Е. Кайдалов дал им следующую характеристику: “Они очень длинны и самого большого калибра, так что стреляли из них картечами, на тройное против наших ружей расстояние. Звук их уподоблялся пушечному выстрелу”¹¹⁷.

Фитили казахских ружей изготавливались из таволожной коры и натирались порохом, который зажигался от высекаемого на него огня и подносился к скважине ружейного ствола¹¹⁸. Такая трудоемкая операция, естественно, занимала много времени, и стреляли из таких ружей только спешившись.

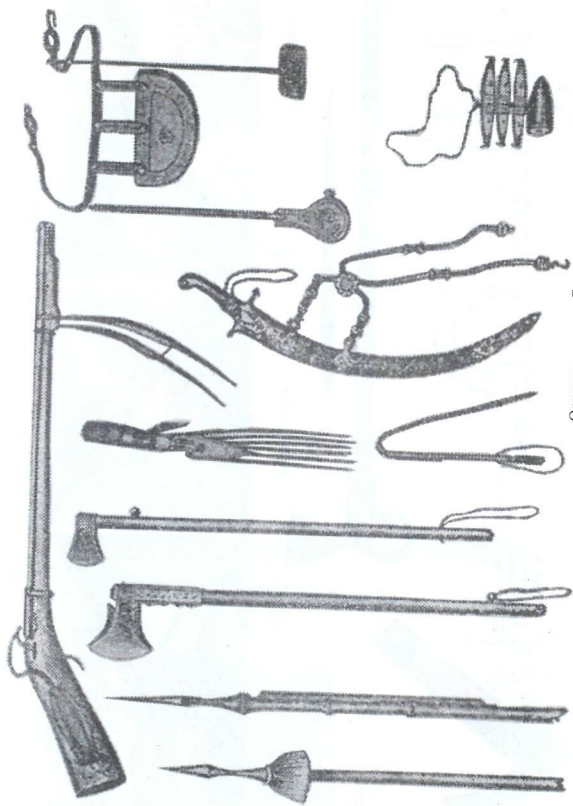
Ч. Ч. Валиханов в одной из своих работ приводит казахское историческое предание о поединке Елчибек-батыра и калмыка, вооруженного ружьем. У входа в ущелье сидел вражеский стрелок. Елчибек двигался к нему навстречу рысью, и “...калмык приложил фитиль — осечка и не успел приложить еще раз,

¹¹⁵ Кайдаров К. Т. Указ. соч. С. 27.

¹¹⁶ Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз... С. 38—39.

¹¹⁷ Кайдалов Е. Указ. соч. С. 32.

¹¹⁸ Левшин А. И. Указ. соч. С. 49.

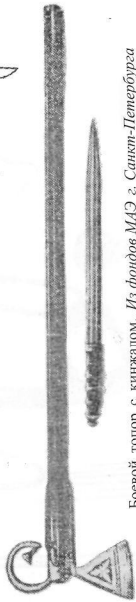
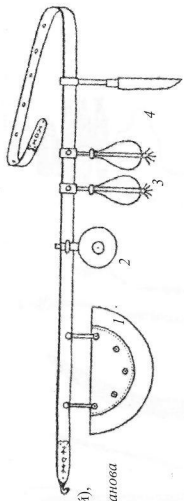

Оружие казахов Старшего жуза. Рис. художника П. Кошарова

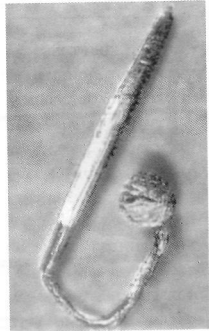
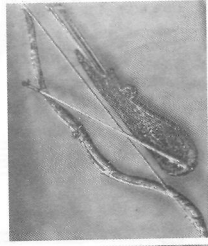
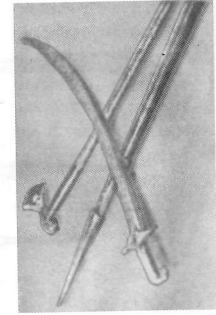

Металлическая лопасть
и передняя часть рукоятки
боевого топора.
Из фондов МАЭ
г. Санкт-Петербурга

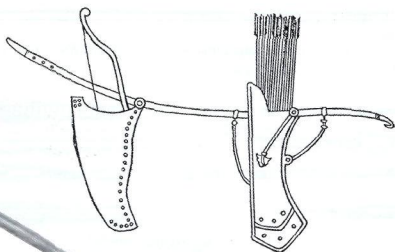
Охотничий пояс (кісе):
1 — сумка (кісе),
2 — фляжка (куты),
3 — патронтаж (окшантай),
4 — ножны (кын).
Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова

Боевой топор с кинжалом. Из фондов МАЭ г. Санкт-Петербурга

Казашские сабля, копьё и секира; лук и колчан со стрелами; боевая палица.
Из фондов Центрального Государственного музея РК

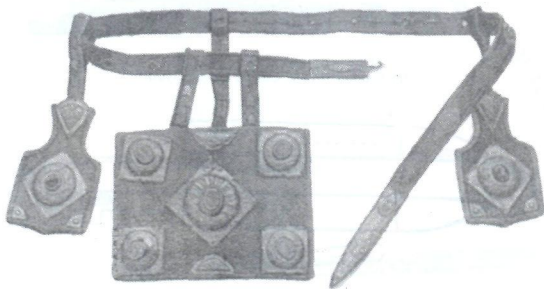

Казахское ружье
с сошками.
Из фондов МАЭ
г. Санкт-Петербурга

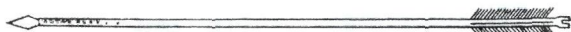
Старинный колчан с луком и стрелами.
Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова

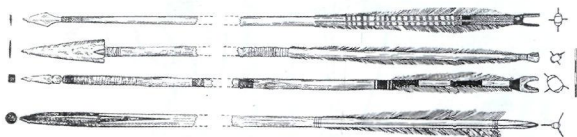
Патронтаж из сайгачьих рогов.
Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова

Пояс с набором подвесок и ножнами для ножа.
Из фондов МАЭ г. Санкт-Петербурга

Стрела с наконечником. Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова

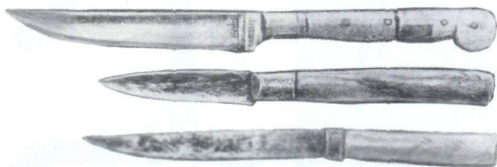
Казахские стрелы.
Из фондов МАЭ г. Санкт-Петербурга

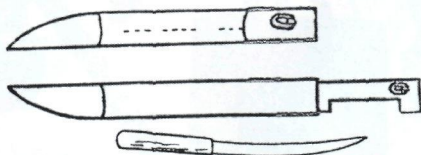
Трехгранный наконечник копья.
Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова

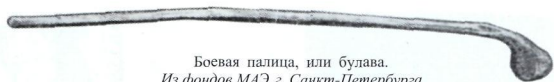
Двухгранный и четырехгранный
наконечники стрел.
Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова

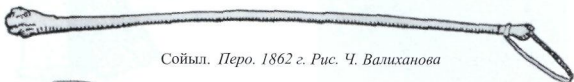
Образцы казахских ножей.
Из фондов МАЭ г. Санкт-Петербурга

Ножи (селебе, или жекеауыз, и бұйда пышақ).
Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова

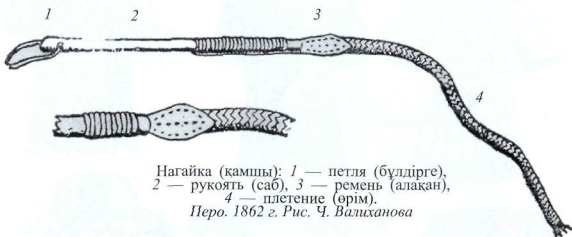
Боевая палица, или булава.
Из фондов МАЭ г. Санкт-Петербурга

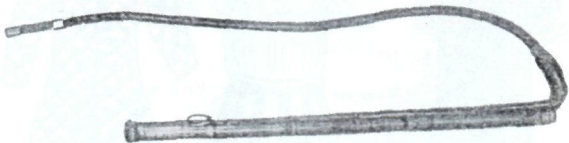
Сойыл. Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова

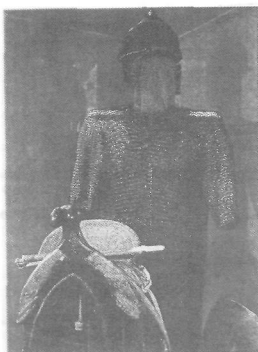
Казахская нагайка.
Из фондов МАЭ г. Санкт-Петербурга

Нагайка (камшы): 1 — петля (бүлдірге),
2 — рукоять (саб), 3 — ремень (алақан),
4 — плетение (өрім).
Перо. 1862 г. Рис. Ч. Валиханова

Казахская нагайка с ножичком.
Из фондов МАЭ г. Санкт-Петербурга

Доспехи воина-казаха.
Седло — курынды ер.
Из фондов
Центрального Государственного
музея РК

Берен

Торғауыт

Көбе

Зере
сауыт

Бадана

Кіреуке

Жаланқат

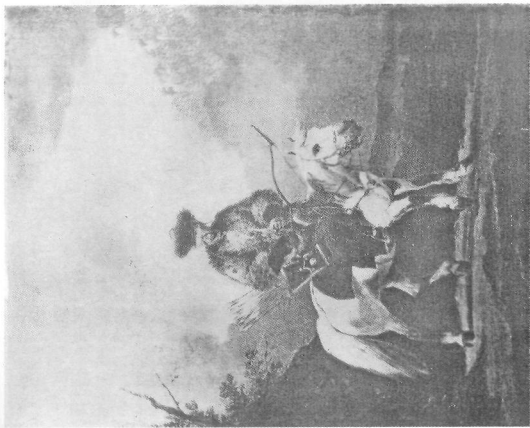

Қаттама

Казахские доспехи.
Современная реконструкция художника К. Ахметжанова

Всадник киргиз.
1807 г. Художник А. О. Орловский

Два всадника киргиза.
1809 г. Художник А. О. Орловский

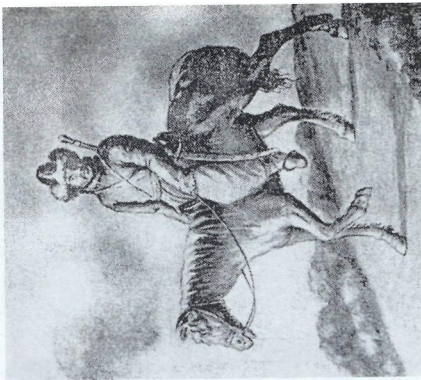
Конная группа киргизов. 1811 г. Художник А. О. Орловский

Бивуак киргизов. 1813 г. Художник А. О. Орловский

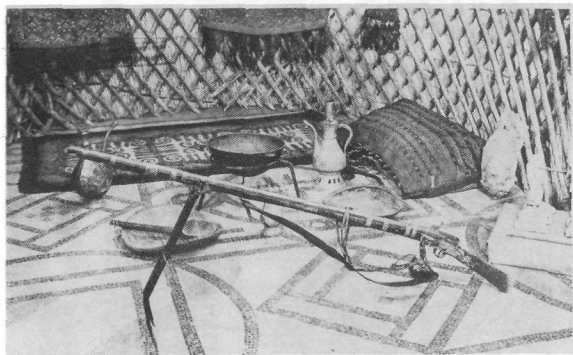
Казахи. Рис. Дж. Кэстля

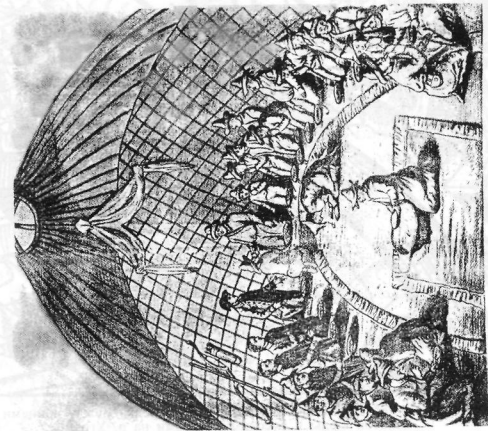
Казахский воин. Рис. Дж. Кэстля

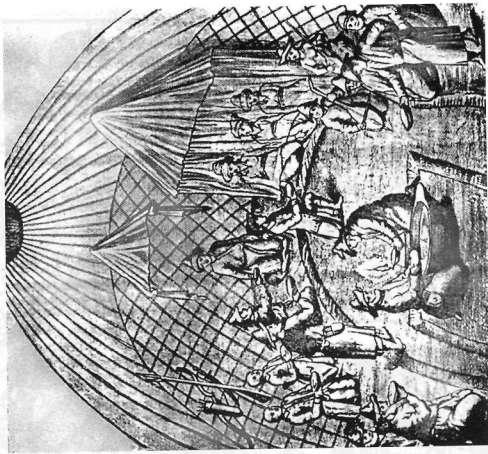
Казахские воины XVIII в. Художник Р. Сергеев

Казахское ружье в интерьере юрты.
Из фондов Центрального Государственного музея РК

У хана Абулхаира. 1736 г. Рис. Дж. Кэстля

У Бопай — жены Абулхаира. 1736 г. Рис. Дж. Кэстля

Метод дальней стрельбы кочевников. Перестрелка между воинами
Золотой Орды и русскими воинами на р. Угра.
С миниатюры XV в.

как был изрублен батыром. Когда его спрашивали о причине того, что он ехал все рысью, он отвечал: "Калмык хотел моей лошади и дожидался, чтобы я подъехал ближе, я же рассчитывал, что пока я буду ехать, на фитиле образуется большой нагар и после даст осечку"¹¹⁹.

Казахские фитильные ружья стреляли только при хорошей и сухой погоде. "При дождливой погоде, — подчеркивает Н. П. Рычков, — их ружья были не пригодны, так же, как и стрельба с лошади. Не только сырел фитиль и принимался тлеть очень туго, но терял силу и самый заряд, от сырости, проникавшей в порох через отверстие и дуло"¹²⁰. В качестве пуль казахи употребляли свинец, кремневые гольши, куски чугуна¹²¹. Было известно изготовление двух видов пороха: черного и белого¹²². В состав пороха входили такие компоненты, как селитра (бор), уголь (комір), сера (кукурт)¹²³. Русские посланцы Ф. Скибин и М. Трошин, ездившие в Казахскую степь в 1695 г., в своем докладе указывали: "...а сказывают, что берут селитру по кислым озерам и варят в котлах, а сера топится из камня... а руду красную меди плавят на тобольской дороге"¹²⁴.

В XVIII в. казахи-кочевники, кроме ружей, практически не имели других видов огнестрельного оружия. В одном из документов особо отмечалось, что "в бытность в киргиз-кайсацкой орде переводчик Тевкелев мог усмотреть, что в киргиз-кайсаки пушек не льют и у них нет и не употребляется..."¹²⁵.

¹¹⁹ Валиханов Ч. Ч. Исторические предания о батырах XVIII в. // Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 219.

¹²⁰ Прошлое Казахстана в источниках и материалах. С. 188.

¹²¹ Гейнс А. К. Указ. соч. С. 74.

¹²² Валиханов Ч. Ч. Составные части киргиз-кайсацкого пороха // Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата., 1984. Т. 1. С. 183.

¹²³ Прошлое Казахстана... С. 188.

¹²⁴ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 264—267.

¹²⁵ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 86.

Огнестрельное оружие казахи традиционно покупали на рынках Ташкента, Хивы и Бухары. С вовлечением Казахстана в военно-политическую и социально-экономическую орбиту влияния Российской империи царское правительство, опасаясь военных столкновений и конфликтов, создало в XVIII—XIX вв. целую систему экономических санкций, запрещающих продавать подвластным народам оружие.

Основная масса казахских воинов не имела огнестрельного вооружения. Производство ружей не носило организованного характера (несмотря на наличие мастеров-ружейников). Это было обусловлено отсутствием соответствующей материально-технической базы, технологий, необходимых знаний. Закономерно, что значительное количество ружей попадало в Казахстан через сопредельные регионы.

2.3. Оборонительный доспех и воинское снаряжение

Составная часть холодного оружия — боевые доспехи воина. Защитные средства комплекса вооружения развивались адекватно эволюции военной техники. Появление новых видов оружия и их модификация, а тем самым увеличение степени их эффективности закономерно способствовали усилению средств обороны.

Очевидно, что древнее население Центральной Азии и Южной Сибири приблизительно во второй половине II тыс. до н. э. использовали для предохранения пластины из кости, дерева и кожи. Археологические данные показывают, что защитное снаряжение существовало уже в эпоху бронзы. В погребениях могильника Ростовка Омской области, датируемых XIV—XI вв. до н. э., обнаружены латы, изготовленные из огромных трубчатых костей¹²⁶. Этот, бесспорно, важный факт побуждает нас предположить, что генезис первоначального защитного вооружения был связан с обработкой и применением таких мягких материалов, как дерево, кости и шкуры животных. Чтобы существенно прояснить этот вопрос, необходимы, на наш взгляд, дополнительные исследования.

¹²⁶ Матюшенко В. И., Синицина Г. В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. С. 48—53, 112—126.

Место и время появления тяжеловооруженной конницы у евразийских кочевников древности продолжает оставаться дискуссионным в науке.

В. Л. Блатовский в свое время считал, что с I в. н. э. катафракта становится главной вооруженной силой у сарматов Северного Причерноморья¹²⁷. А. М. Хазанов предполагал наличие в последних веках нашей эры тяжеловооруженной кавалерии в Средней Азии и Казахстане¹²⁸. Думается, что вышеназванная точка зрения автора обусловлена тем, что в I в. до н. э. — I в. н. э. катафракта стала ведущей боевой силой у большинства сарматских кочевых племен. По мнению Б. А. Литвинского, “в Средней Азии металлический доспех возник в VIII—VII вв. до н. э., а к V—IV вв. до н. э. он достиг высокого совершенства”¹²⁹. А. К. Акишев, разбирая предметы вооружения костюма “Золотого человека”, приходит к выводу, что конструкция “кожаной куртки” исыкского воина имеет сходство с защитным доспехом катафрактария¹³⁰. Другой известный специалист в области скифского вооружения Е. В. Черненко пытается доказать, что скифы Причерноморья были первыми среди кочевников Евразии, кто овладел приемами боя с применением тяжелой конницы¹³¹.

Новые данные раскопок на Южном Урале указывают на то, что появление тяжелого доспеха, возможно, связано с территорией степей между реками Урал и Илек, где действовал

¹²⁷ Блатовский В. Л. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 114.

¹²⁸ Хазанов А. М. Указ. соч. С. 77.

¹²⁹ Литвинский Б. А. Древние кочевники “Крыши мира”. М., 1972. С. 126; Этой же точки зрения придерживается и Б. Г. Гафуров. См.: Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 85, 92.

¹³⁰ Акишев А. К. Костюм “Золотого человека” и проблема катафрактария // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 59; Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.

¹³¹ Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968. С. 143—164; Он же. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 35—38.

мощный военный союз кочевников. “Армия этого племенного союза имела в своем составе уже в IV в. до н. э. тяжелую кавалерию, вооруженную защитными средствами...”¹³².

Таким образом, введение в научный оборот новой информации заставляет постоянно изменять, уточнять, корректировать установившиеся концепции и точки зрения. Как нам представляется, для того, чтобы достаточно серьезно оснастить тяжелым вооружением кавалерию, нужно иметь солидную металлургическую базу оружейного дела. Существовала ли она у кочевников? В то же время неизвестно, каков был ее удельный вес в структуре войска. Без выяснения этих вопросов весьма проблематично говорить о тяжеловооруженной коннице как доминирующей части в войске кочевников.

Несомненно, оборонительный доспех казахов был непосредственно связан с системой защитного вооружения предшествующих этнополитических объединений евразийских кочевников. В казахском фольклоре оборонительное снаряжение воинов фигурируют под общим понятием “сауыт” или “сауыт-сайман”. Первой попыткой классификации защитного доспеха в казахском оружейведении является работа К. Ахметжанова¹³³.

Материалы эпоса говорят о различных видах защитных доспехов воинов-батыров: кобе, торгоуыт, жаланкат, шарайна. Слово “кобе” в смысле кольчуги зафиксировано в лексике средневекового старокыпчакского письменного памятника XIII в. “Тюркско-арабский словарь”¹³⁴. Вслед за К. Ахметжановым мы счи-

¹³² Васильев В. Н., Пшеничник А. Х. К вопросу о защитном вооружении ранних кочевников Южного Урала в IV в. до н. э. // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа, 1994. С. 130—131.

¹³³ Ахметжанов К. С. Жараған темір кигендер (батырлардың қару-жарағы, әскери өнері, салт-дәстүрлері). Алматы, 1996. 98—165 б. В данной работе мы опирались на материалы этого автора.

¹³⁴ Курышжанов А. К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — “Тюркско-арабского словаря”. Алма-Ата, 1970. С. 150. Довольно интересным фактом также является наличие в структуре вооружения северокавказских народов, в частности адыгов, кольчуг с похожим названием — “кобе шаф”, “дъланкубе” (жилян кубе). См.: Панин Э. Х. Холодное оружие адыгов // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Л., 1989. С. 65.

таем, что “кобе” относится к классу чешуйчатых панцирей. Этот доспех состоит из наложенных друг на друга металлических пластинок, скрепленных между собой ламellarным способом (т. е. с помощью соединительных ремешков). Такие панцири были характерны для древних тюрок, кимаков, енисейских кыргызов, монголов¹³⁵. Подробный всесторонний анализ и реконструкция монгольского защитного вооружения, проведенные М. В. Гореликом, показывают, что данный тип доспехов надевается легко без посторонней помощи. Вес их чуть больше 16 килограммов и, “...будучи распределен по телу, не очень ощущается, даже при отсутствии навыков ношения”. Более того, “... панцирь совершенно не сковывает сложных и резких движений и поворотов, в чем не уступает кольчуге”, а по защитным качествам значительно ее превосходит. В ходе практического эксперимента, осуществленного по разработке исследователя с целью определения прочности панциря из пластин толщиной 1,5 миллиметра при весе его около 5 килограммов, выяснилось, что колющее оружие (шпага) вообще не наносит ему повреждений, а разрушение от рубящего предмета (сабля) незначительно¹³⁶.

Следующий вариант панцирей — “берен” (разновидности: беренсауйт, женсиз берен, берен тон). К. С. Ахметжанов считает, что “беренсауйт”, возможно, изготовлялся из толстой кожи, поверх которой нашивались большие железные пластины, что позволяет говорить об их комбинированном характере¹³⁷. Подробное описание технологии изготовления монгольских доспехов дает

¹³⁵ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. С. 118—131; Он же. Вооружение средневековых кочевников... С. 158—159; 196—197.

¹³⁶ Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX — пер. пол. XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 186—187; Он же. Средневековый монгольский доспех // III Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1979. Т. 1. С. 90—94; Он же. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 246—249.

¹³⁷ Ахметжанов К. С. Көрс. шығ. 109 б.

Плано Карпини¹³⁸. У монголов такой тип панцирей в древности назывался “куяк”¹³⁹.

Вызывает интерес защитный доспех под названием “жаланкат”. По мнению К. Ахметжанова, он относится к типу железных кирас, известных кочевникам кыпчакской эпохи¹⁴⁰. Но из-за отсутствия более точных вещественных и изобразительных данных по защитному вооружению казахов весьма трудно судить о данном типе доспехов.

К числу часто встречающихся наименований оборонительных средств казахских батыров относятся кіреуке, бадана, зере сауыт (предположительно класс кольчуг). Они имели форму железной рубашки, свитой из мелких или крупных металлических колец, как правило, в горизонтальном направлении. В документах начала XIX в. отмечается: “К военной одежде их (казахов. — А. К.) принадлежат сделанные из железных колец кольчуги и панцири и из железных же листов плоские шапки”¹⁴¹. А. К. Гейнс указывал, что казахи раньше употребляли доспехи “из железной сетки, которой нередко покрывали и лошадей”¹⁴². Для усиления обороноспособности казахские воины иногда надевали двойную кольчугу.

Распространенным кольчужным доспехом у казахов являлась “бадана” (ее разновидности: бадана козді ак сауыт, бадана козді берік сауыт, бадана козді кіреуке и т. п.). Этот вид кольчуг зафиксирован в золотоордынских погребениях¹⁴³. Как известно, предметы обороны кочевников оказали заметное влияние на развитие русских воинских доспехов. П. Винклер подчеркивал: “С начала XIII столетия с появлением и завоеванием

¹³⁸ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алма-Ата, 1993. С. 44—45.

¹³⁹ Немеров В. Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII—XIV вв. // Советская археология. 1987. № 2. С. 212—213.

¹⁴⁰ Ахметжанов К. С. Көрс. шығ. 114 б. 52-сур.

¹⁴¹ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках. С. 153.

¹⁴² Гейнс А. К. Указ. соч. С. 73.

¹⁴³ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 35.

татар последние вносят нам и свои доспехи... Таким образом явились байдана, бабахтерцы, калантари и куяки”¹⁴⁴.

Некоторые казахские кольчуги снабжались спереди (грудь) и сзади (спина) широкими круглыми железными бляхами, предохранявшими наиболее важные участки тела. Кольчуги с дополнительными защитными деталями имели названия “зере сауыт”.

По нашему мнению, наиболее массовыми у казахов-кочевников были кожаные панцири — каттама, торгоуыт, тон (разновидности ок отпес, шолак тон), изготавливавшиеся из мягких материалов (кожа, шкура). Кожаные панцири готовили по специальной технологии (высушивали, дубили, делали многослойными). Правильная обработка и выделка кожаных панцирей служили залогом их высоких защитных функций. Одним из распространенных видов таких доспехов являлся “торгоуыт сауыт”¹⁴⁵. При попадании стрелы, ударе саблей, копьем качественный панцирь амортизировал удар и не давал глубоко поразить корпус воина.

Для усиления степени защиты сначала надевались кожаные жилеты, кафтаны, а сверху — кольчуги или панцири. Металлические доспехи большей частью ковались из железа и высококачественной стали. “Грудь в железе моя, лицо — булат”, — гордо заявляет казахский герой¹⁴⁶. Не каждая стрела или копье могли пробить доспех.

Очень часто защитное вооружение приобреталось за пределами степи на внешних рынках. По-видимому, это было закономерным явлением в истории военного дела многих народов. Следует сказать, что в эпоху средневековья в дипломатической практике между правителями в целях закрепления межполитических контактов и отношений были нередки военные подарки (луки, сабли, доспехи). В конце XVI в. русский царь послал Таваккул-хану пять “пансырей”, “а царевичам Ишмаметю да Кучюку два пансыря...”¹⁴⁷. Металлическое защитное

¹⁴⁴ Винклер П. Указ. соч. С. 270—271, 272—273.

¹⁴⁵ Ахметжанов К. С. Көрс. шығ. 120 б.

¹⁴⁶ Поэты пяти веков. С. 56.

¹⁴⁷ Казахско-русские отношения XVI—XVIII веков. С. 9—10.

вооружение в основном носили ханы, султаны, батыры. Источники указывают, что только "некоторые из воинов (Bатыр) выходят в строй в панцирных рубашках"¹⁴⁸.

Боевым наголовьем казахских воинов служил шлем — "дулыга" (алтынды калпак дулыга, ак дулыга, курама болат дулыга). На монументальных некрополях Западного Казахстана воины показаны в сфероконическом шлеме с плюмажем или без него¹⁴⁹. На изображении из некрополя Сейсем-Ата на голове фигуры воина находится сфероконический шлем с цилиндрическим навершием для плюмажа. По сторонам купола шлема видны полосы, показывающие швы пластин, а по нижнему краю — рельефный кольцевой обруч, стягивающий шлем¹⁵⁰. Казахские шлемы по своей конструкции, видимо, связаны с более ранними типами боевых защитных наверший тюрко-монгольских кочевников средневековья. На наш взгляд, определенное сходство облика и конструкции казахских шлемов прослеживается в находках похожих образцов золотоордынских погребений¹⁵¹. Характерными сходными чертами шлемов можно считать сфероконическую форму купола, его деление на четыре-восемь частей и соединение стальных пластин обручем.

Щиты ("калкан") не получили сколько-нибудь заметного распространения и развития в казахском вооружении. Они имели круглую форму и изготовлялись из деревянных досок (таловое дерево) соединявшихся между собой железными клепами. С внешней стороны щиты оббивались металлическими изделиями, а изнутри покрывались кожей или кошмой¹⁵².

К разряду боевого защитного и вспомогательного (дополнительного) снаряжения следует отнести казахские кожаные мужские пояса. Наиболее часто употребляющееся название ко-

¹⁴⁸ Прошлое Казахстана в источниках и материалах. С. 189.

¹⁴⁹ Самашев Э. Монументальное искусство казахов... Рис. 2. С. 66.

¹⁵⁰ Там же. С. 68.

¹⁵¹ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 32—35; см. также: Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников... С. 144.

¹⁵² Ахметжанов К. С. Көрс. шығ. 143 б.

жанных поясов (по описаниям источников) — “kise”. Данный термин впервые встречается в отчете Н. Гладышева и Д. В. Муравина об их поездке в Хиву в 1740—1741 гг.¹⁵³ Это слово первоначально означало кошелек, сумка, которую носят на поясе. Ч. Ч. Валиханов сообщает, что “калтой, или kise, называется ремень, прошитый из двойной русской юфты белой стороной”¹⁵⁴.

В петербургском музее сохранилось 10 казахских кожаных поясов. Один из них относится к числу старинных. Этот пояс с подвесками, “сложенный вдвойне и сшитый жильными нитками впритык посредине внутренней стороны” имеет длину 168 сантиметров. Ширина большинства поясов доходит до 4 сантиметров, но встречаются и более широкие пояса — 7,5 и 8 сантиметров. В. П. Курылев подразделяет казахские кожаные пояса на две группы: 1) узкие пояса с крючком застежкой и 2) широкие с пряжкой¹⁵⁵. Ч. Ч. Валиханов отмечал случай, когда с одного конца пояса просматривается пряжка с крючком, а с другого шесть сквозных отверстий. Крючок кожаного пояса видно и на рисунке П. Кошарова “Оружие казахов Старшего жуза”¹⁵⁶. В собрании МАЭ имеется один образец пояса, который застегивался с помощью кожаных ремешков. “Очевидно, — пишет В. П. Курылев, — это самый древний способ закрепления пояса”¹⁵⁷.

В средневековый период у казахов-кочевников использовались широкие плотные кожаные пояса, которые предохраняли нижнюю часть живота и спины. Для усиления защитных

¹⁵³ Гладышев Н., Муравин Д. В. Поездка из Орска в Хиву и обратно в 1740—1741 гг., совершенная поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. Спб., 1851. С. 68.

¹⁵⁴ Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз... С. 39.

¹⁵⁵ Курылев В. П. Казахские кожаные мужские пояса в собраниях МАЭ // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Л., 1989. С. 86—87.

¹⁵⁶ См.: Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз... С. 38—39.

¹⁵⁷ Курылев В. П. Казахские кожаные мужские пояса... С. 88; см. также: Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.

функций поясов на них закреплялись крупные металлические бляхи различных конфигураций. Оба конца пояса прошнуровывались с помощью кожаных ремешков или скреплялись широкой бляхой¹⁵⁸.

Письменные данные оставили подробное описание казахских поясов и сопутствующих им предметов снаряжения. "Киргизы подпоясывают себя всегда узким ремнем с пряжкой, к коему пришивают с ножом ножны, и много различных сумочек для пуль, пороху, огнива, труту и для прочих мелких поклаж, как возят они всегда при себе; их украшают мелкими медными и серебряными бляхами. Весь пояс сей с прибором называется у них *коя*"¹⁵⁹.

Сходные сведения приводит и Ч. Ч. Валиханов. К поясу "с правой стороны прикреплен мешок в виде пирога, в котором хранятся огниво, кремь, запасной фитиль, сало для смазки ружья и роговая пороховница для фитиля, сзади — пороховница, а с левой стороны — два мешочка для пуль и нож"¹⁶⁰. Пояса из МАЭ в основном соответствуют вышеприведенным описаниям.

Кожаные пояса были важной деталью в боевом снаряжении казахского воина. Колчан со стрелами, налучья, ножны сабель, кинжалов и ножей в обязательном порядке закреплялись на поясных ремнях. На рисунках Ч. Ч. Валиханова колчан прикреплен к боевому поясу с помощью двух кожаных ремней и металлической заклепки, способствующей полугоризонтальному положению колчана. Сабля в ножнах (с рисунка П. Кошарова) имела два перекрещенных ремня, на концах которых видны крючки, которые, следует полагать, вдевались в отверстие на поясе. Ножны ножей снабжались в верхней части кожаной петлей, надевавшейся на пояс¹⁶¹. Мужской поясной набор был обязательной принадлежностью одежды казаха-скотовода, воина и охотника¹⁶².

¹⁵⁸ Устная консультация Т. И. Султанова.

¹⁵⁹ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках. С. 153.

¹⁶⁰ Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз... С. 39.

¹⁶¹ Там же. С. 38.

¹⁶² Казахи. Алматы, 1995. С. 147; Курылев В. П. Казахские кожаные мужские пояса... С. 97.

Защитные доспехи казахов-кочевников по своей конструкции и форме изготовления восходят к аналогичным образцам, бытовавшим среди тюрко-монгольских кочевников средневековья. Казахское оборонительное вооружение подразделяется на три группы: 1) пластинчатый панцирь, 2) кольчуга, 3) кожаный панцирь. Специализированные наборные пояса выполняли различные вспомогательные функции в военном снаряжении воина.

Основной комплекс предметов вооружения казахов характеризуется разнообразными видами (подвидами) холодного оружия. Но степень его распространенности ("вооруженности") была неодинаковой. Полным боевым специализированным оснащением обладали в первую очередь знатные воины — ханы, султаны, батыры. Их традиционный набор боевых средств состоял из пяти видов оружия ("бес қару"): 1) лук (садақ), 2) сабля (кылыш), 3) копье (найза), 4) топор (айбалта), 5) булава (қурзі)¹⁶³. Подавляющая часть казахских воинов была вооружена самыми различными предметами холодного оружия. В большинстве случаев наиболее массовыми боевыми средствами являлись луки, копья, дубины, топоры. Впоследствии, с появлением огнестрельного вооружения, традиционные виды оружия дополняются фитильными ружьями. По всей видимости, их применение не оказало значительного воздействия на эволюцию казахского оружия, так как формы ведения войны не претерпели существенных изменений.

¹⁶³ Ахметжанов К. С. Ер қаруы — бес қару // Ана тілі. 1992. № 2; Соныкі. Жараған темір кигендер. 44—49 б. 11-сур.

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, БОЕВОЙ ТАКТИКИ КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ И ДЖУНГАРО-КАЗАХСКИЕ ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В XVII—XVIII вв.

3.1. Традиционная казахская военная организация

Вопросы традиционной военной организации казахов не были объектом специального исследования в казахстанской историографии. На основе известных широкому кругу специалистов источников мы попытаемся дать характеристику военно-организационной структуры казахского войска, выявить основные принципы механизма ее деятельности.

Одна из главнейших обязанностей мужчины в кочевом обществе состояла в несении воинской повинности. В известном обычно-правовом уложении Тауке-хана “Жеты жаргы” (XVII в.) сказано: “Чтобы ни один киргиз (т. е. казах. — А. К.) не являлся в собрания народные иначе как с оружием. Безоружный не имел голоса, и младшие могли не уступать ему места”¹. Из этой статьи видно, что любой кочевник-казак, способный носить оружие, был полноправным членом рода (общества) и соответственно имел право голоса на собраниях. Ношение оружия

---

¹ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Спб., 1832. Ч. 3. С. 177.

показывало, что данный индивид являлся прежде всего боевой единицей на народных собраниях.

Ежегодно представители всех трех казахских жузов собирались для совещаний (маслихат) на холме Мартубе около г. Сайрама (совр. Южно-Казахстанская обл.). «Предметами совещаний служили вопросы о том, где зимовать, где летовать, как достигнуть спокойствия (буйтсек тынчыймыз) и как воевать»². На этих всеказахских сходках решались такие наиболее важные, затрагивающие интересы всех жузов проблемы, как взаимоотношения с соседними государствами и народами (выработка внешнеполитического курса), объявление войны, сбор общекзахских вооруженных сил и т. п. Принятые решения не нарушались вплоть до созыва нового совета. Кроме того, источники отмечают, что в случае угрозы войны или организации набега казахи также собирались «на большие собрания для совета»³. На этих «советах» руководители родов и племен совместно согласовывали военный план, конкретные действия (направление и время похода, организация обороны, численность ополчения). Такие экстренные собрания, по всей видимости, проходили постоянно внутри каждого жуза, рода от случая к случаю.

Военные сборы начинались после того, как султан, бий, старшина или батыр ставил около своей юрты боевое знамя рода, «тот час весь род его спешил вооружиться и гонцы летели из аула в аул, призывая на брань»⁴. Обычно вестовые гонцы держали в руках бунчук (штандарт) и на полном скаку входили в аул с криком «Аттан» (тревога, призыв). «Крик «Ат-тан», — пишет В. фон Герн, — действует на казаха магически. Всякий казах считает себя обязанным немедленно схватить оружие, какое попадет под руку, сесть на коня, всегда находящегося около

² Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889. Т. 1. С. 25.

³ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Спб., 1809. Ч. 1. С. 570.

⁴ Гейнс А. К. Киргиз-кайсаки // Собрание литературных трудов. Спб., 1897. Т. 1. С. 72.

юрты, и скакать по направлению крика”⁵. Все боееспособное мужское население “отделений, аймаков и тобе” быстро “собиралось к общему знамени”⁶. Каждый казахский род на случай войны выставлял свое собственное знамя особого цвета (ак кара бас ту, ала ту, жасыл ту, кызыл ту и т. д.). Мелкие подразделения рода — отделения — имели боевые “значки” — флаги (жалау), соответствующие цвету родового знамени. Казахские воины для отличия от других в обязательном порядке “навязывали себе на руки такового же цвета платки, ленты или нашивали лоскутья какой-нибудь материи”⁷. Это было узаконенное военное правило, неукоснительно соблюдавшееся в казахских родах. А. И. Левшин особенно подчеркивал, что знамена и значки “тщательно сохранялись и вывозились только на войну, но не баранту”⁸. По числу знамен и значков можно было узнать количество (многочисленность или малочисленность) того или иного рода.

Разрозненные отряды рода, прибыв к месту сосредоточения, делились на отдельные группы, где “составляли свой круг и выбирали себе в начальники отважнейшего”. Предводители на отдельном военном совете избирали двух храбрых и опытных военачальников родового ополчения. Один из них назначался командующим войска, а другой становился хранителем родового знамени. “Если в военном предприятии участвовало несколько родов, то избиралось четыре верховных полководца, из коих двое хранили главное знамя собравшейся на войну орды, а остальные управляли советом”⁹.

Потеря боевого знамени на поле боя считалась среди кочевников тягчайшим воинским позором и преступлением. Поэтому сохранению знамен в период походов и войн придавалось особо важное значение. Знамя (ту) — священный и неприкасаемый

⁵ Герн В. К. Характер и нравы казахов. Караганда, 1995. С. 20.

⁶ Гейнс А. К. Указ. соч. С. 72.

⁷ Левшин А. И. Указ. соч. С. 52.

⁸ Там же.

⁹ Гейнс А. К. Указ. соч. С. 72—73.

символ войска, означающий единство кочевого воинства. По тюрко-монгольским повериям и традициям в знамени обитал дух — хранитель войска. Казахские ханы и султаны выступали на войну со своими боевыми стягами. Во время крупных войн и вооруженных столкновений ханское знамя считалось главным общевойсковым стягом. Его охрана поручалась отборному отряду воинов во главе с султаном или батыром. Из истории джунгаро-казахских войн известно, что знамя Аблая одно время держал Олжабай-батыр¹⁰. А. И. Левшин писал, что после смерти человека казахи ломали древко знамени или копья¹¹.

Казахские роды различались не только по знаменам и значкам, но и по боевым уранам (кличам) и тамгам. Ураном становилось имя какого-нибудь прославленного предка (чаще всего батыра) в 7—10-м колене, уважаемого аксакала¹² или название местности, где проживал тот или иной род. Например, казахи из племени найман имели общий уран — “Каптагай” (жил в начале XVII в.), кара-керей — “Кабанбай” (известный батыр XVIII в.), садыр — “Алдияр” (жил в конце XVII — нач. XVIII в.), кыпчак — “Ойбас” (потомок знаменитого Кобланды-батыра), дорт-кара — “Аиртау”, шомекей — “Доит”, шекты — “Бактыбай” и т. д.¹³

Военная символика ярко отражена в казахских тамгах. У найманского рода балталы тамгой являлась балта (топор), адай — садак (лук), берш — ок (стрела)¹⁴. Казахские ханы и султаны выходили на войну со своим особым боевым кличем — “Аркар”, который кроме них никто не имел право употреблять. В период объединения жузов и создания общеказахских ополчений общим ураном был “Алаш”.

Ханы и султаны обычно выступали в поход во главе собственных воинских дружин-толенгутов. Вопрос о времени по-

¹⁰ Самашев З. Туға табыну // Қазақ тарихы. 1994. № 3. 20 б.

¹¹ Левшин А. И. Указ. соч. С. 303.

¹² Гродеков Н. И. Указ. соч. С. 1.

¹³ Тынышпаев М. История казахского народа. Алма-Ата, 1993. С. 107—108; см. также: Гейнс А. К. Указ. соч. С. 73.

¹⁴ Тынышпаев М. Указ. соч. С. 107.

явления института толенгутов, его роли и значения в казахском кочевом обществе недостаточно ясен. По этому поводу в ряде работ высказывались противоречивые точки зрения¹⁵.

Наиболее убедительно выглядит, на наш взгляд, мнение В. П. Курылева, который считает, что толенгуты были прежде всего военной силой (дружина) в руках ханов и султанов¹⁶. Наибольшего развития институт толенгутов получил в период длительных джунгаро-казахских войн XVIII в. Ряды толенгутов активно пополнялись как за счет военнопленных (калмыков, башкир и др.), так и за счет обедневших слоев казахского общества. Один из самых сильных казахских ханов — Аблай — имел в своем распоряжении несколько тысяч толенгутов. Политический вес и авторитет ханов и султанов зависели от количества подчиненных ему толенгутов. Естественно, было бы неправильным считать их отборной ханской гвардией, хотя они и выполняли роль телохранителей и являлись наиболее близкими к нему людьми. В структуре казахского войска толенгуты были отдельной боевой единицей, подчиненной только хану. По вооружению и военной организации они не отличались от основной массы казахских воинов.

При созыве общеказахских ополчений верховным главнокомандующим, как правило, был один из ханов. Его избрание проходило на большом военном совете, где обсуждался план военных действий. Назначение на высшие командные должности зависело от заслуг, личных качеств кандидата (сила, отвага, ум, воля, хорошее знание военного дела) и политического влияния. Хан выполнял роль главного организатора, руководителя и ко-

¹⁵ См.: Бижанов М. Социальные категории казахского общества XVIII в. в трудах русских ученых // Казахстан в XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969. С. 169; Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII—начале XX в. Алма-Ата, 1971. С. 264; Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976. С. 154; и др.

¹⁶ Курылев В. П. К вопросу об институте толенгутов у казахов // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М., 1990. Вып. 2. С. 13, 22, 23, 24.

ординатора военных действий. Военно-организационная модель вооруженных сил кочевников могла эффективно функционировать при наличии сильной военной власти хана. Военно-потестарные объединения кочевников (ханства, улусы, орды) показывали свою жизнеспособность во многом благодаря выдающимся способностям ханов именно в военной сфере деятельности кочевого общества. В то же время не следует забывать, что его власть укреплялась или слабела в зависимости от поддержки социальных верхов кочевников, так как именно султаны и батыры составляли военную иерархию, были непосредственными командирами отдельных воинских соединений.

По косвенным сведениям известно, что казахское войско делилось на сотни и тысячи. Такое деление производилось, по всей видимости, ханом. Так, в войске Аблай-хана были воины со званием "тысячника" и "сотника". Устойчивое сохранение древней азиатской десятичной системы прослеживается на протяжении длительного времени. Отряды Кенесары Касымова подразделялись на отдельные сотни и тысячи¹⁷. Аналогичная военно-организационная структура была воспроизведена во время восстания Амангельды Иманова в 1916 г.¹⁸ Вряд ли возможно говорить о том, что "тысячи" и "сотни" соответствовали именно этому количеству воинов, но несомненным является то, что такой военно-организационный принцип деления устойчиво (на уровне идеологии) воспроизводился в период консолидации вооруженных сил, хотя он и носил эпизодический (кратковременный) характер. Возможно, именно благодаря наличию и эффективному функционированию десятичной структуры войска кочевникам Азии удалось создать стройную военную организацию и успешно вести активные завоевательные войны. Десятичная система была эффективной только тогда, когда была сильна центральная власть. Как нам представляется, десятичная структура не получила заметного распростра-

¹⁷ Бекмаханов Е. Казахстан в 20—40-е годы XIX века. Алма-Ата, 1992. С. 186, 194.

¹⁸ Нуркамысов А. Административное и военное управление в стане Амангельды Иманова // Светлый образ батыра. Алма-Ата, 1986. С. 132.

нения и влияния в военной организации казахов из-за слабости ханской власти в Казахстане.

В XVIII в. наблюдается “распыление” верховной власти по казахским жузам, улусам и родам. Такая политическая ситуация, естественно, обусловила заметную неустойчивость и относительно слабость военно-политической структуры казахских ханств и военной организации в целом. В период грозной военной опасности (джунгарское нашествие) у казахов не было единой централизованной военно-политической власти, что явилось причиной жестоких поражений в целом ряде джунгаро-казахских военных столкновений XVIII в. Тяжелые и затяжные войны детерминировали выход на политическую авансцену правителей родов и улусов — султанов, биев, батыров, которые нередко диктовали свою политическую волю ханам.

Огромную роль в казахском войске играли батыры — профессиональные воины. Батырство было широко распространенным социальным явлением в кочевом мире Евразии эпохи средневековья, о чем свидетельствует прежде всего богатый устнопоэтический фольклор казахов “Батырлар жыры”. Слово “батыр” означает “борец”, “сильный”, “герой”, “бесстрашный”, “храбрый”. Казахи называли батыром любого человека, который отличался храбростью и мужеством в сражениях с врагом¹⁹. С полным основанием можно считать, что батырство было особым военно-политическим институтом в кочевом обществе казахов, игравшим ведущую роль в военной организации.

Периоды перманентных военных столкновений и постоянной военной угрозы внешней агрессии XVII—XVIII вв. привели к появлению в военной и политической сфере жизнедеятельности общества многочисленной группы батыров — руководителей народного ополчения, организовавших отпор джунгарским зах-

---

¹⁹ Бекмаханов Е. К вопросу о социальной природе батыров (XIX в.) // Вестник АН КазССР. 1947. № 8 (29). С. 62; Он же. Казахстан в 20—40-е годы XIX века. С. 98; Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 252; Ерофеева И. В. Хан Абулхайр: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999. С. 33—35; Ахметжанов К. С. Көрс. шығ. 6—31 б; и др.

ватчикам. Имена таких батыров, как Богенбай, Кабанбай, Малайсары, Жаныбек, Тайлак, Санырак, Олжабай, Сагынбай, Баян, Сары, Таттыбай, Барак и многие другие, вошли яркой страницей в историю казахского народа. Первая половина XVIII в. была временем тяжелых испытаний и страданий, которое можно назвать "героической эпохой батыров". Дореволюционные российские исследователи писали: "Память о своих умерших сородичах, особенно батырах, которые прославились удалыми набегами, они (т. е. казахи. — А. К.) чтут свято... Особенным почетом у них пользуются могильные курганы, обозначенные воткнутыми пиками с развевающимися конскими хвостами или гривами"²⁰.

Батыры являлись носителями и хранителями военного опыта и традиций кочевников. Ханы и султаны решали свои внутренние и внешнеполитические проблемы, опираясь на военную силу и помощь известных батыров. Последние выполняли при них роль политических и военных советников. По казахским преданиям, во времена правления Тауке "первым батыром" и правой рукой хана был Алдияр-батыр из найманского рода садыр²¹. Авторитет и могущество хана обуславливались силой, знаменитостью и численностью поддерживающих его батыров. Не случайно современники Аблая, обращаясь к нему, говорили: "Батыров у тебя не счесть"²². Ханы, возглавляя объединенное народное ополчение, поручали командование отдельными большими отрядами батырам. "В походе это обыкновенно предводители отрядов, их отличает наличие особого крылышка на шапке"²³, — подчеркивал один из путешественников XVIII в.

О численности казахского войска в этот период источники дают весьма разноречивые сведения. Так, И. П. Фальк

²⁰ Абаза К. К. Завоевание Туркестана. Спб., 1902. С. 49; Потто В. О степных походах // Военный сборник. 1874. № 4. С. 245.

²¹ Тынышпаев М. Указ. соч. С. 220.

²² Поэты пяти веков: Казахская поэзия XV — начала XX в. / Пер. с каз. Алма-Ата, 1993. С. 64.

²³ Прошлое Казахстана в источниках и материалах (V в. до н. э. — XVIII в. н. э.). М.; Алма-Ата, 1935. Сб. 1. С. 189.

считал, что каждый жуз мог выставить "100 000 стрелецких луков"²⁴. И. Г. Андреев полагал, что из 32 790 юрт Среднего жуза казахов могло собраться более 70 000 человек²⁵. В материалах по истории XVIII в. можно встретить, что "каракалпацкий и кайсацкий Абулхаир хан, собрав войск своих пятьдесят тысяч, бился с хонтайшой..."²⁶. Числа 50, 70 тыс. очень часто фигурируют в документах этого времени²⁷. Эти сведения опровергаются данными смежных, более объективных источников, которые сообщают, что "с ханом де Казачьи орды силы на поле выезжают тысяч по десяти и больше"²⁸. Другой информатор добавляет: "О их числе и людстве, хотя и невозможно с точностью объявлять, однак можно за достоверно донести, когда б они у владельцев своих могли быть в послушании, то б легко и скоро набирать им от пятидесяти до шестидесяти тысячи и более самых исправных и добродетельных людей по большей части с огненным ружьем..."²⁹.

Действительно, как мы уже указывали, казахские жузы и ханства в XVIII в. не представляли единого военно-политического организма и, естественно, не могли проводить полную военную мобилизацию в родах и улусах. В китайских источниках середины XVIII в. особо отмечалось: "Казахи живут разрозненно и при этом не имеют единого правителя, [а потому] никак не могут собрать пятидесятитысячное войско"³⁰. В боль-

²⁴ Прошлое Казахстана в источниках и материалах... С. 145.

²⁵ Андреев И. Г. Указ. соч. С. 79.

²⁶ Материалы по истории каракалпаков. М.; Л., 1935. Т. 7. С. 184, 146.

²⁷ Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX в. Алма-Ата, 1989. Ч. 1. С. 62; Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV—XIX вв. Алматы, 1994. С. 64, 67.

²⁸ Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв. М., 1989. Кн. 1. С. 214 (далее: МОЦА).

²⁹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках: (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961. С. 108.

³⁰ Китайские документы и материалы по истории... С. 67.

шинстве случаев каждый казахский хан, выступая в поход, собирал 10—15 тыс. воинов. Объединенное казахское войско (включая все жузы) составляло приблизительно 60—80 тыс. боеспособных человек. Сбор такого количества воинов сам по себе представлял значительную нагрузку на хозяйство казахов-кочевников и был, по всей видимости, очень редким явлением. Такое количество войск требовало прежде всего организованного снабжения продовольствием, обеспечения воинов подвижным запасным конским составом и самое главное — изменения времени, ритма и маршрута движения кочевков.

Казахское войско было полностью конным. Фактически большую часть жизни степняки проводили на спине лошади. “Киргизцы пешком никогда не ходят, — сообщает один из очевидцев, — и тогда, когда нужно перейти одну только версту, седлают себе лошадь...”³¹ По казахским представлениям, лишение лошади приравнялось к смерти.

Казахская лошадь того времени была среднего роста и крепкого телосложения. Эта порода лошадей характеризовалась следующими качествами: способностью к перенесению зимних стуж и летней жары, продолжительностью бега, легкостью и быстротой. При недостатке воды и плохом корме во время долгого пути они не теряли физических сил³². Казахская лошадь была наиболее пригодна к верховой езде. Я. А. Мак-Гахан констатировал: “Все они от природы или от выездки ходят иноходью, что, как всем известно, чрезвычайно легко и покойно как для коня, так и для всадника; иноходью этой способны они бежать с утра до поздней ночи, проезжая в день почти невероятное количество верст”³³. Обычно степные лошади бежали рысью со скоростью 15—17 километров в час многие десятки километров. По дан-

³¹ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках: (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1964. С. 153.

³² Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. Спб., 1879. С. 59, 222; Абаза К. К. Указ. соч. С. 56.

³³ Мак-Гахан Я. А. Военные действия на Окусе и падение Хивы. М., 1875. С. 32.

ным Ю. Н. Барминцева, казахская порода относится к скайерам, т. е. скакунам, которые проявляют себя на длинных дистанциях³⁴. Лошади за сутки проходили в среднем 80—120 верст, а иногда двуконь за одну летнюю ночь проскакивали до 200 верст³⁵. “Все это характеризует казахскую лошадь как исключительно выносливую, вполне пригодную для дальних разъездов и утомительных переходов”³⁶. Выступая в поход кочевники брали с собой две-три запасные лошади. Для верховой езды старались использовать меринов, жеребцов и холостых кобыл. Очень высоко ценились иноходцы (жорга). По казахской военной традиции челки боевого коня украшались султаном, гривы заплетались в косички, а хвост туго перетягивался³⁷. Готовясь к дальнему переходу, кочевники специально уменьшали в пищевом рационе коня траву и воду, стараясь дать больше ячменного зерна. Верховой конь становился от этого легким в беге³⁸. В ночном движении по горно-каменистой местности копыта коней обвязывались тонкой кошмой, чтобы не было слышно их приближения³⁹. Таким образом, казахская порода лошадей своими незаменимыми свойствами и качествами как нельзя лучше подходила к ведению военных действий в аридно-степной зоне Казахстана.

Очень важным моментом традиционной военной организации казахов являлось обеспечение войск продовольствием. Перед военным походом или набегом казахи-кочевники запасались самыми необходимыми съестными припасами. В основном пища состояла из консервированных мясных изделий — колбасы (шужык, казы), кишок (карта), сушеного, копченого мяса (сур ет) и кисломолочных продуктов — курт (творог). Мясная консервированная пища отличалась высокой калорий-

³⁴ Барминцев Ю. Н. Эволюция конских пород в Казахстане. Алма-Ата, 1958. С. 110.

³⁵ Гейнс А. К. Указ. соч. С. 152; Абаза К. К. Указ. соч. С. 56; и др.

³⁶ Барминцев Ю. Н. Указ. соч. С. 111.

³⁷ Тынышпаев М. Указ. соч. С. 153; Потто В. О степных походах // Военный сборник. 1874. № 7. С. 35.

³⁸ Вогак С. Киргизская лошадь // Военный сборник. 1873. № 9. С. 93.

³⁹ Герн В. К. Указ. соч. С. 21.

ностью (белки, жиры, минеральные вещества). Курт клался в специальные емкости (турсук), где во время езды он тщательно перемешивался с водой и превращался в “густое молоко”⁴⁰, что придавало ему особый вкус и питательность. 10 фунтов (около 5 кг) такого запаса могло хватить одному человеку на месяц⁴¹. При сборе большого войска специальные пастухи гнали отары скота (овец, лошадей, верблюдов), что давало возможность ежедневно поставлять воинам свежее молоко и мясо. Для организованного обеспечения пищей казахское войско делилось на группы людей — “кос”, питавшихся из одного котла. В каждом “косе” был человек, ответственный за подготовку и распределение пищи, — казанши или асбасши (распорядитель котла, пищи). Перед выступлением в поход они специально назначались на военном совете военачальниками-батырами⁴². Пища казахов в военном походе состояла полностью из мясомолочных продуктов, отличавшихся хорошей сохранностью.

Характерной чертой кочевников в военном отношении было то, что они без труда переносили невзгоды и лишения походной жизни. Воины в течение нескольких дней могли обходиться без пищи и воды, довольствуясь лишь куртом и просом. Высокая физическая выносливость позволяла им терпеливо переносить длительные переходы и скачки. Казахи иногда проводили в седле по 12 часов в сутки⁴³. Кочевая жизнь и охота на диких животных сформировали у кочевников отличное зрение. А. И. Левшин отмечал, что, “стоя на ровном месте, они видят верст за 10 и более... там они различают очертания предметов и цветов”⁴⁴. Приложив ухо к земле, казах-кочевник безошибочно определял направление движения и количество приближающегося

⁴⁰ Ефремов Ф. Десятилетнее странствование. М., 1952, С. 29—30.

⁴¹ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках. С. 154.

⁴² Шаханова Н. Ж. Специфика пищи в военно-кочевом быту казахов (XVII—XIX вв.) // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М., 1990. Вып. 2. С. 82.

⁴³ Гейнс А. К. Указ. соч. С. 15; Потто В. Указ. соч. С. 247.

⁴⁴ Левшин А. И. Указ. соч. С. 33.

противника⁴⁵. При приближении или нападении врага казахи, как правило, ночью зажигали множество костров. Соседние отряды и целые аулы мгновенно снимались с мест и откочевывали в глубь степей. "Этот способ сигнализации назывался "уран-от" (сигнал кострами)"⁴⁶.

Социальная организация жузов и родоплеменная иерархия оказывали значительное воздействие на функционирование традиционной военной организации. Как показывают материалы по обычному праву казахов, порядок старшинства строго соблюдался при разделе военной добычи (олджа). Более старшие (уважаемые, привилегированные) и стоящие выше в родоплеменной иерархии воины первые после хана получали свою долю из захваченного имущества⁴⁷. Пятая часть военной добычи присваивалась ханом. Военачальникам-батырам принадлежала особая неприкосновенная доля — "сауга"⁴⁸. Военная добыча (скот, имущество, военнопленные) была важнейшим стимулом многочисленных походов и набегов казахов-кочевников против соседей. Желание поживиться за счет противника считалось узаконенным военным правилом в кочевой среде.

Таким образом, традиционная военная организация казахов-кочевников базировалась на родоплеменной основе. В большинстве случаев каждый жуз, улус, род формировали отряды ополчения спонтанно и независимо друг от друга. В случае крупных вооруженных конфликтов и широкомасштабных войн происходил сбор общеказахских народных ополчений. Можно предполагать, что "сердцевиной" (основой) казахской военной организации было батырство — специфический (кочевой) военный институт. Отсутствие сильной ханской власти в Казахских жузах детерминировало системообразующую роль внутри военной организации казахов особого военного института —

⁴⁵ Герн В. К. Указ. соч. С. 21.

⁴⁶ Тынышпаев М. Указ. соч. С. 156.

⁴⁷ Гродеков Н. И. Указ. соч. С. 7; Ерофеева И. В. Указ. соч. С. 39—40.

⁴⁸ Валиханов Ч. Ч. Исторические предания о батырах XVIII в. // Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 221.

батырства. Данное обстоятельство, во-первых, объясняется тем, что батыры вобрали в себя и воспроизводили многообразный боевой опыт и многовековые военные традиции кочевников. Во-вторых, только такие “военно-полевые командиры” могли организовать боеспособные вооруженные отряды и действовать в экстремальной, неожиданно меняющейся военной обстановке. И в-третьих, как указано выше, батырство — основная военнополитическая сила ханов и султанов в степи.

3.2. Особенности военной тактики казахов-кочевников

С момента создания Казахского ханства обширный казахстанский регион стал местом постоянных военных действий. Казахи в своих преданиях называли период перманентных войн “жаугершілік заманы” (эпоха войн)⁴⁹. Ожесточенные военные конфликты внутри кочевого мира, набеги на оседло-земледельческие государства и народы давали богатый практический военный опыт, который составлял стратегию и тактику военных действий кочевников.

Крупные военные операции и набеги кочевники предпочитали вести осенью, “т. е. тогда, когда их боевые кони в теле и способны выдержать быстрые и большие перегоны, а дехкане собрали весь урожай”⁵⁰. Другая важная детерминанта была связана со спецификой движения кочевых маршрутов. В это время значительные массы кочевников направлялись в сторону зимних пастбищ, которые локализуются в присырдарьинском регионе. Именно в этом районе — на границе оседлого оазиса и кочевой степи — происходили военные набеги номадов. Вместе с тем следует отметить, что в случае ведения войны против соседних кочевых народов военные нападения и большие походы они старались проводить зимой или весной, преследуя цель не дать

⁴⁹ Толыбеков С. Е. Указ. соч. С. 249.

⁵⁰ Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 343; см. также: Росляков А. А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI—XV веках // Учен. зап. Туркмен. гос. универ. им. А. М. Горького. 1962. Вып. 21. С. 235.

противнику быстро собрать вооруженные силы. Это подтверждают и источники. Каип-хан в декабре 1718 г. направил на имя Петра I письмо с просьбой о присылке войск для совместного выступления против джунгар, где особо отмечал: "А хорошо на него, контайшу (т. е. джунгарского хана. — А. К.) ехать зимним временем или весною..."⁵¹. Естественно, в каждом случае военных действий преобладали различные причины, влиявшие на начало, время и ход войны. Одними из главных факторов, обуславливавших многие стороны военного искусства кочевников, являлись природа и климат Казахстана. По сведениям дореволюционных российских военных специалистов, степные походы в этом регионе считались самыми трудными из-за недостатка воды и кормов, сложных погодных условий и бездорожья. "Природа, вот главный враг наш в степи, на одоление которого и нужно направлять все усилия"⁵², — подчеркивал один из авторов.

Попытаемся рассмотреть, как происходил процесс функционирования военно-организационной модели казахов-кочевников. Перед выступлением в поход военачальники (сардары) образовывали под руководством хана военный совет, на котором обсуждались сроки и время сбора объединенного ополчения, начала похода, способы и методы будущей войны. В походном движении казахские полководцы высылали впереди главных сил авангард численностью 500—2000 воинов⁵³, который двигался на расстоянии одного конного перехода войска. Передовой частью авангарда являлся сторожевой отряд, выполнявший роль дозора. Разделившись на малые группы (разъезды), он обозревал значительное территориальное пространство. Главными задачами авангарда были разведка местности и обнаружение противника. Помимо военно-разведывательной задачи он выполнял и хозяйственную функцию. Крупные походы, как мы гово-

⁵¹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 29.

⁵² Юр-ко. Взгляд на степную войну // Военный сборник. 1873. № 2. С. 250; см. также: Абаза К. К. Указ. соч. С. 3; и др.

⁵³ Валиханов Ч. Ч. Исторические предания о батырах XVIII в. С. 216, 221.

рили, сопровождали косяки лошадей, катары верблюдов, отары овец. Отсюда важнейшей задачей авангарда было обеспечение водой и кормом идущих позади основных сил войска. Недостаток или отсутствие водоисточников, плохой подножный корм могли поставить поход под угрозу срыва. Обеспечение водой и кормом было наиглавнейшим условием любого военного предприятия кочевников.

В пути следования войска специально дробились на отдельные отряды с целью обеспечения подножным кормом животных и предотвращения вытаптывания травяного покрова. Впереди и по сторонам движения отрядов выставлялись охранные разъезды, следившие и за походным порядком. Гурты скота обычно гнали в тылу походного построения войска. Замыкал походное движение арьергард — тыловой отряд, который по численности приблизительно равнялся авангарду, так как в степи противник мог неожиданно появиться с фронта, с тыла или с флангов. Скорость движения войск в походе зависела от расстояния до ближайшего урочища с питьевой водой и кормом для скота. Выбор места для отдыха (ночлега) должен был удовлетворять не только хозяйственным, но и боевым условиям. Кочевники старались расположиться на отдых таким образом, чтобы фланги бивака прикрывали естественные преграды (холмистая местность, река), которые были удобны на случай обороны против внезапно появившегося неприятеля. Военный лагерь кочевников охраняли цепь часовых караулов и конные разъезды. Казахские воины брали в поход небольшие войлочные юрты — “жолым уй” (дорожное жилище). Походная юрта состояла “из трех-четырех звеньев решетки (канат), к которым привязывали жерди (уык), соединенные сверху без обода”⁵⁴, и по внешней форме напоминала стог. В такой мини-юрте в среднем могло отдохнуть до 10 человек и более. “Жолым уй” (по-русски джуламейки) широко употреблялись в период завоевательных походов русских

⁵⁴ Востров В. В., Захарова И. В. Казахское народное жилище. Алма-Ата, 1989. С. 34.

войск в Средней Азии⁵⁵. В случае отсутствия водоисточников на ночлеге кочевники рыли специальные временные колодцы (кудык).

Переправочным средством на крупных степных реках служил камыш, из которого воины сооружали прочные мосты, способные выдержать большую нагрузку, делали паром (сал) или лодки. В 1741 г. российские посланники Н. Гладышев и Д. Муравин были свидетелями переправы через Амударью трехтысячного казахского отряда во главе с Абулхаир-ханом: "И в оном месте для перевозу их через оную реку приготовлено было от аралыцев лодок з двадцать. И, ночевав, поутру на означенных лодках, через реку стали перевозиться, ставя на каждую лодку лошади по три и по четыре, а иных лошадей переправляли вплавь"⁵⁶.

Во время похода кочевники стремились двигаться скрытно, соблюдая меры предосторожности (ночные переходы, используя пересеченную местность — холмы, горы, овраги, передвигаясь небольшими отрядами и т. п.). К противнику и его территории подходили в основном ночью, захватывая в некоторых случаях "языка". Рано утром на рассвете войско неожиданно и молниеносно атаковывало врага. Характерный пример военных нападений этого периода: 21 августа 1724 г. казахи совместно с каракалпаками и башкирами, "объехав караулы их (калмыков), напали на них сонных и въехали в улусы сына Доржина, Лубжи, который и сам с трудом спасся и ушел"⁵⁷. Доминирующим тактическим приемом кочевников на войне был принцип внезапного и стремительного нападения. При приближении противника воины ускоренно передвигались по местности и занимали благоприятные боевые позиции. В 1771 г., преследуя волжских калмыков-торгоутов, казахское войско "(ходом чаб-

⁵⁵ Иванов Д. Туркестанские походы // Военный сборник. 1873. № 4. С. 389—391; Захарын Н. Н. Зимний поход в Хиву Перовского в 1839 году и первое посольство в Хиву в 1842 году. СПб., 1898. С. 45; и др.

⁵⁶ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 178.

⁵⁷ Материалы по истории каракалпаков. С. 181, 183.

дул) устремилось на Или и до прихода калмык окружило все броды”⁵⁸.

Казахи-кочевники в походе применяли методы передвижения традиционных перекочевков, для которых были характерны большая мобильность, способность к длительным переходам, интенсивная проходимость по пустынно-степной территории. Организационная структура казахских кочевков, так же как и походное движение ополчений, состояла из трех основных частей: впереди шли разведчики, за ними двигалась основная масса народа, а затем многочисленные стада⁵⁹. Военно-тактическая организация и способ действий казахских кочевников во время войны были во многом точной копией действий отрядов барымтачей и туркменских аламандчиков⁶⁰.

При обнаружении врага авангард, в зависимости от складывающейся боевой обстановки, либо атаковывал неприятеля и задерживал его до подхода основных сил, либо быстро оттягивался назад. Обычно при встрече передовых отрядов кочевники выставляли дозоры и караулы, а затем становились боевым станом на отдых. За это время подтягивались отставшие отряды, приводилось в порядок вооружение, а военачальники обозревали место будущего сражения.

Перед боем воины надевали боевое защитное вооружение и батыры выстраивали боевой строй войска. “Скоро хан снялся с поля, и каждый род сгруппировался под своим значком, выехали вперед батыры в кольчугах, в шлемах с перьями, с луками и стрелами, подошли к хану и образовали тоже кружок. Так вели совет: решено сделать нападение на неприятеля, хотя и в превосходном числе”⁶¹, — повествует о предбоевой обстановке в казахском войске Ч. Ч. Валиханов.

Сражение, как правило, начиналось утром на рассвете. По степным воинским обычаям битву предварял поединок батыров

⁵⁸ Валиханов Ч. Ч. Исторические предания о батырах XVIII в. С. 221.

⁵⁹ Тольбеков С. Е. Указ. соч. С. 215.

⁶⁰ Потто В. Указ. соч. С. 34—40; Росляков А. А. Аламань // Советская этнография. 1955. № 2. С. 41—53.

⁶¹ Валиханов Ч. Ч. Исторические предания о батырах XVIII в. С. 218.

двух противоборствующих сторон. Из рядов войска выходил наиболее испытанный в боях опытный воин-батыр и своим боевым ураном громогласно вызывал врага на поединок: "Жекпе-жек!" Это был своеобразный военный ритуал, прославляющий силу и могущество воинов и служивший поднятию боевого духа войска.

Для военного искусства кочевников был характерен постепенный ввод в ход сражения крупных боевых единиц. Первым в бой шел авангард, обстреливая противника из луков. Завязав сражение, передовые отряды проверяли боеспособность неприятеля. "Вступают в дело перестрелкою с неприсутственных мест, метанием стрел и, наконец, стремительным нападением толпою с криком "ги!", — отмечал С. Б. Броневский. — ...Горе тем, которые, не выдержав хладнокровно их натиска, покажут тыл"⁶². Целью мощной боевой атаки по фронту было опрокинуть или прорвать боевые порядки противника. Казахи действовали в основном конным строем лавой. Наиболее эффективным в атаке было использование в первых рядах отрядов копьеносцев, а следом за ними отрядов сабельщиков и воинов, вооруженных палицами и дубинами. При численном превосходстве, используя маневренно-мобильные качества конницы, полководцы старались охватить фланги с целью окружения противника. При неудачном первом натиске кочевники быстро отходили и перестраивали боевые ряды войска для новой атаки. В данном случае казахи, разделившись на несколько крупных группировок, с разных сторон нападали на врага, пытаясь дезориентировать его и скрыть направление главного удара. Такие казахские военные приемы сохранились вплоть до середины XIX в.⁶³ Бесперывные маневры и нападения приводили к расстройству боевого построения противника. Неоднократно номады применя-

⁶² Броневский С. Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки 1830. Кн. 121. С. 173, 175.

⁶³ Смоленский С. Дело двадцати казаков при мысе Чагра, 25-го июля 1870 года // Военный сборник. 1873. № 10. С. 239, 244.

ли такой военный прием, как атака по одному флангу и тылу⁶⁴. Обычно после такого массированного удара ряды боевых подразделений неприятеля смешивались и его командование теряло контроль управления войсками.

Другой известный традиционный военный прием — притворное бегство с целью заманивания врага в тыл под удар заранее приготовленной засады. Удобное расположение засады в горной местности, зарослях камыша и кустарника, степных балках и т.п. очень часто предопределяло весь ход сражения. А. А. Росляков в свое время высказывал интересную, не лишенную смысла точку зрения по поводу появления засад в военной тактике кочевников: "Этот прием вырос из практики набегов, когда часть воинов захватывала добычу и уходила с ней, а другие стояли (обычно скрытно) в полной готовности поддержать нападавших и отразить удар преследователей. Это повторялось несчетное число раз и, наконец, стало практиковаться и в полевом бою"⁶⁵.

Хан наблюдал за ходом боя и руководил войсками непосредственно, отдавая распоряжения из своей ставки. В ханской ставке располагался тактический резерв, который мог в любой момент прийти на помощь войскам. Обычно хан лично возглавлял отборный резервный отряд и вступал в бой в самый решительный и ответственный момент. Сохранение боеспособности тактического резерва давало высшему военному командованию кочевников изменить боевую ситуацию в свою пользу.

В бою казахи иногда активно применяли огнестрельное оружие (мылтыки). Судя по данным некоторых источников, в казахском войске существовали отдельные отряды стрелков, вооруженных фитильными ружьями:

"И конраты в сраженье пошли.
Ружья быстро установили,
И мергены зажгли фитили.

⁶⁴ Кляшторный С. Г., Султанов Т. Н. Указ. соч. С. 344; Бабур. Бабур-намэ. Ташкент, 1958. С.106.

⁶⁵ Росляков А. А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана... С. 238.

Ружья пулями зарядили,
Лошадьми себя защитили,
И тогда началась пальба,
Взвились клубы дыма и пыли”⁶⁶.

Как видно из текста, при стрельбе из ружья производилось по крайней мере пять операций, которые занимали значительный промежуток времени. Фитильные ружья в бою против кочевников были действенным оружием, но утрачивали свою эффективность при встрече с регулярными войсками оседло-земледельческих государств, вооруженных кремневыми ружьями и артиллерией. В 1740 г. генерал-лейтенант князь В. Урусов на встрече в Оренбурге с представителями Младшего и Среднего жузов говорил: “...у нас из пушки могут десять раз выпалить пока их, киргиз-кайсак, ружье заправить”⁶⁷.

Управление войсками осуществлялось с помощью знамен, барабанов, рогов и светодымовых эффектов. Звуки, издаваемые барабаном, давали сигналы войскам о наступлении, победе или отступлении. Воины каждого отряда ориентировались в бою на свои знамена и значки и старались держаться поближе к знаменосцу. Главной задачей знаменосца было не допустить падения знамени. Потеря боевого знамени символизировала поражение войска. После гибели знаменосца войско нередко охватывала паника и воины бежали с поля боя. В одном из сражений с джунгарами казахский Байгозы-батыр убил вражеского знаменосца, и “смерть знаменосца произвела смятение в рядах неприятеля. Киргизы воспользовались, ударили назад и обратили калмыков в бегство и таким образом вырвали победу из рук неприятеля”⁶⁸. Военные победы казахов сменялись и жестокими поражениями. Источники отмечают, например, что хан Среднего жуза Семеке с 10 тыс. воинов в 1733 г. напал на Уфимский уезд, но был разбит башкирами во главе с Таймас-

⁶⁶ Поэты пяти веков. С. 85.

⁶⁷ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 154.

⁶⁸ Валиханов Ч. Ч. Исторические предания о батырах XVIII в. С. 219.

батыром, “так, что ханское знамя и многих киргизцов побили и гнали до самых их жилищ”⁶⁹.

В источниках неоднократно встречается крайне негативная оценка боеспособности и военных качеств казахов-кочевников. И. Г. Андреев, например, пишет, что казахи “...на войне бывают слабы и, будучи хотя несколько тронуты, рассыпаются тот час, врознь и каждый ищет спасения своего бегством...”⁷⁰. А. И. Левшин добавляет: “Войны правильной они не ведут и вести не могут по недостатку подчинения, распорядка и согласия”⁷¹. Естественно, источники можно обвинить в некоторой тенденциозности, стереотипности и недостаточной информированности авторов, но сопоставление данных и их объективный анализ показывают, что в этих фактах есть доля истины.

Казахская военная организация XVII—XVIII вв., как нам известно, не имела единого военно-политического центра. Сбор вооруженных ополчений в большинстве случаев проходил стихийно и на относительно короткий срок. Предводители родовых отрядов часто действовали самостоятельно на свой страх и риск, не подчиняясь приказам хана. В некоторых военных походах у казахов даже отсутствовал единый верховный главнокомандующий и военная власть делилась между двумя или несколькими военачальниками, что затрудняло управление войсками. Между отдельными отрядами очень трудно было достичь согласованности военных действий, так как воины подчинялись только своему предводителю. В казахских народных ополчениях отсутствовали жесткая воинская дисциплина и порядок. Кочевники иногда не выдерживали фронтальной рукопашной схватки⁷². С другой стороны, у казахов-кочевников существовал целый ряд воинских сводов, положений и правил военной тактики — “Улкер жарик согысы”, “Ошак согысы”, “Ай кораланды согысы”, “Куйрык жеу согысы”, “Уры согысы” и т. д., передававшихся, как правило,

⁶⁹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 108.

⁷⁰ Андреев И. Г. Указ. соч. С. 78—79.

⁷¹ Левшин А. И. Указ. соч. С. 77.

⁷² Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 22.

устно от одного поколения батыров к другому. Несомненно, что в военной тактике казахов существовали специфические методы ведения войны и военные традиции (согласу эдістер), которые отличались от военных установок других номадов. Так, факты преднамеренного отступления кочевого войска могли трактоваться противником как бегство и проявление слабости. Казахи-кочевники в некоторых случаях избегали открытого столкновения ввиду превосходства сил и более эффективного вооружения неприятеля. В такой неблагоприятной ситуации кочевники придерживались тактики изматывания и распыления сил противника, изнуряя его мелкими сражениями, засадами, ночными нападениями и скрытными маневрами. С этой целью они отходили разрозненными частями, скрывали отход главных сил, заманивая врага в труднопроходимые горные, безводные и пустынные районы, отравляя или засыпая водоисточники. При отступлении активно применяли палы — искусственные пожары в степи — для уничтожения кормовых ресурсов. Кочевые аулы заранее уходили с театра военных действий, скрываясь в бескрайних степях, горных долинах и ущельях, или откочевывали на территорию сопредельных государств под защиту крепостей.

Казахи старались нападать на противника ночью или на рассвете, т. е. в такое время, когда он не ожидал атаки. В ночное время пользовались различными сигналами — огнем, криком зверей и птиц, особыми паролями и т. д. Кочевники обычно действовали малыми мобильными и легкоуправляемыми отрядами⁷³. Нападая со всех сторон мелкими группами, использовали различные тактические хитрости: быстро и скрытно маневрируя на местности, пускали клубы дыма, разжигали ночью множество костров, тем самым пытаясь внушить противнику мысль о своей многочисленности, изображали ложное окружение и т. п. У номадов в степях были многие преимущества: хорошее знание местности, расположения водоемов, умение легко ориентироваться

---

⁷³ Рязанов А. Исторические предпосылки к вопросу о формировании национальных киргизских частей // Советская Киргизия. 1924. № 3—4 (6—7). С. 30—38.

по природным признакам, использование особенностей рельефа и т. д.⁷⁴ Совершенно правильное замечание высказал исследователь военной истории казахов Г. И. Семенюк: “Хозяйственные потребности (выпас скота) и военные соображения (использование местности для укрытия людей и скота) обуславливали также и необходимость рассредоточение войск на небольшие отряды”⁷⁵. В условиях степного (кочевого) театра войны крупные военные группировки и их концентрация в одном районе, как показывают современные исследования, находились в известном противоречии с системой хозяйства кочевников, которые диктовали дисперсную организацию хозяйства и природопользования⁷⁶. Возможно, поэтому казахи-кочевники наиболее эффективно действовали небольшими хорошо организованными отрядами. Особенностью казахской военной тактики были быстрота и внезапность атаки, стремительный и короткий бой⁷⁷.

Военно-тактические приемы были самыми различными и обуславливались динамично складывающейся и развивающейся боевой ситуацией. В качестве наглядного примера можно привести поход отрядов Среднего и Младшего жузов против волжских калмыков, состоявшийся осенью 1726 г. Казахское войско численностью 10 тыс. человек во главе с ханами Абулхайром и Семеке, султанами Есимом и Бараком, перейдя реку Урал, стремительно напали на улус калмыцкого владельца Лубжи, располагавшийся в междуречье Волги и Урала, “оной разорили и людей, сколько могли застать побили, а жен их и детей и весь скот взяли в добычу и отправили от себя еще две партии, состоящая одну в тысяче, а другую в трехстах человеках, в морские косы для поиску протчих кроющихся от них

⁷⁴ Семенюк Г. И. Оружие, военная организация и военное искусство казахов в XVIII—XIX вв. // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. М., 1969. С. 270.

⁷⁵ Там же. С. 271.

⁷⁶ Масанов Н. Е. Кочевая цивилизация казахов. Алматы; М., 1995. С. 114—123, 159.

⁷⁷ Семенюк Г. И. Указ. соч. С. 271.

или мучат разными мучениями"⁸³. Такое отношение к невольникам было характерно для этого времени.

Наиболее опасным периодом года в военно-тактическом отношении для казахов-кочевников была зима — ранняя весна, т. е. тогда, когда они стационарно стояли на зимних пастбищах. В это время номады терпели значительные военные поражения. Это объяснялось, во-первых, тем, что они в это время теряли свое преимущество — маневренность и мобильность; во-вторых, зимние стойбища располагались разбросанно на значительных расстояниях друг от друга и не могли оказать своевременной помощи; в-третьих, конский состав в большинстве случаев терял свои физические качества зимой и требовалось время, чтобы его восстановить.

Кочевая стратегия войны строилась на подчинении или ослаблении военно-политических соперников в степи. Соответственно стратегической целью войны являлись разгром и уничтожение крупных вооруженных сил противника, захват жизненно важных военно-политических центров (ставка хана), вытеснение неприятельского населения или угон его в плен, установление на захваченной территории своего господства. В случае агрессии со стороны противника главной целью войны считались сохранение собственной территории обитания и политической самостоятельности, разгром и изгнание врага.

Таким образом, изучение казахского военного искусства показывает, что кочевники имели военное преимущество перед противником в теплый период года, а зимой — ранней весной становились объектом агрессии. Внутренняя специфика кочевого военно-потестарного организма активно воздействовала на уровень развития военного искусства казахов, что отразилось на войнах, которые вело Казахское ханство. В период военных конфликтов для тактики казахов характерны действия малыми отрядами, что было обусловлено прежде всего природно-климатическими и хозяйственно-экономическими условиями кочевого образа жизни.

⁸³ Ефремов Ф. Указ. соч. С. 30.

3.3. Джунгаро-казахские войны и их результаты

Казахско-джунгарские отношения — одна из ключевых проблем в истории международных отношений Центральной Азии XVII—XVIII вв.⁸⁴ Эти взаимоотношения надолго определили внешнеполитический климат в этом стратегически важном регионе и оказали значительное воздействие на развитие исторической ситуации. Достаточно сказать, что они сыграли немалую роль в период включения некоторых районов Казахстана в состав Российской империи. Составной (притом главенствующей) частью этой большой проблемы были джунгаро-казахские войны.

На рубеже XVI—XVII вв. часть калмыцких племен была вынуждена перебраться в южные районы Западной Сибири и северную часть Казахстана, где они вступают в затяжную вооруженную борьбу с Казахским ханством. Взаимные набеги и походы переходят в целенаправленные военные нападения с целью захвата добычи, пленных и подчинения пограничных улусов. Казахским ханам удалось отразить первый натиск калмыков. Постепенно ход событий ойрато-казахских контактов и отношений привел к тому, что калмыки становятся главными военными соперниками казахов на внешнеполитической арене.

После продолжительных междоусобных распрей внутри ойратских племен победу одержали князья (тайши) из рода Чорос — Хара-Хула и его сын Хото-Хочин (Батур-хунтайджи), что привело в 1635 г. к образованию сильного Джунгарского ханства.

Ойратское ханство с момента своего “рождения” представляло в первую очередь военно-кочевое образование западных монголов. Примечательно, что в Джунгарии сохранилась традиционная десятичная система военной организации⁸⁵. Причину этого следует объяснять, очевидно, тем, что среди запад-

⁸⁴ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII—XVIII вв.). Алма-Ата, 1991. С. 3.

⁸⁵ Там же. С. 34.

номонгольских кочевников военно-властные институты воспроизводились постоянно, несмотря на внутри- и внешнеполитические изменения.

Как мы уже указывали, у казахов-кочевников изучаемого периода военная организация утратила основные черты азиатской (кочевой) системы и вместо нее утвердилась военная структура, основанная на институте батыров. Не исключено, что здесь свою роль играл и географический фактор (размер территории, месторасположение кочевий, радиус кочевания, численность и плотность населения и ряд других условий). Огромная территория Казахстана и специфика природно-климатических условий не допускали концентрации больших людских ресурсов в одном районе (ареале) местообитания, и кочевое население располагалось рассредоточенно, выбирая наиболее благоприятные экологические ниши в природной системе. Закономерно, что плотность населения в казахстанском регионе была очень низкой. Степень кооперации на макрообщинном уровне фактически отсутствовала. Тем самым социоиnституциональные связи и формы взаимодействия успешно функционировали только в рамках малых общин. Отсюда следует, что десятичный принцип, предусматривающий прежде всего значительную концентрацию населения и ее упорядоченность в рамках определенной системы, не мог рационально действовать там, где не имелось предпосылочных условий. Но как только происходило сосредоточение населения в довольно больших размерах, складывалась более или менее устойчивая групповая общность, усиливались институциональные связи, а также расширялся поток информации, приводившей к увеличению форм и методов взаимодействия в рамках данного социоорганизма, объективно требовался регулятивный механизм, который бы упорядочил эту человеческую массу. Думается, что в Джунгарии XVII—XVIII вв. целесообразность создания такой военной системы была предопределена географическим положением региона, который мог в рамках определенного лимита допустить такую крупномасштабную концентрацию людского потенциала.

Следует сказать, что “у монгольских народов вообще каждый простолюдин или черный человек (хара-кеси) есть воин и должен лошадь и оружие в готовности иметь, дабы немедленно по приказанию князя своего явиться в поле”⁸⁶. Военный характер Джунгарского ханства достоверно подтверждается памятником монгольского обычного права XVII в. “ИХ ЦААЗ”. Этот важный документ был принят в 1640 г. на съезде монгольских и ойратских князей. Значительное количество статей “ИХ ЦААЗ” посвящено организации военного дела. Так, одна из них настоятельно гласила, что если страна подвергалась нападению неприятеля, то все, кто узнал, должны были своевременно оповестить своего князя. В случае нарушения данного правила виновник предавался смерти, его имущество конфисковывалось, а потомство изгонялось⁸⁷. Отсюда видно, какое значение придавали джунгарские правители своевременному известию о нападении противника.

Современные исследователи истории ойратов пришли к выводу, что “война у джунгар... являлась важнейшей частью их жизни, пронизывавшей и даже подчинявшей себе весь уклад их быта, организации, материальной и духовной культуры”⁸⁸. Действительно, вся внутренняя социальная организация и внешнеполитическая деятельность ханства были направлены на защиту границ, походы и войны против соседних кочевых и оседло-земледельческих стран. Джунгария находилась в состоянии военно-политической конфронтации на западных, восточных и отчасти на северных и южных границах ханства. Временные затишья сменялись продолжительными войнами, нападениями и набегами.

В джунгарском войске существовала жесткая военная дисциплина. При известии о приближении противника все воен-

---

⁸⁶ Цит. по: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1983. С. 271.

⁸⁷ ИХ ЦААЗ (“Великое уложение”). Памятник монгольского феодального права XVII в. М., 1981. С. 15.

⁸⁸ Моисеев В. А. О военном деле и войнах Джунгарского ханства // Из истории международных отношений в Центральной Азии. Алма-Ата, 1990. С. 69.

нообязанные должны были собраться в ставку князя. Того, кто уклонялся от военной повинности, ждало позорное наказание (его одевали в женскую безрукавку)⁸⁹. За несоблюдение воинских правил наказывались все независимо от социального положения — от тайши до простого воина. “Если кто из владетельных князей, вступив в бой с неприятелем, затем сбежит, то взять с него сто панцирей, сто верблюдов, пятьдесят семей (дворов) и тысячу лошадей”⁹⁰. Это говорит о том, что все мужское население Джунгарии несло воинскую повинность.

Джунгарского воина, сбежавшего с поля боя, “усмиряли” надеванием женской безрукавки, “а если покинет князя, то убить и разорить”. Факты измены или бегства строго устанавливались с помощью свидетельских показаний⁹¹. “Впрочем, — пишет о джунгарах П. И. Рычков, — почитаются на войне между тамошними народами за храбрых и искусных людей, тем паче, что все они, будучи подвластны одному владельцу, по повелениям своих ноенов или командиров точно исполняют”⁹².

Джунгарское вооружение состояло в основном из луков, копей, сабель, мечей различных типов, огнестрельного оружия (фитильных ружей, пищалей). Капитан И. Унковский, отправленный со специальной посольской миссией в Ургу (ставку) джунгарского хана, из своих наблюдений сделал вывод: “Оружье у них луки, копыя длиною 7 $\frac{1}{2}$ аршин, и много имеют пищалей, токмо все с жаграми, и сабли имеют; порох делают сами”⁹³. О степени распространения огнестрельного оружия среди ойратов свидетельствуют данные, приведенные в работе С. К. Богоявленского. В конце 20-х гг. XVII в. из 6 тыс. калмыцких воинов, находившихся на Эмбе, “800 имели огнестрель-

⁸⁹ ИХ ЦААЗ. С. 15.

⁹⁰ Там же. С. 15.

⁹¹ Там же. С. 14—15.

⁹² Рычков П. И. Топография Оренбургская. Спб., 1762. Ч. 1. С. 38.

⁹³ Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цеван-Рабтану капитана артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. Спб., 1887. С. 194.

ное оружие”⁹⁴. Даже по тем временам такое количество воинов, вооруженных ружьями, считалось значительным. Позднее, в XVIII в., появляется и собственная джунгарская артиллерия. В 1726 г. в Джунгарии (район Иссык-Куля) был построен первый завод по производству артиллерийских орудий, возглавленный бывшим сержантом шведской армии Ренатом, захваченным в плен ойратами в 1716 г. Из записок русского посла Л. Д. Угрюмова, находившегося в Джунгарии в 1732 г., известно, что “оной Ренат между разговоров объявил, я де здесь и всех пушек зделал токмо четырех фунтовых 15, да малых 5, да мортир десятифунтовых 3... И от других пленников российских было известно, что имеѣща де больше токмо за подлинно числа сказать не знают”⁹⁵.

Большое значение в становлении и развитии огнестрельного оружия джунгар сыграли российские военнопленные, “мастеровой люд” и просто беглецы, скрывавшиеся на территории ханства по различным причинам. В 1745 г. беглый русский Михайлов имел “медный завод около Урги, он же лил пушки”⁹⁶. Известны и другие русские мастера с сибирских заводов — Иван Болдыга, Зеленовский, Васильев, которые “помогали джунгарам добывать руду и лить металл, изготовлять предметы вооружения, в том числе пушки”⁹⁷. Производство вооружения контролировалось особыми чиновниками “бучи нэрами” (заведующими ружьями и пушками) и “бучинами” (ответственными только за пушки)⁹⁸. П. И. Рычков отмечал, что джунгарские пушки “во время войны возят на верблюдах и не снимая с них из оных стреляют, но

⁹⁴ Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. М., 1939. Т. 5. С. 65.

⁹⁵ МОЦА. Кн. 1. С. 285.

⁹⁶ Валиханов Ч. Ч. О хонтайше // Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 324—325.

⁹⁷ Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1983. С. 56—57.

⁹⁸ Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990. С. 70.

весьма не действительно, и так употребляются больше для стра-ху, нежели для вреда неприятелей"⁹⁹. Защитное вооружение джунгар было представлено железными шишаками, куяками, ватными кафтанами, с нашитыми на них металлическими пластинами шириной в ладонь, щитами¹⁰⁰. Ойратские воины по степени вооруженности и защиты делились на отряды латников, панцирников, кольчужников и простых воинов. Тот же И. Унковский видел несколько раз в Урге, как "шли вооруженные калмыки один за другим по одному человеку на каждой, стране в латах и шишаках с копьями и саблями 20 человек, в панцирях и ми-сюрках, с пищалями и саблями по 15 человек"¹⁰¹. Кража личного оружия ойратского воина преследовалась соответствующими ста-тьями закона¹⁰². Для пополнения своего боевого арсенала джун-гары, подчиняя окрестные народы и племена, заставляли подвла-стное им население платить ясак оружием¹⁰³.

В распоряжении джунгарских ханов и тайши находились отряды дружинников, в которых служили взятые в плен еще детьми казахские, монгольские и другие воины¹⁰⁴. Джунгарский боец, отправляющийся в поход, обязан был брать с собой несколь-ко запасных лошадей и продовольствие. Во время крупных по-ходов позади войска гнались лошади, овцы, верблюды, обеспе-чивающие воинов продовольствием¹⁰⁵. Походное движение джун-гарских и казахских войск основывалось на сходных принципах. Джунгарские войска делились в походе на несколько колонн, которые двигались параллельно друг другу. При встрече с не-приятелем одна колонна начинала бой, а другая обходила врага и наносила удар с фланга или тыла. Неоднократно ойраты дро-

⁹⁹ Рычков П. И. Указ. соч. С. 37; Бакунин В. Указ. соч. С. 212; и др.

¹⁰⁰ Богоявленский С. К. Указ. соч. С. 95.

¹⁰¹ Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи... С. 65, 101.

¹⁰² ИХ ЦААЭ. С. 19—20.

¹⁰³ Русско-монгольские отношения. М., 1959. С. 115—116; Бирзе А. К истории каракалпаков в XVIII в. // Красный архив. 1938. № 6. С. 227.

¹⁰⁴ Моисеев В. А. О военном деле и-войнах Джунгарского ханства. С. 70—71.

¹⁰⁵ Там же. С. 76.

бились на малые отряды с целью скрыть свое движение и обеспечить животных кормом¹⁰⁶. Джунгарское войско на поле боя имело в своем составе три крупные боевые единицы: центр, правое и левое крыло. Впереди высылались разведка и авангард. Перед сражением отряды джунгар строились по отделениям во главе со своими командирами. В ходе боя джунгарские подразделения управлялись различными сигналами, светодымовыми эффектами, знаменами и штандартами (бунчуками) и т. д.¹⁰⁷ Можно предполагать, что ойратская армия состояла из двух частей, различавшихся по уровню вооружения, — тяжелая и легкая кавалерия, попеременно действовавшие в ходе сражения. С. К. Богоявленский, например, указывает на определенную последовательность в применении боевых средств калмыков: “По мере приближения к врагу они пускали в дело стрелы, затем копья, а когда дело доходило до рукопашной, действовали саблями”¹⁰⁸.

Высокие маневренно-мобильные качества ойратской конницы давали возможность их военачальникам быстро перебрасывать войска на разные театры военных действий. Характерной чертой ойратского военного искусства XVII—XVIII вв. было действие нескольких крупных войсковых группировок. Так, джунгарский хан Галдан-Бошокту сначала “отправил в Халху с войсками своего младшего брата Дорчжи Ижаба, а вслед за ним и сам приготовился к движению на халкасов”. После поражения брата Галдан выступил лично с 30-тысячной армией¹⁰⁹. Одним из самых распространенных военно-тактических приемов ойратов был принцип двойного удара крыльев. Например, калмыцкий князь Дондук-Омбо с 13-тысячным войском “построился к бою полуциркулем” и атаковал противника с двух флангов¹¹⁰.

¹⁰⁶ Моисеев В. А. О военном деле и войнах Джунгарского ханства. С. 78—79.

¹⁰⁷ Там же. С. 77.

¹⁰⁸ Богоявленский С. К. Указ. соч. С. 95.

¹⁰⁹ Позднеев А. Монгольская летопись “Эрдэнийн эрихэ”. Спб., 1883. С. 191.

¹¹⁰ Бакунин В. Указ. соч. С. 209.

Если ойраты уступали противнику в численности и вооружении, то строили оборонительные укрепления, рвы, “рогатки”. Во время джунгаро-цинской войны 1690—1697 гг. войска Галдан-Бошокту в одном из боев вынуждены были обороняться. Джунгары создали “живую крепость” из верблюдов, соорудив на их спинах амбразуры. Из этой “верблюжьей крепости” воины вели обстрел противника¹¹¹. Ойратские военачальники умело использовали на войне особенности местности или ландшафта. Весной 1633 г. 3-тысячный калмыцкий отряд вступил в сражение с русскими стрельцами на реке Большой Узень между Волгой и Уралом. “Калмыки подожгли камыш, ветер дул прямо в лицо русским, так что дым и пыль мешали им заряжать свои пищали; калмыки же, обладавшие огнестрельным оружием, спокойно расстреливали русских”¹¹². При отступлении джунгары применяли различные военные хитрости: устраивали засады, отступали разрозненными отрядами, вели длительные переговоры и т. п.

Задолго до начала крупных военных кампаний джунгары тщательно изучали потенциального противника, засылали своих разведчиков и шпионов. “Для этой цели использовались лица ламаистской церкви, среднеазиатские, кашгарские купцы”¹¹³ и послы. У ойратов была хорошо налажена система караулов, застав и страж на своих границах. В разные стороны рассылались дозоры, следившие за обстановкой на территории противника. И. Унковский, следовавший к Цэван-Рабдану в 1722 г., постоянно встречал в степи джунгарские караулы, стоявшие довольно далеко от их основных кочевий¹¹⁴.

Как показывают источники, общая численность джунгарского войска при полной мобилизации достигала 100 тыс. во-

¹¹¹ Позднеев А. Указ. соч. С. 216—217.

¹¹² Богоявленский С. К. Указ. соч. С. 68.

¹¹³ Моисеев В. А. О военном деле и войнах Джунгарского ханства. С. 77—78; см. также: Галиев В. Караванные тропы. Алматы, 1994. С. 22—23.

¹¹⁴ Посольство к джунгарскому хун-тайжи... С. 20, 23, 33, 39.

инов¹¹⁵. Если учитывать, что население ханства составляло приблизительно от 600 тыс. до 1 млн. человек¹¹⁶, то эти данные вполне правдоподобны. Для сравнения отметим, что в Казахстане в этот период численность населения доходила в среднем до 2—2,5 млн. человек¹¹⁷ и соответственно превышала численность населения Джунгарии почти в 2 раза. Людские ресурсы Казахского ханства позволяли вести длительные кровопролитные войны, особенно в первой половине XVIII в. Однако численность вооруженных сил обеих сторон постоянно менялась и зависела от хода и результатов военных действий, а также от конкретной военно-политической ситуации, напрямую обуславливавшей реальные возможности как джунгар, так и казахов. Устойчивое эффективное функционирование джунгарской “военной машины” было детерминировано природными условиями. Джунгария, располагавшаяся на меньшей территории, чем их противник — Казахское ханство, могла “в более короткие сроки, чем казахские правители, осуществлять сбор войск, более эффективно контролировать политическую ситуацию в стране”¹¹⁸. Действительно, казахскому кочевому скотоводству были присущи длительные меридиональные маршруты, которые в оба конца иногда имели расстояние до 2000—2500 километров¹¹⁹. Безусловно, такая амплитуда кочевания не позволяла казахам-кочевникам своевременно собрать вооруженные отряды и выступить против внезапно напавшего неприятеля.

После образования Джунгарского ханства ойраты активизировали свою внешнюю политику на западе. В русских доку-

¹¹⁵ Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи... С. 194.

¹¹⁶ Гуревич Б. П. Указ. соч. С. 115; Чимитдоржиев Ш. Б. Антиманьчжурская борьба монольского народа. Улан-Удэ, 1974. С. 69.

¹¹⁷ Левшин А. И. Указ. соч. С. 3—4.

¹¹⁸ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 39.

¹¹⁹ Масанов Н. Э. Указ. соч. С. 66, 82; Цинман М. Э. Методологические проблемы типологии отношений собственности у кочевников. Алма-Ата, 1992. С. 49—72.

ментах имеется сообщение о войне ойратов с казахами зимой 1635 г.¹²⁰

Зимой 1643 г. Батур-хунтайджи с 50-тысячным войском союзников выступил в очередной поход на Казахстан. Вначале джунгарам удалось захватить “две землицы алатай киргизов, да токмаков тысяч з десять. И после де того учинилась весть Янгиру царевичу, и Янгир // де контайше пошел навстречу с войском, а войска де было с Янгиром шестьсот человек. И Янгир де покопав шанцы посадил триста человек с огненным боем. А сам с тремя стами стал в прикрытье за камнем. И так де тайша с воинскими людьми приступил к шанцам, и с шанцов де у контайши побили многих людей. И з другую де сторону на нево ж, Контайшу, приходил с воинскими людьми сам Янгир и побил де у Контайши на тех двух боях людей тысяч з десять”. В разгар боя к Жангиру подошло сильное подкрепление численностью 20 тыс. воинов во главе с Жалантос-багадуром (из рода Алшин), что, возможно, и предрешило исход этого кровопролитного сражения¹²¹. Батур-хунтайджи вынужден был отступить с большими потерями. Позднее было установлено, что эта знаменитая битва произошла в районе Джунгарского Алатау на реке Орбулак¹²². С тех славных времен “казаки прозвали Джангыра “Салкам Джангыр” (“внушительный, представительный Джангыр”)¹²³.

Батур-хунтайджи, раздраженный поражением, стремился нанести решительный удар по Жангиру в том же 1643 г., но это-

¹²⁰ МОЦА. Кн. 1. С. 82; Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Указ. соч. С. 309; Богоявленский С. К. Указ. соч. С. 72.

¹²¹ МОЦА. Кн. 1. С. 103—104; Создание оборонительных укреплений, рвов и окопов было распространенным явлением в военном деле и других кочевых народов этого периода. См.: Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька: Полное собрание ученых путешествий по России. Спб., 1824. С. 433; Материалы по истории каракалпаков. С. 188—189.

¹²² См. подробно: Мамырулы К. Қазақ халқынын жоңғар басқыншыларына қарсы күресі. Алматы, 1994. 78—84 б.

¹²³ Тынышпаев М. Указ. соч. С. 160—161.

му мешали, прежде всего, внутриоратские противники, “которые с ним во брани, Кунделен-тайша и Талай тайшины дети”, придерживавшиеся проказахской ориентации или стремившиеся к сохранению дружеских отношений с ними. С целью нейтрализации своих ближайших врагов хунтайджи направил к Хо-Урлюку посланцев с просьбой, “чтоб де Урлюк // тайша дал ему, контайше, людей своих на помощь и велел бы де людям своим итти на Кунделен тайшу войною”. С другой стороны Батур, опираясь на союз с волжскими калмыками, предполагал двинуться в поход против Жангира и Жалантос-багадура. Из того же источника известны военные силы двух враждебных коалиций: “У Урлюка-тайши воинских людей, которые с ним на войну ходят, тысяч с семьдесят, а у Контайши воинских служилых людей, которые с ним на войну ходят, тысяч з двадцать да ясашных людей тысяч з десять, а у Янгира де людей тысяч с пятнадцать, а Яландуша тысяч з двадцать”¹²⁴. Безусловно, в случае заключения военного договора с Хо-Урлюком он имел бы значительное численное превосходство над своими противниками. Более того, Жангир и его союзник Жалантос оказались бы под двойным военным ударом, как с востока, так и с запада. Но планы джунгарского хана оказались нереализованными, так как “ево Контайшинных послов Кунделен-тайша на дороге перенял”¹²⁵.

Несмотря на это, в 1646 г. джунгары совершили крупное вторжение в Казахстан. В боях было взято много пленных, в том числе брат Жангира с женой и детьми¹²⁶. Через некоторое время был заключен мирный договор между джунгарами и казахами. Активное участие в джунгаро-казахских войнах этого периода принимали притяньшаньские кыргызы, которые действовали в отрядах Жангира. Известны имена кыргызских батыров — участников Орбулакской битвы — Котен, Табан¹²⁷.

¹²⁴ МОЦА. Кн. 1. С. 104.

¹²⁵ Там же. С. 104.

¹²⁶ Там же. С. 110.

¹²⁷ Мамырулы К. Көрс. шығ. С. 82, 84.

После смерти Батур-хунтайджи в 1654 г. джунгарским ханом официально стал его сын Сэнгэ. Кратковременный мир был вновь нарушен военными столкновениями. Уже в 1658 г. джунгары продвинулись до реки Талас¹²⁸. Во второй половине XVII в. ойраты во главе с Галданом трижды вторгались на территорию Казахстана (1681, 1683, 1684 гг.). Судя по некоторым данным, возможно, в начале 80-х гг. XVIII в. “в одном из сражений погиб казахский хан Джангир”¹²⁹. Хотя в историографии существуют и другие, более ранние даты его гибели¹³⁰.

Посыльные Галдана — Аюка-Кашка и Очин-Кашка — говорили иркутскому воеводе Л. Кислянскому весной 1691 г., что джунгары захватили восемь южноказахстанских городов, в их числе: “Сайрам, Менкет, Харасман, Чимыгэт (Чимкент), Текек, Бабан Елган, Харамурол, Чинак”. По их сведениям, в Казачьей Орде только остался один “Ясун город, где живет владелец Тююкэ-хан...”, и Ташкент, который добровольно подчинился джунгарскому хану, заплатив ясак¹³¹. На рубеже XVII—XVIII вв. в состав Казахского ханства входили 32 города¹³², располагавшиеся в основном в присырдарьинском бассейне. Южноказахстанские города были важными торгово-экономическими и военно-стратегическими центрами. Если рассматривать их в аспекте военно-оборонительных возможностей, то наиболее укрепленными были столица (ставка) казахского хана Тауке (1680—1715 гг.) г. Туркестан (Яссы) и Ташкент, а все остальные города не имели сильной фортификационной системы. Поэтому джунгарские армии легко захватывали их после непродолжи-

¹²⁸ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи. С. 48.

¹²⁹ Там же. С. 50.

¹³⁰ См.: Златкин И. Я. Указ. соч. С. 132; Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Указ. соч. С. 310; и др. Эта группа исследователей считает, что Жангир погиб в 1652 г. в единоборстве с сыном Очирту-цэцэн-хана Галдамой.

¹³¹ МОЦА. Кн. 1. С. 213. См.: Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи. С. 51.

¹³² Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVIII вв. Л., 1932. Ч. 1. С. 263—265.

тельной осады. Военная оккупация этих городов не принесла каких-либо существенных экономических дивидендов Галдану. Приблизительно в начале 90-х гг. они перешли обратно в руки казахов.

В конце XVII в. международная обстановка в Центральной Азии крайне осложнилась. Цинский Китай, захватив Восточную Монголию (Халху), вплотную приблизился к границам Джунгарского ханства и стал представлять реальную военную угрозу его существованию.

Таким образом, в течение продолжительного времени (1635—1697 гг.) джунгарские правители предпринимали неоднократные попытки военного разгрома Казахского ханства и насильственного включения близлежащих казахских кочевий. Военные походы джунгар хотя и имели начальный успех, но не достигли своих главных целей.

Казахстан в эпоху правления Тауке-хана представлял собой относительно единое объединение казахских кочевников. Хотя Тауке-хан и считался верховным правителем казахов, но он не обладал всей полнотой власти. Все наиболее важные вопросы внутренней и внешней политики обсуждались и решались на регулярных советах высшей кочевой знати. Такое положение объективно не позволяло быстро и адекватно решать актуальные проблемы и вопросы внешней политики. Вместе с тем только такие собрания казахских правителей были, видимо, самыми действенными органами управления в тех исторических условиях, потому что другого более эффективного механизма власти в Казахстане не было. После смерти Тауке каждый жуз стал отдельной политической единицей со своим ханом. В первой половине XVIII в. Казахское ханство характеризуется прежде всего слабостью ханской власти и перманентной политической децентрализацией¹³³.

¹³³ Рычков П. И. Указ. соч. С. 154; Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 22; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 89; см. также: Макиевский П. Е. Дневник Джона Кэстля... С. 141; Ханыков Ч. Я. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году. С. 4—5; Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. Спб., 1910. С. 19; и др.

Смерть Галдана способствовала переходу власти в Джунгрии его племяннику (сыну Сэнгэ) Цэван-Рабдану (1697—1727), правившему под титулом “Ердени Журукту контайша”¹³⁴. Через год после прихода его к власти 40-тысячная джунгарская армия разгромила казахские улусы Старшего жуза, кочевавшие на реках Чу и Талас. В результате похода было убито несколько тысяч человек и захвачено 10 тыс. пленных¹³⁵.

В своем письме к маньчжурскому императору Канси Цэван-Рабдан называет несколько основных причин начала военных действий против казахов. Во-первых, казахский владетель попросил хунтайджи возвратить сына Тауке-хана, ранее захваченного войсками Галдана и отправленного в Лхасу, “и покончить с обидами”. Цэван-Рабдан, уступая просьбам, отправил этого султана с охраной в 500 воинов домой, но Тауке “убил всех этих 500 человек, затем убил также подвластного... Уэрхүдэ батура-тайцзи, захватил его людей. В завершение всего, еще ограбил и захватил более 100 [моих] урянхайцев с семьями”. Во-вторых, казахи напали на караван дочери Аюки-хана, засватанной за джунгарского хана. В-третьих, “осенью прошлого года, купцы [Вашего] слуги возвращались из Олосы (России), они также были ограблены [Таке]. Казахи неоднократно совершали преступления против [Вашего] слуги. За все злодеяния [вынужден] поднять войска и идти [на них] войной”¹³⁶.

О неприязненных отношениях и противоречиях между Тауке и джунгарским ханом сообщает и казахское предание, записанное М. Тынышпаевым. По рассказу информатора, к Алдияру, как главному казахскому батыру, прибыл калмыцкий хан (хонтайша) с целью заключить мирное соглашение и “отказаться от враждебных нападений”. С этим предложением Алдияр поехал к Тауке-хану. Последний не только отказался от мира с кал-

¹³⁴ Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайскими государствами с 1619 по 1792-й год. Казань, 1882. С. 75.

¹³⁵ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 62.

¹³⁶ Китайские документы и материалы... С. 60—61.

мыками, но и решил убить хонтайшу. Алдияр, не нарушая святого принципа гостеприимства среди кочевников, “наотрез отказался выдать своего гостя, уехал от Тауке и стал готовиться к отпору нападения хана”. В произошедшем сражении между ними батыр “отразил нападение Тауке” и “на другой день с почетом отправил калмыцкого хонтайши к себе на родину”¹³⁷. Этот факт говорит о том, что отдельные “главные” батыры начинают играть ведущую роль в Казахском ханстве, а в случае внутреннего вооруженного конфликта они, опираясь на свою военную силу, реально могли противостоять ханской власти.

Как подчеркивает И. Я. Златкин, “война 1698 г. положила начало новой полосе вооруженных столкновений между ойратскими и казахскими феодалами. Именно с этого времени Джунгария начала превращаться в главную опасность, угрожающую независимости и самостоятельности феодального Казахстана”¹³⁸. С этим нельзя не согласиться, так как в период ханствования Цэван-Рабдана джунгаро-казахские войны велись одна за другой.

В 1702 г. казахи совершили ответный удар по Джунгарии за нападение 1698 г. Поход оказался неудачным, и уже в 1703 г. от Тауке-хана и Каип-султана был направлен посол для заключения мира. В 1708 г. ойраты вновь вторглись в земли Старшего жуза. Опасаясь разгрома и истребления, значительные массы казахов были вынуждены покинуть “свой исконный юрт и положились на укрепление Ташкента”¹³⁹. Через два года в Каракумах был проведен всеказахстанский съезд трех жузов, на котором обсуждался вопрос об отношениях с Джунгарией. Среди них выявилось два подхода — одна часть была настроена на активные военные действия, другая добивалась примирения с джунгарами. Политическую атмосферу и накал страстей ярко описал в своих неопубликованных записках Я. Гавердовский. После бурных дебатов участники собрания договори-

¹³⁷ Тынышпаев М. Указ. соч. С. 221—222.

¹³⁸ Златкин И. Я. Указ. соч. С. 215.

¹³⁹ Цит. по: Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 64—65.

лись о сборе общеказахского войска во главе с батыром Богенбаем из рода Канжигалы. Достигнув единства и согласованности военных действий, казахским ополчениям удалось одержать ряд побед над джунгарами в 1711—1712 гг.¹⁴⁰

Положение ойратов в этот момент было довольно сложным, потому что начались военные столкновения с маньчжурами. Цэван-Рабдан вынужден был внимательно следить за своим опасным восточным соседом. На границах с Цинской империей он постоянно держал крупные военные силы. Цинский фактор — угроза войны на востоке Джунгарии — благоприятствовал военным действиям казахов против джунгар.

Достигнув кратковременной внешнеполитической стабилизации на южных и восточных рубежах Джунгарии, Цэван-Рабдан в 1716 г. направил свои войска на казахские кочевья. Ойратская армия под командованием Цэрэн-Дондука разбила казахское ополчение и захватила значительное количество пленных¹⁴¹. Уже в сентябре 1716 г. от Каип-хана в Тобольск к генерал-губернатору М. П. Гагарину пришли казахские послы Бекбулат Екешев и Байдаулет Буриев, которые заявили, что “он, Хаип-хан, с царским величеством желает быть в вечном миру; а с контайшей де у него, Хаип-хана, ссора из давних лет, и ныне де, по отъезде их посланцев, хотел итти на него, контайшу, войною в десяти или пятнадцати тысячах. И впредь, буде великий государь укажет ходить на него, контайшу, войною, и он де Хаип-хан всегда будет готов на него ходить войною с одними своими людьми в двадцати или в тридцати тысячах, или с русскими воинскими людьми вместе”¹⁴². По русским документам за 1716 г. явно прослеживается тенденция казахских правителей, и прежде всего Каип-хана, заручиться военной под-

¹⁴⁰ Гавердовский Я. Обзорение Киргиз-Кайсацкой степи, или описание страны и народа киргиз-кайсацкого. Ч. 2. 1803 г. // Рукописный отдел ЛОИИ АН СССР. Д. № 495. Л. 52; Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи. С. 66—67.

¹⁴¹ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 69—70.

¹⁴² МОЦА. Кн. 1. С. 236—237.

держкой со стороны российской администрации в Сибири. С другой стороны, и русское правительство пыталось использовать вооруженные силы Казахского ханства против агрессивной экспансии джунгар¹⁴³. Но эти переговоры не дали никаких практических результатов.

Осенью 1717 г. объединенная 30-тысячная казахская армия, возглавляемая ханами Абулхаиром и Каипом, направилась в сторону Джунгарии. Возможно, правы те исследователи, которые считают, что этот поход был превентивным (упреждающим) ударом казахов против джунгар¹⁴⁴. Опасаясь очередной большой войны, казахские владетели заранее решили нанести крупное поражение джунгарам с целью ослабить их военный потенциал. Время и сроки похода были выбраны казахскими стратегами весьма удачно. В 1717 г. началась вторая цино-джунгарская война (1717—1722 гг.). Военно-политическое руководство ойратов бросило все имеющиеся военные и людские ресурсы на оборону против наступления Цинов. Естественно, что так называемый (условно) “западный фронт” против казахов оказался практически незащищенным. Свидетельством тому является сражение, которое произошло между джунгарами и казахами на реке Аягуз (совр. Восточно-Казахстанская обл.). Казахское войско встретил всего тысячный отряд джунгар. Скорее всего, этот малочисленный отряд выполнял роль заслона, основной задачей которого было задержать неприятеля до подхода главных сил ойратского войска. Упорный бой продолжался в течение дня и закончился безрезультатно. Ночью джунгары, “нарубя лесу, сделали деревянный вал и сели в осаду, а казахи-де також сделали вал выше калмыцкого и с того вала по калмыцком стреляли два дни. И на третий-де день явилось

¹⁴³ МОЦА. Кн. 1. С. 238—239, 244—245.

¹⁴⁴ Валиханов Э. Ж. Вооружение и тактика военных действий казахов в период борьбы против джунгарской агрессии // Освободительная борьба казахского народа за свою свободу и независимость в первой половине XVIII века: (Матер. науч.-теорет. конф., посв. 300-летию батыра Богенбая). Целиноград, 1991. С. 50.

из стороны калмыцкого войска еще тысячи с полторы и наехали на кашевые их станы, и кашевары де, испужався, побежали, а за ними-де и их казачье войско возвратились...”

Источники довольно противоречиво говорят о количестве джунгарского войска. Так, некоторые очевидцы — участники боя рассказывают, что “по-утру рано, приехали множество калмыков и напали на их войско вдруг и они-де, казаки, стреляли на них их фузей и калмыки де напали на них с копьи жестоко, и они-де, не стерпя того, побежали все и за ними калмыки гнали полдни и их людей побили...” Другой информатор сообщает, что число пришедших на помощь калмыков составляло 800 человек, причем было убито 400 казахских воинов и захвачен весь лагерь¹⁴⁵. Внимательное изучение всех данных позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что ойратское подкрепление было в суммарном отношении довольно значительным. Джунгарские военачальники нанесли два внезапных удара одновременно, “по-утру рано”, как по боевому лагерю, так и по расположению казахского войска. Инициатива боя и ход тактической ситуации быстро перешли в руки противника. На наш взгляд, главной причиной поражения следует считать не столько разногласия и несогласованность действий между Каипом и Абулхаиром¹⁴⁶, сколько то, что казахское войско не выдержало жесткой джунгарской “копейной атаки”.

В начале 20-х гг. XVIII в. военные действия против маньчжур проходили неблагоприятно для джунгар, но смерть китайского богдыхана Канси в декабре 1722 г. неожиданно отвела опасность военного разгрома Джунгарии. Преемник Канси император Юнчжэн, стремясь быстрее закончить тяжелую изнурительную войну, в конце 1722 г. заключает мир с ойратами¹⁴⁷.

Джунгарское военное командование начало ускоренно перебрасывать свои войска на запад к восточным и юго-восточным рубежам Казахстана. Ойратские военачальники, сосредото-

¹⁴⁵ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 22.

¹⁴⁶ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 70.

¹⁴⁷ Там же. С. 71.

точив большую часть войск, внезапно напали в феврале — марте 1723 г. на казахские кочевья Старшего и Среднего жузов¹⁴⁸. Ойраты действовали несколькими крупными группировками на огромном фронте от района верхнего Иртыша до рек Чу и Талас. Зимне-весенний сезон — тяжелый период в жизни казахов-кочевников — время окота животных и перехода кочевий на весенние пастбища. Успешному нападению джунгар способствовало также то, что казахские улусы, стоявшие на зимних стойбищах, были разбросаны на большом пространстве и не могли оказать должного отпора противнику. Сохранившиеся казахские предания, собранные М. Тынышпаевым, показывают неготовность казахов в военном отношении в начальный период агрессии¹⁴⁹. Застигнутые врасплох, почти не оказывая сопротивления, казахи массами бежали за пределы своих степей, бросая по пути скот, имущество, стариков, детей¹⁵⁰. Значительное количество людей погибло во время преследования джунгар и переправ через переполненные весенние реки Талас, Боролдай, Арысь, Чирчик, Сырдарью и др. Казахи Старшего и часть Среднего жузов перешли через многоводную Сырдарью, выше впадения в нее реки Чирчик, и направились к Самарканду и Бухаре. Младший жуз переправился в районе среднего течения Сырдарьи (совр. Кызылординская обл.) и бежал в Хиву¹⁵¹.

Нашествие джунгар коренным образом изменило геополитическую карту Казахстана, Средней Азии и южных окраин Российской империи. Бежавшие от погрома захватчиков казахи-кочевники заполнили территорию Средней Азии. Младший и некоторые роды Среднего жуза потеснили кочевья волжских калмыков, каракалпаков и башкир. Джунгарам удалось захватить ряд городов на юге Казахстана и в Средней Азии (Ташкент, Туркестан,

¹⁴⁸ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 71.

¹⁴⁹ Тынышпаев М. Указ. соч. С. 187—188.

¹⁵⁰ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 72.

¹⁵¹ Тынышпаев М. Указ. соч. С. 163—165, 189—190; Левшин А. И. Описание... Ч. 2. С. 69—70.

Ходжент)¹⁵². Джунгарская агрессия 1723—1725 гг. вошла в историю казахов под названием “Ақтабан Шубрыңды” (Годы великого бедствия). Совершенно справедливо первый этап этой войны датируется периодом с 1723 по 1725 г.¹⁵³ (период военных неудач и поражений казахов). Отдельные локальные вспышки сопротивления, оказанные казахскими ополчениями, подавлялись значительно превосходящими силами противника. В “Материалах по истории каракалпаков”, например, отмечается, что летом 1725 г. “...касаки, разделясь на четыре партии, ходили под калмык, под башкиров, под Бухару, под хан-тайшу, — и во всех четырех партии побиты”. Причем джунгарами было разграблено “десять тысяч кибиток” казахов из 50 тыс., а остальные ушли к реке Эмбе¹⁵⁴.

Причины поражений казахов были связаны с тем внутриполитическим состоянием, в котором находились казахские жузы. После смерти Тауке-хана (1715—1716 гг.) казахские владельцы жили своей самостоятельной внутренней и внешнеполитической жизнью. Раздробленность и разрозненность казахских ханств, неустойчивая военная организация, слабое вооружение по сравнению с джунгарами способствовали успеху завоевателей. Как свидетельствуют документы тех лет, “...киргиз-кайсацкие орды... могли б тех калмык одолеть, ежели б обще согласились, а у них один хан с войною войдет, а другой оставляет, и так свое владение у калмык теряют”¹⁵⁵.

Грозная опасность заставила представителей трех жузов собраться в 1726 г. в местности Орда-Бас (“Главная ставка”), расположенной недалеко от г. Туркестана. Военная угроза “примирила внутренние междоусобия, возродила общее согласие и направила всех к одному предмету”. На этом совещании было

¹⁵² Посланиик Петра I на Востоке. М., 1986. С. 123; Посольство кзюнгарскому хун-тайчжи... С. 102.

¹⁵³ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 74.

¹⁵⁴ Материалы по истории каракалпаков. С. 183—184; см. также: Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. Ташкент, 1988. С. 265—266.

¹⁵⁵ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 106.

принято решение о создании объединенного ополчения всех трех жузов. "Общее предприятие тот час освящено клятвой верности друг другу. Хан Абулхаир избран главным предводителем и белый конь, принесенный по обычаю народному в жертву"¹⁵⁶. По-видимому, этот военный обычай, описанный А. И. Левшиным, символизировал единение казахов. М. Тынышпаев выяснил местопребывание основных военных сил казахов. По его мнению, в районе верховьев рек Боролдай и Кошкар-Ата в южном Казахстане были расположены две ставки казахских ханов: "Улкен Орда конган" (стоянка верховного хана Болат) и "Кши Орда конган" (стоянка хана Абулхаира). Отряды Старшего жуза, переправившись через Сырдарью, прошли через Келес-Бадамский хребет, находившийся западнее Казыкуртских гор, немного севернее двигалось ополчение Среднего жуза, а "Младшая Орда наступала по западному склону Каратауских гор"¹⁵⁷. Ополчение жузов возглавляли наиболее прославленные и опытные батыры-полководцы, отличившиеся в предыдущих многочисленных сражениях с джунгарскими захватчиками. Войско Старшего жуза находилось под командованием Саурык-батыра, Среднего — Кабанбая, Младшего — Тайлака¹⁵⁸.

В 1727 г. войска трех жузов разбили джунгарскую армию в местности Кара-сыир на речке Буланты, вблизи от реки Сары-Су. Это место до сих пор называется "Калмак Кырылган" ("массовое убийство калмыков"). Как считает В. А. Моисеев, успешному ходу этой джунгаро-казахской войны способствовали два важных факта: во-первых, в 1727 г. умирает Цэван-Рабдан (по некоторым данным, он был убит своими приближенными)¹⁵⁹ и в Джунгарии вспыхнула кровавая борьба за власть между сы-

¹⁵⁶ Левшин А. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 71; Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи. С. 78—79.

¹⁵⁷ Тынышпаев М. Указ. соч. С. 166, 193, 195.

¹⁵⁸ Подробные данные о ходе военных действий и участие в них батыров, приведены в работе: Мамырулы К. Көрс. шығ. 147—168 б.

¹⁵⁹ Бантыш-Каменский Н. Указ. соч. С. 75.

новьями хунтайджи; во-вторых, с 1728 г. началась третья циноджунгарская война и главные военные силы ойратов были отправлены в Западную Монголию¹⁶⁰. Джунгария объективно не могла воевать в это время на два фронта — против казахов и маньчжур.

Второе крупное военное сражение между джунгарами и казахами произошло в 120 километрах к юго-востоку от озера Балхаш в 1729 г. По сведениям некоторых авторов, в этой битве казахи применили тактический принцип “троскратного удара” и нанесли сокрушительное поражение ойратам¹⁶¹. Вскоре после этой битвы началась борьба между казахскими ханами Абулмамбетом, Семеке и Абулхайром по вопросу о верховном хане казахов. В конечном счете борьба за власть привела к тому, что отряды Младшего и Среднего жузов были вынуждены уйти с театра военных действий. Внешнеполитическая обстановка и объединение вооруженных сил благоприятствовали победному окончанию войны, но “казахи не смогли воспользоваться военными и политическими результатами этой победы и развить успех”¹⁶².

По завещанию Цэван-Рабдана власть в Джунгарском ханстве перешла к его старшему сыну Галдан-Цэрену. Именно при нем Джунгария достигает наивысшего могущества. “Зенгорскому-калмыцкому владельцу Галдану-Чирину, который есть между прочими всеми тамошними народами сильной и войск своих имеет до осмидесят тысяч человек с огненным ружьем”¹⁶³, — констатируют источники. Продолжая политику отца, в первые годы своего правления Галдан-Цэрен вынужден был вести тяжелую войну с Цинской империей (1728—1735 гг.). За корот-

¹⁶⁰ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 88—89; см. также: Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971. С. 128.

¹⁶¹ Бек Казыбек // Азия даусы. 1993. Март. № 5; Мамырұлы К. Көрс. шығ. 156—162 б.; Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 80.

¹⁶² Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 111.

¹⁶³ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 109; см. также: Рычков П. И. Указ. соч. С. 35.

кий срок с 1730 по 1731 г. ойраты разбили в трех сражениях маньчжурские армии¹⁶⁴. Дальнейший ход военных действий проходил с переменным успехом. В 1735 г. джунгары после продолжительных переговоров заключили перемирие с богдыханом¹⁶⁵.

В китайских источниках за 1731 г. указывается, что “Галдан-Цэрен приказал мужу своей младшей сестры Лобуцзян-Церену во главе 10-тысячного войска направиться в Алимату-Силабар для обороны от казахского государства”¹⁶⁶. Джунгарский военачальник был отправлен Галдан-Цэренем в ближайшие пограничные районы с Казахстаном. Ойраты постоянно держали на своих границах сильные охранные отряды и караулы, опасаясь нападений казахов. Первая половина 30-х гг. XVIII в. прошла во взаимных мелких сражениях. Казахские отряды периодически совершали набеги и грабили находившиеся поблизости ойратские кочевья. Те же источники сообщают, что весной 1731 г. казахи захватили тысячу “дворов джунгар, проживающих в местности Чу-Талас... Кроме того [казахи] угнали 2—3 тыс. голов коней из других кочевий Джунгарии”. В следующем году было захвачено 700 джунгарских семей¹⁶⁷.

После прекращения активных боевых действий против маньчжур Галдан-Цэрен стал постепенно выводить войска с восточного фронта и размещать их вблизи казахской территории. Приблизительно в 1735 г. джунгары вторглись в земли Старшего жуза. Казахские владельцы Старшего жуза вынуждены были признать джунгарское господство¹⁶⁸. Причину захвата казахских земель джунгарский посол Кашка объяснял российским чиновникам в 1741 г. следующим образом: “Напредь сего Большая киргис-кайсацкая орда, воровски подбегая под зюнгорские владения, вред причиняли. Того ради зюнгарский вла-

¹⁶⁴ Бантыш-Каменский Н. Указ. соч. С. 192.

¹⁶⁵ Златкин И. Я. Указ. соч. С. 242—243.

¹⁶⁶ Китайские документы и материалы... С. 63.

¹⁶⁷ Там же. С. 64, 65.

¹⁶⁸ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 105—108.

делец не мог боле терпеть, принужден силою оружия их усмирить и в свое точное подданство покорил. И ныне тому с восемь лет со оной орды в зюнгорское владение каждогодно в аманаты старшинские дети берутся”¹⁶⁹. Побудительными мотивами джунгарского захвата Старшего жуза и присырдарьинских городов было стремление Галдан-Цэрена контролировать торговые пути, а также “обезопасить свои границы от вторжений казахских дружин и получить новый источник доходов”¹⁷⁰.

Во второй половине 30-х гг. ойратское руководство стало готовить крупный поход в Казахстан с целью подчинения Среднего жуза¹⁷¹. В условиях тяготения части казахских правителей к России Галдан-Цэрен пытался нанести сильный удар по Среднему жузу. Весной 1739 г. ойратские войска численностью 24 тыс. человек под командованием Цэрен-Дондоба двумя ударными колоннами вторглись на территорию Среднего жуза. Правители Среднего и Младшего жузов оказались совершенно не готовы к отражению агрессии. Например, Абулхайр-хан собирал отряды для нападения на улусы калмыцкого хана Дондук-Омбы¹⁷². Казахская знать Среднего жуза готовилась к набегу на башкир. В этом походе джунгары “вырубили киргиз-кайсацких 5 волос-тей: Канзыгалинскую, Карагулскую, Ятаманлимайскую, Увацкую, Керенскую и 50 000 овец отогнали”¹⁷³. В конце 1739 г. и начале 1740 г. джунгары предприняли повторное нападение на казахов. В поход выступило две армейские группировки: северная, под командованием полководца Септгена, двинулась по рекам Ишим и Тобол, южная группа ойратских войск, возглавляемая нойоном Сары Манджи, ринулась в район Сырдарьи. Общее число на-

¹⁶⁹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. С. 194.

¹⁷⁰ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 108—109.

¹⁷¹ МОЦА. Кн. 1. С. 298—299.

¹⁷² Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948. С. 100; Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 80.

¹⁷³ Цит. по: Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 114; см. также: Рычков П. И. Указ. соч. С. 36.

ступавших войск достигло 30—35 тыс. человек. Стратегический замысел джунгарских полководцев заключался в том, чтобы отрезать казахов на юге от Средней Азии, а на севере от линии русских крепостей. Запертые в полукольцо в середине безлюдной степи казахские владетели и их улусы должны были, по предположениям ойратских стратегов, сдаться на милость победителей. Казахские кочевья, охваченные с двух сторон ойратами, бросая скот и имущество, бежали в сторону Урала и Сырдарьи. Суровая снежная зима расстроила джунгарский план разгрома Среднего жуза¹⁷⁴.

Третий по счету джунгарский поход состоялся во второй половине 1740 г. Руководители казахского ополчения заранее провели боевую подготовку и оказали решительный и организованный отпор противнику. Упорные бои продолжались до начала 1741 г. Галдан-Цэрен в январе 1741 г. отправил своих представителей к Сибирскому генерал-губернатору П. Бутурлину. Посольство посылалось с целью выяснения позиции России в отношении джунгарских притязаний на Средний жуз. П. Бутурлин заверил послов, что не будет пропускать казахские кочевья за линию крепостей¹⁷⁵. Джунгары, воспользовавшись этим, в конце февраля 1741 г. двинули 30-тысячное войско во главе с полководцем Септенем и сыном Галдан-Цэрена Лама-Доржи. Ойратские отряды наступали в трех важных направлениях: первая группа шла по берегу Ишима, вторая — от Ташкента и третья — от Туркестана. Массированный удар джунгарских войск вынудил хана Среднего жуза Абулмамбета отступить со своими людьми к рекам Илек и Урал. Многие казахские кочевья были полностью разгромлены, а скот и люди угнаны в Джунгарию. В плен попали казахские султаны и батыры, в том числе и султан Аблай, командовавший отрядом разведки из 200 человек¹⁷⁶. Несмотря на это, казахским отря-

¹⁷⁴ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 115.

¹⁷⁵ Там же. С. 115—118.

¹⁷⁶ О пленении Аблая см.: Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века. С. 34—40.

дам удалось нанести поражение правому крылу ойратской армии и разгромить улус самого Септеня. В мае 1741 г. трехлетняя война была закончена. Неоднократные попытки джунгар захватить Средний жуз и уничтожить основные военные силы казахов не увенчались успехом¹⁷⁷. События 1739—1741 гг. были последней большой войной в непрерывной цепи джунгаро-казахских конфликтов XVII—XVIII вв.

Со смертью Галдан-Цэрена, последовавшей в сентябре 1745 г., начинается постепенное падение военно-политического могущества Джунгарского ханства, усугубленное внутренними войнами и борьбой за власть между ойратской верхушкой. Казахские владельцы приняли в этих раздорах и конфликтах самое деятельное участие, объективно способствуя тем самым дестабилизации политической обстановки в Джунгарии. Ослабленное Джунгарское ханство было разгромлено и полностью уничтожено цинскими войсками в 1755—1758 гг. В свою очередь, казахские жузы стали поэтапно входить в сферу военно-политических, а затем экономических интересов Российской империи.

В ходе ожесточенных джунгаро-казахских войн казахи сумели, несмотря на объективные и субъективные трудности, остановить джунгарскую военную экспансию и отстоять свою этническую территорию. В кризисные исторические периоды, когда возникала реальная угроза существованию целостности этноса, создавались объединенные вооруженные силы для борьбы с врагом. Происходит неуклонный процесс возвышения военного влияния наиболее активной части казахских ханов, султанов и биев. Особенно заметно идет в первой половине XVIII в. усиление военной роли батыров во внутренней и внешнеполитической жизнедеятельности кочевого общества казахов.

Джунгаро-казахские военные конфликты непосредственно обусловили рост военно-политического влияния в Центральной

¹⁷⁷ Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи... С. 119—121.

Азии, соседних имперских держав — Цинского Китая и Российской империи, что привело к утрате политической независимости этих двух больших кочевых народов. Достаточно сложные джунгаро-казахские отношения косвенно способствовали геополитическим изменениям в этом обширном регионе и появлению основных контуров будущей (нынешней) границы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно из нашей работы, достаточно ясно прослеживается связь между военной делом и системой жизнеобеспечения кочевников. Комплекс природно-географических, хозяйственных, социальных и даже культурных особенностей, в которых существовало кочевничество, детерминировал специфику военного дела кочевников.

Облава, являясь на определенном этапе военизированным социально-хозяйственным институтом в кочевом обществе со своими соответствующими функциями, выступила моделью и опытной базой, на которой сформировалась и эволюционировала в дальнейшем военная система кочевников. Самобытное военное дело евразийских кочевников в своем становлении и развитии опиралось на богатый экологический опыт, накопленный в процессе тесного взаимодействия с живой природой (фауной), а их военное искусство, в свою очередь, носит естественно-натуральный характер (охотничья практика). Принципиальное тождество структур облавных охот и военной организации кочевников говорит о том, что основы охотничьего промысла генерировали главные элементы военного дела в кочевых обществах.

Казахское вооружение эпохи средневековья и нового времени вобрало в себя оружейведческие достижения предыдущих и параллельно существовавших этнополитических объединений евразийского региона степей, так как территория Казахстана была "проходным коридором" в периоды военных миграций кочевых племен центральноазиатского происхождения на Запад. Разносторонние этнокультурные контакты кочевников с оседло-земледельческими районами, постоянно идущие процессы взаимовлияния в кочевом мире очень заметно проявлялись в военной деятельности. Любые новшества в военном деле довольно быстро распространялись на больших территориях, населенных номадами.

В боевом арсенале казахов-кочевников преобладали предметы вооружения дальней и средней дистанции (лук и стрелы, копья). Очевидным является факт непосредственной связи и общей эволюции защитных средств кочевников Евразии и казахов средневековья и нового времени. Традиционное казахское вооружение можно условно разделить на две группы: 1) так называемое легкое оружие (курык, камча, сойыл); 2) боевое оружие (все виды холодного вооружения). Легкое вооружение было массовым среди кочевников, потому что его изготовление не требовало тщательной многооперационной обработки и соответственно затраты труда на них были незначительны. Серийное производство боевого холодного и огнестрельного оружия не получило распространения внутри кочевого общества казахов, что, видимо, явилось причиной импорта в Казахстан значительного количества главных видов боевого арсенала (луки, сабли, ружья) из сопредельных областей.

Сравнение военно-технического потенциала джунгар и казахов показывает, что военное производство в Джунгарии превосходило аналогичное оружейное дело казахов. В Джунгарском ханстве XVII—XVIII вв. было создано специальное производство вооружения, военного снаряжения, огнестрельного оружия (пушек, ружей, пороха). Благодаря своей относительной военно-экономической самостоятельности ойраты снабжали свою

армию всеми необходимыми боевыми средствами и на протяжении более полувека могли отстаивать свою независимость в борьбе с Цинским Китаем.

Военно-организационная структура казахов в высших звеньях характеризуется аморфной и нестабильной военно-политической властью ханов. Возможно, именно поэтому казахская военная организация XVII—XVIII вв. утратила характерные атрибуты кочевой военной системы — десятичный принцип формирования вооруженных сил и деление войск на крылья. Для военной организации казахов позднего средневековья и нового времени было присуще господство военного института батыров в средней и верхней иерархии военной власти. Институт батырства выполнял функции управления, регулирования и координации действий внутри данной военной структуры. При сопоставлении военной организации казахов и джунгарской военной системы XVII—XVIII вв. явственно просматриваются доминирование военной мощи и высокий уровень степени эффективности последней. Скорее всего, это связано с более выгодным военно-стратегическим расположением Джунгарии, обусловленным природно-географическим фактором, и достаточно жесткой военно-потестарной структурой управления, созданной ойратскими ханами.

Ведущие принципы казахского военного искусства также были тесно связаны с природно-климатическими условиями обитания кочевников. Географический фактор и экологический режим кочевого ареала опосредованно через организацию хозяйства активно воздействовали на способы и приемы военной тактики казахов. В то же время структура войсковой организации казахов-кочевников и ее конкретно-практическое функционирование предопределили методы и формы ведения военных действий. Отсутствие в Казахстане на рубеже XVII—XVIII вв. прочной и единой военно-организационной системы способствовало раздроблению военных сил казахов, что, естественно, отразилось на тактико-боевых возможностях и военной эффективности казахского войска. Джунгаро-

казахские войны содействовали сплочению разрозненных казахских жузов, выработке единого военно-политического курса и формированию боеспособных общенародных ополчений.

Мы считаем, что история военного дела казахов — это естественно-органичная часть хозяйственно-экономической и социально-политической истории Казахстана.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

- Абаза К. К. Завоевание Туркестана. Спб., 1902. 312 с.
- Абул-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков. М.-Т.-Б., 1996. С. 4—186.
- Ак сауыт. Батырлар жыры. Алматы, 1977. Т. 1. 368 б; Т. 2. 380 б.
- Алпамыс батыр. Алма-Ата, 1961. 566 с.
- Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю. В. Готье. Л., 1937. 308 с.
- Андреев И. Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков, с касающимися до сего народа, также и прилежащих к Российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостями дополнениями. Спб., 1796. 83 с.
- Аткинсон Т. Путешествие в казахские степи // Простор. 1972. № 3. С. 33—52.
- Бабур-наме (Записки Бабура) / Пер. М. Салье. Ташкент, 1958. 530 с.
- Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа // Красный архив. 1939. Т. 3 (94). С. 189—254.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1. 382 с.; Т. 2. 335 с.

- Броневский С. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. 1830. Ч. 42. Кн. 121. С. 162—194.
- Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. М., 1969. 419 с.
- Бурнашев Т. С., Поспелов М. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году // Вестник РГО. 1851. Ч. 1. Кн. 1. 56 с.
- Валиханов Ч. Ч. Составные части киргиз-кайсацкого пороха // Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 183—184.
- Валиханов Ч. Ч. Исторические предания о батырах XVIII в. // Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 216—222.
- Валиханов Ч. Ч. Песня об Аблае // Там же. С. 265—272.
- Валиханов Ч. Ч. О контайше // Там же. С. 323—326.
- Валиханов Ч. Ч. Шуна-батыр (Авантюрист XVIII столетия) // Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 8—13.
- Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Там же. С. 35—39.
- Валиханов Ч. Ч. Аблай // Там же. С. 111—116.
- Валиханов Ч. Ч. Родословное древо казахских ханов и султанов // Там же. С. 173—177.
- Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Ч. 2. 498 с.
- Вогак С. Киргизская лошадь // Военный сборник. 1873. № 9. С. 87—100.
- Гавердовский Я. Обзорение Киргиз-Кайсацкой степи, или описание страны и народа киргиз-кайсацкого. Ч. 2. 1803 г. // Рукописный отдел ЛОИИ СССР АН СССР. Кол. 115. № 495.
- Гейнс А. К. Киргизские очерки // Военный сборник. 1866. Т. 47. № 1. С. 145—178.
- Гейнс А. К. Киргиз-кайсаки // Собрания литературных трудов. СПб., 1897. Т. 1. 589 с.
- Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 2. 188 с.
- Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908. 383 с.
- Герн В. К. Характер и нравы казахов (этнографические заметки). Караганда, 1995. 40 с.
- Гладышев И., Муравин Д. В. Поездка из Орска в Хиву и обратно в 1740—1741 гг., совершенная поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. СПб., 1851. С. 1—68.

Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Ташкент, 1889. Т. 1. 298+205 с.

Древнетюркский словарь. Л., 1969. 676 с.

Е Лун-ли. История государства киданей ("Цидань го чжи"). М., 1979. 607 с.

Ер Едиге. Алматы, 1995. 152 с.

Ефремов Ф. С. Десятилетнее странствование. М., 1952. 88 с.

Захарьин И. Н. "Зимний поход в Хиву Перовского в 1839 году" и "Первое посольство в Хиву" в 1842 году. СПб., 1898. 207 с.

Иванов Д. Туркестанские походы // Военный сборник. 1874. № 4. С. 381—411; № 6. С. 373—392; № 7. С. 189—202; № 9. С. 183—207.

ИХ ЦААЗ ("Великое уложение"): Памятник монгольского феодального права / Пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М., 1981. 148 с.

Кайдалов Е. Караван-записки во время похода в Бухарию Российского каравана, под воинским прикрытием, в 1822 и 1825 годах; веденные начальником оного каравана над купечеством, Ефграфом Кайдаловым. М., 1827—1828. Ч. 1, 2, 3. 140 с.

Қазақ халық әдебиеті. Тарихи жырлар. Абылай хан: көп томдық. Алматы, 1995. Т. 1. 228 б.

Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках: (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961. 743 с.

Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках: (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1964. 576 с.

Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV—XIX вв. Алматы, 1994. 272 с.

Книга Марко Поло. Алма-Ата, 1990. 352 с.

Кобланды батыр: Казахский героический эпос. М., 1975. 446 с.

Ковалевский П. Путешествие в Китай. СПб., 1853. Ч. 1. 213 с.

Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. Т. 1. 619 с.

Красовский М. Область сибирских киргизов // Материалы для географии и статистики России. СПб., 1868. Ч. 3. 264 с.

Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 392 с.

Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 1. Известия географические. СПб., 1832. X. 264 с.; Ч. 2. Исторические известия. СПб., 1832. X. 334 с.; Ч. 3. Этнографические известия. СПб., 1832. IV. 304 с.

Лубсан Данзан. Алтан Тобчи ("Золотое сказание") / Пер. с монг., коммент. и прим. Н. П. Шастиной. М., 1973. 440 с.

Магауин М. М. Кобыз и копье. Повествование о казахских акынах и жырау XV—XVIII веков. Алма-Ата, 1970. 160 с.

Мак-Гахан Я. А. Военные действия на Оксусе и падение Хивы / Пер. с англ. М., 1875. 304 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: (тексты и исследования). М.; Л., 1951. 452 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. 112 с.

Манас: Киргизский героический эпос. М., 1988. Кн. 2. 688 с.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунку / Введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. М., 1984. 486 с.

Материалы по истории казахских ханств: (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. 651 с.

Материалы по истории каракалпаков: (сборник) // Труды Института востоковедения. М.; Л., 1935. Т. 7. 289 с.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1. 280 с.

Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. 441 с.

Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. Ташкент, 1988. 415 с.

Материалы по истории сюнну: (по кит. источникам) / Пред., пер. и примеч. В. С. Таскина. М., 1968. Вып. 1. 171 с.

Материалы по истории туркмен и Туркмении: (арабские и персидские источники VII—XV вв.). М.; Л., 1939. Т. 1. 612 с.

Материалы по истории Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVIII вв. Л., 1932. Ч. 1. 504 с.

Международные отношения в Центральной Азии XVII—XVIII вв.: (Документы и материалы). М., 1989. Кн. 1. 375 с.; Кн. 2. 340 с.

Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистике России. Спб., 1865. Ч. 1. 288 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Спб., 1809. Ч. 1. 657 с.

Парамонов И. О туземном оружии в Туркестанском крае // Туркестанский сборник. М., 1872. Вып. 3. С. 213—218.

Позднеев А. М. Монгольская летопись "Эрдэнийн Эрихэ": Материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. Спб., 1883. 421 с.

Позднеев А. М. К истории зюнгарских калмыков // Посольство к зюнгарскому хунтайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. Спб., 1887.

Позднеев А. М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. Спб., 1898. Т. 1. 696 с.

Потто В. О степных походах // Военный сборник. 1873. № 4. С. 229—266; № 6. С. 5—35; № 7. С. 33—62.

Потто В. Из путевых заметок по степи // Военный сборник. 1876. № 8. С. 381—409; 1877. № 11. С. 154—172.

Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах. М., 1986. 159 с.

Посольство к зюнгарскому хунтайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. Спб., 1887. 276 с.

Поэты пяти веков: Казахская поэзия XV — начала XX в. / Пер. с каз. Алма-Ата, 1993. 336 с.

Прошлое Казахстана в источниках и материалах (V в. до н. э. — XVIII в. н. э.). М.; Алма-Ата, 1935. Сб. 1. 300 с.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993. 248 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Кн. 1—2. Т. 1. 222 с.

Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. Спб., 1910. 66 с.

Русско-монгольские отношения 1606—1636: (Сборник документов). М., 1959. 352 с.

Русско-монгольские отношения 1636—1654: (Сборник документов). М., 1974. 469 с.

Рычков П. Н. Топография Оренбургская. Спб., 1762. Изд. 2-е. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. 405+18 с.

Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750) по учреждению Оренбургской губернии. Оренбург, 1896. 95 с.

Рычков Н. П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. Спб., 1772. 104 с.

Семенов А. Два слова о ковке среднеазиатского оружия // Живая старина. Спб., 1909. Вып. 2—3. С. 153—155.

Смоленский С. Дело двадцати казаков при мысе Чагра, 25-го июля 1870 года // Военный сборник. 1873. № 10. С. 231—252.

Сокровенное сказание монголов / Пер. С. Козина. Улан-Удэ, 1990. 318 с.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов к истории Золотой Орды: (извлечения из сочинений персидских). М.; Л., 1941. Т. 2. 308 с.

Тынышпаев М. История казахского народа. Алма-Ата, 1993. 224 с.

Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. Спб., 1879. 248 с.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транск., текст. прим., исслед. В. П. Юдина. Алма-Ата, 1992. 296 с.

Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-йи Бухара: (Записки бухарского гостя). М., 1976. 199 с.

Фальк И. П. Полное собрание путешествий по России: Записки академика Фалька. Спб., 1824. Т. 6. 546 с.

Хангалов М. Н. Собрание соч.: В 3 т. Улан-Удэ, 1958. Т. 1. 552 с.

Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммед Бухари. Шараф-нама-йи Шахи: (Книга шахской славы) / Пер. с перс., введ., прим. и указат. М. А. Салахатдиновой. М., 1983. Ч. 1. 298 с.

Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX в. Алма-Ата, 1989. Ч. 1. 216 с.; Ч. 2. 227 с.

Шмидт Ю. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области // Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. 1894. Кн. 18. Вып. 1—2. Отд. 6. С. 1—149.

Юр-ко. Взгляд на степную войну // Военный сборник. 1873. № 11. С. 49—77; № 12. С. 219—256.

Исследования, сборники, статьи

Абусейтова М. Х. Некоторые вопросы истории материальной культуры казахов в XVI—XVII веках: (по материалам письменных источников) // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 22—24.

Абусейтова М. Х. Из истории внешнеполитических связей Казахского ханства с соседними государствами во второй половине XVI в. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 165—177.

Абусейтова М. Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. 103 с.

Абусейтова М. Х. Казахско-киргизские отношения XVI—XVIII вв. // Изв. АН РК. Сер. обществ. наук. 1993. № 6. С. 55—60.

Абусеитова М. Х. Кочевая государственность у казахов (XV—XVIII вв.) // Культура кочевников на рубежах веков (XIX—XX, XX—XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации: Тез. докл. междунар. конф., Алматы. 5—7 июля. Алматы, 1995. С. 26—27.

Абрамзон С. М. Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса “Манас”) // Труды Института языка, литературы и истории АН Киргизской ССР. Фрунзе: Киргизский филиал АН СССР. 1945. Вып. 1. С. 167—180.

Аверкиева Ю. П. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970. 176 с.

Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974. 348 с.

Адзигалиев С. И. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана (на основе исследования малых форм). Алматы, 1994. 260 с.

Адлер Б. Луки и стрелы Северной Азии // Русский антропологический журнал. 1903. № 3—4. С. 187—193.

Акишев А. К. Костюм “Золотого человека” и проблема катафрактария // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 54—64.

Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. 176 с.

Акишев К. А. Древние кочевники и мировая цивилизация: генезис, проблемы, перспективы // Вестник АН КазССР. 1991. № 10. С. 5—10.

Алланиязов Т. К. Очерки военного дела кочевников Казахстана. Алматы, 1996. 94 с.

Андрианов Б. В. К методологии исторического исследования проблем взаимодействия общества и природы // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 250—261.

Анучин Д. Н. Лук и стрелы: Археолого-этнографический очерк. М., 1887. 75 с.

Апполова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948. 256 с.

Апполова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960. 456 с.

Артемьев А. Г. Новые работы о татаро-монгольском вооружении // Советская археология. 1989. С. 284—287.

Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989. 294 с.

Ахинжанов С. М., Макарова Л. А., Нурумов Т. Н. К истории скотоводства и охоты в Казахстане. Алма-Ата, 1992. 218 с.

Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965. 195 с.

Ахметжанов К. С. Жараған темір кигендер (батырлардың қару-жарағы, әскери өнері, салт-дәстүрлері). Алматы, 1996. 256 б.

Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882. 565 с.

Барминцев Ю. Н. Эволюция конских пород в Казахстане: (Опыт зоотехнического исследования проблемы породообразования). Алма-Ата, 1958. 284 с.

Бартольд В. В. Очерки истории Семиречья // Соч. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 21—106.

Бартольд В. В. История Туркестана // Там же. С. 107—166.

Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. М., 1968. Т. 5. С. 17—192.

Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов // Там же. С. 193—229.

Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата, 1971. 275 с.

Бекмаханов Е. К вопросу о социальной природе батыров (XIX в.) // Вестник АН КазССР. 1947. № 8 (29). С. 62—64.

Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957. 342 с.

Бекмаханов Е. Казахстан в 20—40-е годы XIX века. Алма-Ата, 1992. 400 с.

Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.; Л., 1946. 207 с.

Бертельс Е. А. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов // Советское востоковедение. 1947. Вып. 4. С. 60—76.

Бибииков Д. И. Волки (взгляд эколога) // Охотничьи просторы: Альманах. М., 1991. Вып. 48. С. 70—79.

Бижанов М. Социальные категории казахского общества XVIII века в трудах русских ученых // Казахстан в XV—XVIII вв. (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969. С. 160—170.

Бирзе А. К истории каракалпаков XVIII в. // Красный архив. 1938. № 6 (91). С. 225—254.

Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. 158 с.

Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. 1939. Т. 5. С. 48—101.

Бородовский А. П. Плеть и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 28—39.

Ботяков Ю. М. Некоторые особенности традиционной военной организации северных туркмен (на материале войска хивинского хана) // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Апрель 1985. Л., 1986. С. 21—22.

Ботяков Ю. М., Янборисов В. Т. Холодное оружие туркмен // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа: Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1989. Т. 43. С. 49—60.

Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966. № 3. С. 60—80.

Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991. 296 с.

Валиханов Э. Ж. Вооружение и тактика военных действий казахов в период борьбы против джунгарской агрессии // Освободительная борьба казахского народа за свою свободу и независимость в первой половине XVIII века: (Материалы научно-теоретической конференции, посвященный 300-летию батыра Богенбая). Целиноград, 1991. С. 46—55.

Васильев В. Н., Пшеничнюк А. Х. К вопросу о защитном вооружении ранних кочевников Южного Урала в IV в. до н. э. // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала: (сборник статей). Уфа, 1994. С. 116—133.

Вилинбахов В. Б. О первоначальном типе огнестрельного оружия // Советская археология. 1962. № 2. С. 295—300.

Винклер П. П. Оружие (руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века). М., 1992. 330 с.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. 223 с.

Владимирцов Б. Я. Чингис-хан. Горно-Алтайск, 1992. 116 с.

Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977. 386 с.

Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. 198 с.

Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. 223 с.

Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. 192 с.

Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала: (сборник статей). Уфа, 1994. 152 с.

Востров В. В., Захарова И. В. Казахское народное жилище. Алма-Ата, 1989. 181 с.

Вяткин М. П. Батыр Срым. М.; Л., 1947. 391 с.

Галиев В. З. Караванные тропы: (Из истории общественной жизни Казахстана XVII—XIX веков). Алматы, 1994. 128 с.

Галиев В. З. Внешняя политика казахского ханства в конце XVII — первой половине XVIII века // Освободительная борьба казахского народа за свою свободу и независимость в первой половине XVIII века: (Материалы научно-теоретической конференции, посвященный 300-летию батыра Богенбая). Целиноград, 1991. С. 14—28.

Гафуров Б. Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. 664 с.

Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия: Отношения между империями Цзинь и Сун 1127—1142. М., 1986. 296 с.

Гордеев А. А. История казачества. Золотая Орда и зарождение казачества. М., 1991. Ч. 1. 172 с.

Горелик М. В. Средневековый монгольский доспех // III международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1979. Т. 1. С. 90—101.

Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 244—269.

Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 163—208.

Горелик М. В. Оружие Древнего Востока, IV тысячелетие — IV в. до н. э. М., 1993. 349 с.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.

Гринев А. С. Конница Чингис-хана и Батыя. СПб., 1885.

Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926. Т. 2. 898 с.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1993. 527 с.

Гумилев Л. Н. Хунну. СПб., 1993. 224 с.

Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX века. М., 1983. 310 с.

Гусейнов Р. А. Сельджукская военная организация // Палестинский сборник (История и филология стран Ближнего Востока в древности и средневековье). Л., 1967. Вып. 17 (80). С. 131—147.

Давыдов А. С. К истории огнестрельного оружия в Средней Азии // История и этнография народов Средней Азии: (сборник статей). Душанбе, 1981. С. 14—24.

Дежкин В. В. Охота и охотничье хозяйство мира. М., 1983. 357 с.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1936. Т. 1. 464 с.; Т. 1. 399 с.; 1938. Т. 3. 514 с.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990. 164 с.

Д'Оссон К. От Чингис-хана до Тамерлана / Пер. и пред. проф. Н. Козьмина. Алматы, 1996. 256 с.

Егоров В. А. Золотая Орда: Мифы и реальность. М., 1990. 64 с.

Еременко А. И. Охота — школа воинской закалки // Охотничий спорт в Советской Армии. М., 1960. С. 7—13.

Ермоленко Л. Н. О роли образа волка у древних тюрков // Маргулановские чтения. 1990: (сборник материалов конференции). М., 1992. Ч. 1. С. 183—188.

Ермолов Л. Б. Средства массовой охоты как индикатор оседлости этноса // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С. 191—200.

Ерофеева И. В. Русско-джунгарские отношения в 40-х гг. XVIII в. и Казахстан (Посольство К. Миллера) // Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время). Алма-Ата, 1990. С. 43—46.

Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999. 336 с.

Есмагамбетов К. А. Что писали о нас на Западе. Алма-Ата, 1992. 152 с.

Жамбалова С. Г. Традиции и обряды в коллективной охоте бурят // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов: (сборник статей). Улан-Удэ, 1988. С. 33—56.

Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск, 1991. 175 с.

Жетібаев Ж. М. Маңғыстау және Үстірт қазақтарының халық суреттеріндегі қару-жарақтар // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. 1993. № 5. 61—69 б.

Жетібаев Ж. Салт атты сарбаз бейнесі // Қазақ тарихи. 1994. № 4. 47—51 б.

Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда XIX — начала XX в. Алма-Ата, 1864. 178 с.

Зиманов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958. 296 с.

Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX века. Алма-Ата, 1960. 296 с.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1983. 332 с.

Зуев Ю. А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (к вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С. 65—78.

Ибрагимов И. И. Этнографические очерки киргизского народа // Русский Туркестан. М., 1872. Вып. 2. С. 120—152.

Иванин М. Поход в Хиву в 1839 году // Военный сборник. 1863. № 2. С. 3—71.

Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. Спб., 1875. 254 с.

Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958. 248 с.

Иванова Г. И., Овсякова Н. И. Кабан // Охота на копытных (биологические основы промысла). М., 1976. С. 148—149.

История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): В 4 т. Алматы, 1996. Т. 1. 544 с.

История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней): В 5 т. Алма-Ата, 1977. Т. 1. 479 с.; Т. 2. 424 с.; Т. 3. 544 с.

Қазақтың көне тарихи. Алматы, 1993. 400 б.

Казахи: историко-этнографическое исследование. Алматы, 1995. 352 с.

Казахстан в XV—XVIII вв. (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969. 203 с.

Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983. 192 с.

Кайдаров А. Т. Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском эпосе и их этнолингвистическое объяснение // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1973. № 6. С. 25—28.

Қарімов М. Қаракерей Қабанбай қайда жерленген? // Қазақ тарихи. 1995. № 2. 7—12 б.

Касымбаев Ж. К., Басин В. Я. Роль крепостей Восточного Казахстана в развитии русско-казахских отношений в период джунгарской агрессии // Вопросы социально-экономической истории до-революционного Казахстана: (Межвузовский сборник). Алма-Ата, 1978. С. 54—61.

Касымбаев Ж. К. Русские военно-оборонительные пункты в защите казахских земель от внешних вторжений // Военно-исторический журнал. 1981. № 11. С. 71—76.

Касымбаев Ж. Под надежную защиту России. Алма-Ата, 1986. 136 с.

Касымбаев Ж. Кенесары хан. Алматы, 1993. 112 б.

Касымбаев Ж. Жонгар-қазақ тартысындағы саяси және әскери мәселелер // Қазақ тарихи. 1993. № 2. 24—28 б.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 1. 176 с.; Вып. 2. 147 с.; Л., 1971. Вып. 3. 92 с.

Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965. С. 192—206.

Клаузевиц К. О войне. М., 1934. 692 с.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. 216 с.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. 378 с.

Кошечев В. Б. Еще раз о численности монгольского войска в 1237 году // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 131—135.

Крадин Н. Н. Кочевые общества: проблемы формационной характеристики. Владивосток, 1992. 239 с.

Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983. 128 с.

Кун В. Н. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии // Ученые записки Ташкентского педагогического учительского института им. Низами. Сер. обществ. наук. Ташкент, 1947. Вып. 2. С. 15—32.

Курылев В. П. Оружие казахов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана: (сборник музея археологии и этнографии). Л., 1978. Т. 34. С. 4—22.

Курылев В. П. Казахские кожаные пояса в собраниях МАЭ // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа: (сборник музея археологии и этнографии). Л., 1989. Т. 43. С. 85—97.

Курылев В. П. К вопросу об институте толенгутов у казахов // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М., 1990. Вып. 2. С. 3—31.

Курыйшжанов А. К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — "Тюркско-арабского словаря". Алма-Ата, 1970. 234 с.

Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, 1980. 191 с.

Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей: (по сведениям из "Ляо Ши") // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 99—112.

Линь Кюнь-ц, Мункуев Н. Ц. Краткие сведения о черных татарах Пэн Да-я и Сюй-Тина // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 133—158.

Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. 262 с.

Литвинский Б. А. Древние кочевники "Крыши мира". М., 1972. 270 с.

Маданова М. Х. Казахстан — Франция (Малоизученные страницы общения народов в XIX веке). Алма-Ата, 1993. 144 с.

Макарова Л. А. Материалы к охотничье-промысловой фауне эпохи неолита и бронзы Казахстана // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 130—139.

Мамырулы К. Қазақ халқының жонғар басқыншыларына қарсы күресі. Алматы, 1994. 264 б.

Мамыров К. Кеңес тарихнамасындағы қазақ-жонғар мәселесі // Қазақ тарихы. 1994. № 3. 22—25 б.

Мандельштам А. М. Характеристика тюрков IX в. в "Послании Фатху ибн Хакану ал-Джахизы" // Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т. 1. С. 227—250.

Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. М., 1995. 545 с.

Марков Б. И. Охота на рысь, кабана, лося, косулю // Русская охота с гончими: Очерки русских и советских авторов. М., 1992. С. 236—238.

Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. 319 с.

Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М., 1979. 303 с.

Марков М. Н. История конницы. Тверь, 1896. Ч. 2.

Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков. Алма-Ата, 1984. 176 с.

Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы; М., 1995. 320 с.

Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966. 322 с.

Массон М. Е. О бывших охотничьих парках в Средней Азии // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Сталинабад, 1953. Т. 17. С. 145—150.

Матвиевский П. Е. Дневник Джона Кэстля, как источник по истории и этнографии казахов // История СССР. 1958. № 4. С. 133—145.

Матюшенко В. И., Синицина Г. В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. 132 с.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VII—XIV вв. М., 1966. 184 с.

Медведев А. Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // Советская археология. 1966. № 2. С. 50—60.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М., 1964. 81 с.

Моисеев В. А. К вопросу об ойрато-казахских отношениях в 30—40-х гг. XVIII в. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 177—191.

Моисеев В. А. К истории казахско-ойратских взаимоотношений в начале 50-х гг. XVIII в. // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1987. № 4. С. 46—52.

Моисеев В. А. О военном деле и войнах Джунгарского ханства // Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время). Алма-Ата, 1990. С. 69—82.

Моисеев В. А. Трудные годы // История Казахстана: белые пятна: (сборник статей). Алма-Ата, 1991. С. 5—25.

Моисеев В. А. О некоторых социально-экономических и политических последствиях борьбы казахского народа с Джунгарией // Освободительная борьба казахского народа за свободу и независимость в первой половине XVIII века: (Материалы научно-теоретической конференции, посвященной 300-летию батыра Богенбая). Целиноград, 1991. С. 36—40.

Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи: XVII—XVIII вв. Алма-Ата, 1991. 237 с.

Моисеев В. А. Роль Аблая в укреплении и развитии международных связей Казахского ханства // Аблай-хан. Кенесары: проблемы национально-освободительного движения. Алматы, 1993. С. 45—49.

Моисеев В. А. К вопросу о государственности у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Восток. 1995. № 4. С. 22—27.

Моуэт Ф. Не кричи, волки! / Пер. с англ. Г. Н. Топоркова. М., 1992. 128 с.

Муканов М. С. Этническая территория казахов в XVIII — начале XX века. Алма-Ата, 1991. 64 с.

Немеров В. Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII—XIV вв. // Советская археология. 1987. № 2. С. 212—227.

Нуркамысов А. Административное и военное управление в стане повстанцев Амангельды Иманова // Светлый образ батыра. Алма-Ата, 1986. С. 131—133.

Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. 344 с.

Обыденнов М. Ф., Савельев Н. С. Оружие ранних кочевников: новые находки в Башкортостане // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала: (сборник статей). Уфа, 1994. С. 100—115.

Окладников А. П. К вопросу о происхождении и месте лука в истории культуры // Краткие сообщения института истории материальной культуры. М., 1940. V. С. 106—112.

Өтениязов С. Қайып хан мен бірінші Петр арасындағы байланыстар // Қазақ тарихи. 1994. № 3. 26—28 б.

Охота на копытных (биологические основы промысла). М., 1976. 166 с.

Охотничий спорт в Советской Армии. М., 1960. 264 с.

Панеш Э. Х. Холодное оружие адыгов (к вопросу об эволюции) // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа: (сборник музея археологии и этнографии). Л., 1989. Т. 43. С. 61—71.

Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках // Казахстан в XV—XVIII веках: (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969. С. 5—49.

Пищулина К. А. Юго-восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI века. Алма-Ата, 1977. 288 с.

Плетнева С. А. Половцы. М., 1990. 208 с.

Попенко В. Н. Приемы метания холодного оружия. М., 1992. 108 с.

Попенко В. Н. Холодное оружие Востока и Запада. М., 1992. 214 с.

Попенко В. Н. Древнее оружие Востока. М., 1993. 171 с.

Проблемы военной истории народов Востока. М., 1988. Вып. 1. 66 с.

Пугаченкова Г. А. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства // Советская археология. 1966. № 2. С. 27—43.

Пулатов Ю., Мирхаликов А. К истории огнестрельного оружия в Средней Азии (из оружейных коллекций музея) // Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1963. С. 100—107.

Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. 751 с.

Разин Е. В. История военного искусства. М., 1955. Т. 1. 560 с.; 1957. Т. 2. 654 с.

Рахилин В. К. Общество и живая природа: Краткий очерк истории взаимодействия. М., 1989. 215 с.

Росляков А. А. Из истории военного искусства туркмен (организация преследования в войнах туркмен в XI—XII веках) // Труды Ашхабадского педагогического института им. А. М. Горького. Ашхабад, 1947. Вып. 1. С. 48—54.

Росляков А. А. Основные черты военной системы азиатских степняков // Изв. Туркмен. филиала АН СССР. 1951. № 2. С. 11—17.

Росляков А. А. Аламаны // Советская этнография. 1955. № 2. С. 41—53.

Росляков А. А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI—XV веках // Ученые записки Туркменского государственного университета им. А. М. Горького. Ашхабад, 1962. Вып. 21. С. 185—244.

Рязанов А. Исторические предпосылки к вопросу о формировании национальных киргизских частей // Советская Киргизия. Оренбург, 1924. № 3—4 (6—7). С. 29—42.

Рязанов А. Ф. Восстание Кенесары Касымова (1837—1847 гг.): исторический очерк. Алма-Ата, 1993. 32 с.

Сабырханов А. О некоторых спорных вопросах общественно-политического строя казахов XVIII в. в советской историографии // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1969. № 2. С. 39—51.

Сабырханов А. К истории земельных отношений Казахстана в XVIII в. (на материалах Младшего жуза) // Казахстан в XV—XVIII веках: (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969. С. 146—159.

Сабырханов А. Некоторые вопросы формирования этнической территории казахского народа (XVIII в.) // Вестник АН КазССР. 1977. № 3. С. 61—66.

Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 146—162.

Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992. 288 с.

Самашев З. С. Монументальное искусство казахов Северо-Восточного Прикаспия (археолого-палеоэтнографический аспект изучения) // Археологические памятники на Великом Шелковом пути: (межвузовский научный сборник). Алматы, 1993. С. 65—79.

Самашев З. С. Туға табыну // Қазақ тарихи. 1994. № 3. С. 18—21.

Семенов А. А. Старый таджикский и персидский военный термин хасак, его значение и вещественная форма // Изв. Таджик. фил. ала АН СССР: (История и этнография). 1949. № 15. С. 69—74.

Семенюк Г. И. Оружие, военная организация и военное искусство казахов в XVIII—XIX вв. // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX веков. М., 1969. С. 263—272.

Семенюк Г. И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1973. 148 с.

Симаков Г. И. Предметы охоты с беркутом: (из киргизских коллекций МАЭ) // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана: (сборник музея антропологии и этнографии). Л., 1978. Т. 34. С. 23—37.

Симаков Г. И. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX — начале XX в. Л., 1984. 230 с.

Симаков Г. Н. Охота с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана: (по собраниям МАЭ) // Памятники традиционной бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа: (сборник музея антропологии и этнографии). Л., 1989. Т. 43. С. 30—48.

Симаков Г. Н. Соколиная охота и военное дело у кочевников Средней Азии и Казахстана // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1995. Вып. 5—6. С. 64—72.

Смагулова К. Оружие казахов XVI—XIX вв. // Сборник студенческих научных работ и сообщений КазГУ. Алма-Ата, 1971. С. 56—63.

Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. 162 с.

Смирнов Ю. А. Из истории охоты в Казахстане // По охотничьим просторам Казахстана. Алма-Ата, 1965. С. 5—27.

Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. 200 с.

Стратанович Г. Г. Военная организация триадного типа и ее судьбы // Проблемы алтаистики и монголоведения. Материалы Всесоюзной конференции. Элиста, 17—19 мая 1972 г. (Сер. литературы, фольклора и истории). Элиста, 1974. Вып. 1. С. 221—230.

Строков А. А. История военного искусства. М., 1957. Т. 1. 662 с.

Сулейменов Б., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII — начале XX в. Алма-Ата, 1981. 247 с.

Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата, 1988. 144 с.

Сулейменов Р. Б. Роль и место Аблая в национально-освободительной борьбе и объединении казахского народа в единое государство в XVIII веке // Аблай-хан. Кенесары: проблемы национально-освободительного движения. Алматы, 1993. С. 29—35.

Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв.: (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982. 132 с.

Сыздықова Р., Койгелдиев М. Қадырғали би Қосымұлы және оның жылнамадар жинағы. Алматы, 1991. 272 б.

Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния. М., 1992. 544 с.

Телеуова Э. Тауке хан тұсындағы қазақ-орыс қатынастары (1680—1720) // Қазақ тарихы. 1996. № 1. 33—36 бб.

Терентьев М. Заметки о вооружении кавалерии // Военный сборник. 1860. № 2. С. 405—414.

Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. Алма-Ата, 1959. 448 с.

Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата, 1971. 633 с.

Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблемы исторической преемственности. М., 1993. 168 с.

Троицкая А. Л. Военное дело в Бухаре в первой половине XIX века: (По материалам Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Сталинабад, 1953. Т. 17. С. 211—217.

Тұрдалиев Е. Қазақ-қалмақ халықтарының арасындағы жер мәселесі // Қазақ тарихы. 1995. № 5. 28—32 б.

Тюрюмина Л. В. Военное дело у маньчжуров (сведения из "Мань-вэнь лаодан") // Северная Азия и соседние территории в средневека. Новосибирск, 1992. С. 93—99.

Уәлиханов Е. Абылай және жонғар шапқыншылығы // Қазақ тарихы. 1994. № 1. 29—33 б.

Урманцев Ф. Золотая волчья голова на знамени: (К вопросу о происхождении образа волка в древнетюркском эпосе.) // Советская тюркология. 1987. № 3. С. 68—73.

Федоров В. К. Ваджра Индры: Проблемы идентификации (археологический аспект) // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала: (сборник статей). Уфа, 1994. С. 7—51.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: (Археологические памятники). М., 1966. 275 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. 180 с.

Хазанов А. М. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. С. 29—44.

Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. 171 с.

Хазанов А. М. Социальная история скифов (Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей). М., 1975. 343 с.

Хамарханов А. З. О культуре и быте монгольских народов в труде Н. Витсена "Северная и Восточная Тартария" // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов: (Сборник статей). Улан-Удэ, 1988. С. 143—161.

Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV веков. Алма-Ата, 1992. 272 с.

Хасенов Е. Жонгарга қарсы жойқын шайқас // Қазақ тарихи. 1994. № 5. С. 30—32.

Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV—XIX вв. Алматы, 1995. 288 с.

Ходжаев А. Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в. Ташкент, 1991. 132 с.

Худяков Ю. С. Влияния степного ландшафта на военное искусство кочевников // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 85—87.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв. Новосибирск, 1980. 176 с.

Худяков Ю. С. Война в древнем обществе // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. Иркутск, 1980. С. 36—37.

Худяков Ю. С. Формирование военного искусства кочевников в условиях степного ландшафта // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск, 1985. С. 105—111.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 286 с.

Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 135—163.

Худяков Ю. С. Чокан Валиханов о военном деле средневековых кочевников Азии // Чокан Валиханов и современность. Алма-Ата, 1988. С. 185—191.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в хуннскую эпоху // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М., 1990. Вып. 2. С. 103—129.

Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. 190 с.

Цинман М. З. Методологические проблемы типологии отношений собственности у кочевников. Алма-Ата, 1992. 100 с.

Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968. 191 с.

Черненко Е. В. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 35—38.

Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981. 167 с.

Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990. 138 с.

Чернышевский Д. В. “Приидоша бесчислены, яко призи” // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 127—132.

Чимитдоржиев Ш. Б. Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа. Улан-Удэ, 1974. 91 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII—XVIII вв. М., 1979. 87 с.

Чулошников А. П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских народов. Оренбург, 1924. 290 с.

Шакарим Кудайбердылы. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Алма-Ата, 1990. 120 с.

Шаханова Н. Ж. Специфика пищи в военно-кочевом быту казахов (XVII—XIX в.) // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М., 1990. Вып. 2. С. 79—91.

Шишлина Н. И. О сложном луке срубной культуры // Проблемы археологии Евразии: (по материалам ГИМ). М., 1990. Вып. 74. С. 23—37.

Шовунов К. П. Военная организация ойратов в XIV — первой половине XVII вв. (с использованием данных эпоса “Джангар”) // “Джангар” и проблемы эпического творчества: (тез. докл. и сообщ. международной научной конференции). Элиста, 1990. С. 166—167.

Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII — XIX в.). Элиста, 1992. 320 с.

Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М., 1990. Вып. 1. 150 с.; Вып. 2. 131 с.

Юдин В. П. "Та'рих-и Шайбани" как источник по истории казахского и каракалпакского народов // Вопросы источниковедения (дореволюционный период). Алма-Ата, 1988. С. 201—221.

Юнусов А. С. Военное дело тюрок в VII—X вв. (по арабским источникам) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 97—105.

D'Ohsson C. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusgu'a Timour bey on Tamerlan, t. I—IV, ed. 3. Amsterdam, 1892.

Howorth H. H. History of the Mongols from the 9-th to the 19-th century, pt. 1: The Mongols proper and the Kalmuks. London, 1876; pt. II. The SO-called Tartars of Russia and Central Asia. Division. I—II. London, 1880.

Khazanov A. M. The Nomads and the Outside World. Wisconsin, 1994.

Parker E. H. The Kalmuks // The China review: or notes and queries on the Far East., v. XXIII, 1898—1899. Hongkong — London.

Scanlon G. T. Source material for history of Medieval Muslim Warfare // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1963. Т. 2. С. 53—57.

Skraine F. H., Ross E. D. The heart of Asia. London, 1899.

ТҮЙІН

Еңбекте Еуразия көшпелілерінің әскери өнері мен әскери ұйымдарының пайда болу негізі, XVII—XVIII ғғ. қазақтардың әскери ісінің деңгейі мен дамуы қарастырылған.

Табиғи-географиялық, шаруашылық, әлеуметтік, тіпті мәдени ерекшеліктер кешені, көшпелілердің, әскери ісіндегі өзгешеліктерін қалыптастырды.

Қаумалап аң аулау көшпелі қоғамда әскери әлеуметтік-шаруашылықтың институты бола отырып, көшпелілердің кейінгі әскери жүйесіндегі қалыптасқан және дамытылған тәжірибелік негізі мен үлгісін қалыптастырды. Еуразиялық көшпелілердің өзіндік әскери ісі өзінің қалыптасуы мен дамуында тірі табиғатпен (фауна) тығыз қатынастағы жинақталған аса бай экологиялық тәжірибемен ұштастырылса, ал олардың әскери өнері өз кезегінде табиғи (аңшылық тәжірибесі) сипат алды. Көшпелілердің қаумалап аң аулау мен әскери ұйымдары құрылымдарының толық сәйкестілігі аңшылық кәсіптің негізі көшпелі қоғамдағы әскери істің басты белгілеріне айналғанын білдіреді.

Орта ғасырлық және жаңа уақыттағы қазақ қару-жарағы Қазақстан жері Орталық Азиядан шыққан көшпелі тайпалар-

дың Батысқа қоныс аударуы кезінде “өткел” болғандықтан да, өзінен бұрынғы және өзімен қатар тіршілік еткен этносоциалдық құрылымдардың қару жасаудағы жетістіктерін өз бойына жинақтаған. Көшпелілердің отырықшы аймақтармен болып отырған жан-жақты этномәдени байланыстары, үздіксіз жүріп отырған өзара ықпалы көшпелілер әлеміндегі әскери істе айқын көрініс тапты. Әскери істегі кез-келген жаңалық көшпелілер қоныстанған ауқымды аймақтарға жылдам таралып отырды.

Көшпелі қазақтардың ұрыс қарулары қорында алыс және орта қашықтықтағы (садақ пен жебе, найза) қарулары басым еді. Орта ғасырлық және жаңа уақыттағы қазақтар мен еуразия көшпелілерінің қорғаныс құралдарының жалпы дамуы мен тікелей байланыстары талассыз факт болып табылады. Дәстүрлі қазақ қару-жарағын шартты түрде екі топқа бөлуге болады: 1) Жеңіл қарулар (құрық, қамшы, сойыл); 2) Соғыс қарулары (суық қарулардың барлық түрлері). Жеңіл қарулар көшпелілер арасында кең таралды, себебі оны дайындау сондайлық күрделі әдістерді талап етпеді және артық еңбек шығыны да жұмсалмайтын-ды. Көшпелі қазақ қоғамында суық және атыс қаруларының жаппай өндірілуі етек алмауы себепті, Қазақстан ұрыс қаруларының негізі жиынтығын (садақ, қайқы қылыш, мылтық) көршілес аймақтардан алды.

Жоңғарлар мен қазақтардың әскери-техникалық күш-қуатын салыстыра қарағанда Жоңғария қару өндірісінің басымдығы байқалады. XVII—XVIII ғғ. Жоңғар хандығында атыс қаруларын, әскери жарақтар (зеңбірек, мылтық, оқ-дәрі) өндіруші арнайы өндіріс құрылды. Өзінің әскери-экономикалық дербестігі арқасында ойраттар өз әскерін қажетті ұрыс құралдарымен қамтамасыз ете отырып, Цин империясымен болған күресте жарты ғасырдан астам өз тәуелсіздігін сақтап тұрды.

Жоғарғы буындағы қазақтардың әскери-ұйымдық құрылымы хандардың әскери-саяси үстемдігінің тұрақсыздығымен және солқылдақтығымен сипатталады. Сол себепті XVII—XVIII ғғ. қазақ әскери ұйымы көшпелі әскери жүйенің — атап айтқанда: қарулы күштерді құрудың ондық принципі және сарбаздарды

қанаттарға бөлу сынды әдістерін жоғалтты. Соңғы орта ғасырдағы және жаңа уақыттағы қазақтардың әскери ұйымы үшін әскери биліктің орта және жоғарғы топтарында батырлар әскери институтының басымдығы тән.

Қазақ әскери өнерінің басты принциптері көшпелілер тіршілігінің табиғи-климаттық жағдайымен тығыз байланыста болды. Көшпелілердің географиялық факторы мен экологиялық әлпісі (режим) шаруашылық ұйымдары арқылы қазақтардың әскери әдістері және тактикасына сөзсіз әсер етті. Сондай-ақ көшпелі қазақтардың әскери ұйымдарының құрылымы мен оның іс жүзіндегі нақты қызметі ұрыс қимылдарын жүргізу түрлері мен әдістерін айқындап отырды. XVII—XVIII ғғ. Қазақстанда мықты да біртұтас әскери-ұйым жүйесінің болмауы, қазақ әскери күшінің бытыраңқылығына әкеп соқтырды, бұл жағдай қазақ әскерлерінің әскери әдісі мен ұрыс жүргізу мүмкіндіктерінен айқын көрінді. Жоңғар-қазақ соғысы бытыраңқы қазақ жүздерінің бірігуіне, ұрысқа икемді жалпыхалықтық жасақтардың түзілуіне әсер етті.

SUMMARY

This work deals with the origin of the military organization, the military art of the Eurasian nomads and the evolution of the Kazakh military affair that took place in the XVII—XVIII centuries.

The peculiarities of the nomad military affair were determined by the natural-geographical, economical, social and cultural particularities.

The raiding hunt was, while the definite period of history, a militarized social-economical institution. This kind of hunt became a model and an experimental basis for the subsequent military system of nomads. The original military affair of the Eurasian nomads in its genesis was based on the rich ecological experience of relationship with nature (fauna), so the military art, in its turn, had a natural character.

As far as the territory of Kazakhstan that time was a kind of "a communication corridor" for nomad tribes during their military migration to the West, the Kazakh armament in the Mid-

dle Ages and in the New Time adopted the military achievements of the previous and parallel existing ethno-political unions of the Eurasian steppe regions. Ethno-cultural contacts of the nomads with settled agricultural regions displayed themselves in the nomad military activity. Any innovations in military sphere spread all over the vast nomad territory rather quickly.

The biggest part of the Kazakh war arsenal was the arms for the long- and middle-distance battles (bows and arrows, spears). Perhaps, it was an immediate connection between common defensive means of the Eurasian nomads and the Kazakhs in the Middle Ages and in the New Time.

Traditional Kazakh armiament can be divided into two groups: 1) so called light arms (khurykh, khamcha, soyl); 2) war arms (all kinds of the side arms). The light arm was mass for the nomads, because it wasn't very difficult to produce it. But serial production of the side arms and firearms was not popular with the Kazakh society, and it was the reason for the vast import of a great number of kinds of the battle arsenal (bows, sabres, guns) from the contiguous regions.

Comparison of the war-technical potentials of two peoples — Djungarian and Kazakh, reveals that the Djungarian military production surpassed the Kazakh one. The Djungarian khan-state in the XVII—XVIII c. had a special arm production, including guns, cannons, gunpowder.

The Kazakh military structure is characterized by its amorphous, unstable military-political power of the Khans. Perhaps, that's why military organization of the Kazakhs in the XVII—XVIII c. lost the distinctive attributes of the nomad military system — the principal of the decimal forming of the military forces and dividing them into the "wings".

The Kazakh military organization of the last Middle Ages and the New Time at its middle and highest levels is characterized by the domination of the military institution of batyrs. This

institution controlled ruling, coordinating and regulating within the military organization.

The main principals of the Kazakh military art were closely connected with the natural-geographic conditions of the nomad life. The natural-geographic factor had an active influence on the ways and methods of the war tactics.

Due to the absence of the united durable military organization system in Kazakhstan in the XVII—XVIII c., the military forces of the Kazaks were scattered. This fact influenced on the possibility the fighting strength and military effectiveness of the Kazakh army. The Djungarian-Kazakh wars contributed to the unity of the uncoordinated Kazakh juzes, outputting the single political course and forming battleworthy national militia.

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Проблемы генезиса военного дела кочевников	17
1.1. Облавная охота и ее значение в становлении и развитии кочевой военной организации.....	17
1.2. Специфика военного искусства кочевников.....	30
Глава 2. История возникновения и распространения комплекса вооружения казахов	44
2.1. Оружие дальней дистанции (лук и стрелы).....	44
2.2. Предметы вооружения ближнего боя и огнестрельное оружие.....	58
2.3. Оборонительный доспех и воинское снаряжение.....	74
Глава 3. Особенности военной организации, боевой тактики казахов-кочевников и джунгаро-казахские военные конфликты в XVII—XVIII вв.	84
3.1. Традиционная казахская военная организация.....	84
3.2. Особенности военной тактики казахов-кочевников.....	97
3.3. Джунгаро-казахские войны и их результаты.....	111
Заключение	138
Использованные источники и литература	142
Түйін	164
Summary	167

Кушкумбаев А. К.

К 96 Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 172 с. + вкл. 12 с. – (Казахстанские востоковедные исследования).

ISBN 9965-441-44-8

В работе предпринята попытка разностороннего изучения вопросов военной истории Казахстана XVII–XVIII вв., показана роль облавной охоты в становлении военного дела кочевников, рассмотрены состав казахского вооружения и формы его использования в боевых условиях, дана социальная характеристика функционирования казахской военной организации этого периода, показаны особенности военной тактики казахов

Книга предназначена для историков, этнографов, преподавателей, студентов и любителей военной истории.

К 1301000000
00(05)-01

ББК 68.4

На 1-й странице обложки
использован наскальный рисунок
“Слава древних тюрок” из урочища Ой-жайляу

Научное издание

Айболат Кайрслямович Кушкумбаев

**ВОЕННОЕ ДЕЛО КАЗАХОВ
В XVII—XVIII ВЕКАХ**

Редактор *Т. П. Казанникова*

Художник серии *В. П. Васильев*

Компьютерный дизайн обложки *А. В. Ганина*

Вклейка *В. Д. Сычева*

Корректоры *И. Г. Гладышева, С. Г. Омелаенко*

Компьютерная верстка и дизайн *Е. А. Нemiровской*

Подписано в печать 25.07.01. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. п. л. 10,8. Уч.-изд. л. 9,1.

Тираж 1000 экз.

Издательство “Дайк-Пресс”,
480100, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29.
Тел.: 62-28-35, 62-69-63

Директор *Б. А. Казгулов*

Типография ТОО “Print-S”
480082, г. Алматы, ул. Ибрагимова, 1